

БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА.

Повѣсть изъ исторіи русскаго раскола

Г. Т. Съверцева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Издание П. П. Сойкина

КНИЖНЫЙ ОКЛАДЪ:
Отрамянная, № 12, собств. домъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ:
Невскій пр. 26, уг. Надендиной.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 17 января 1905 г.

2007061767

Типографія П. П. Сокина, Слб., Стремянная, 12.

I.

1648 годъ Москва встрѣтила весело.

Въ январѣ женился молодой царь Алексѣй Михайловичъ на Маріи Ильинишнѣ Милославской.

Свадьбу отпраздновали по стариннымъ дѣдовскимъ обычаямъ. Посаженною матерью у государя была боярыня Авдотья Алексѣевна Морозова, жена Глѣба—брата его дядьки, пѣстуна и кормильца, Бориса Ивановича Морозова.

Немолоденекъ ужъ Глѣбъ Ивановичъ: полсотни скоро минеть, почитай тридцать лѣтъ женатъ на Авдотѣ Алексѣевнѣ.

Женился онъ въ тѣ поры, когда еще бояриномъ не былъ; въ 1637 году пожаловалъ его покойный государь Михайлъ Феодоровичъ боярствомъ.

Статень все еще бояринъ Морозовъ,—въ темныхъ кудряхъ его только кое-гдѣ еще серебристая просѣдь показалась. А когда онъ въ высокой боярской шапкѣ и аксамитовомъ кафтанѣ, съ расчесанной темнорусой бородой, лѣтникъ оберегалъ, то совсѣмъ молодымъ человекомъ казался.

— Ой, Глѣбушка, куда супротивъ тебя братцу твоему, Борису Ивановичу. Онъ тебѣ въ отцы смотритъ!—сказала мужу Авдотья Алексѣевна.

— Да и ты, жена, еще не старой кажешься,—шутливо отозвался Глѣбъ Ивановичъ,—всѣмъ: и ростомъ, и дородствомъ взяла!

Улыбнулась на мужнину похвалу боярыня и, точно бѣлая лебедь, проплыла въ своемъ дорогомъ парчевомъ сарафанѣ, подаркѣ своего царственного посаженнаго сына, навстрѣчу новобрачнымъ, возвращавшимся изъ-подъ вѣнца въ царскія палаты.

Затрезвонили во все колокола на Кремлевской колокольнѣ; царскій ходъ двинулся изъ Успенскаго собора; супруги Морозовы разстались.

Боярыня вошла въ золотую палату, гдѣ въ красномъ углу лежали на аналоѣ иконы и стоялъ пышный каравай бѣлаго хлѣба. Глѣбъ-же Ивановичъ вышелъ вмѣстѣ съ царскимъ тестемъ, Милославскимъ, на Красное крыльцо для встрѣчи молодыхъ.

— Кто этотъ дворянинъ, бояринъ Илья Даниловичъ?—спросилъ Глѣбъ Милославскаго, указывая ему на рослаго мужчину, шедшаго въ числѣ „сверстныхъ“, т. е. родственниковъ невѣстѣ дворянъ.—Чтой-то я его какъ будто еще здѣсь не видалъ?

— Сродственникомъ дальнимъ доводится намъ по женину роду, Прокопій Федоровичъ Соковнинъ. А вотъ среди боярышень, видишь, двѣ дѣвушки такія статныя да видныя: его дочери, Оеия да Дуня.

Морозовъ взглянулъ и обомлѣлъ.

Обѣ дѣвушки прямо выдѣлялись изъ толпы своихъ сверстницъ. Въ особенности красавицею выглядѣла старшая изъ нихъ, Оеия.

— Наградилъ-же Господь твоего сродственника такими дочерьми!—прошепталъ Глѣбъ Ивановичъ:—лѣпоты неописанной!

— А вонъ тамъ и сынокъ его Федоръ находится,—продолжалъ Милославскій:—царь-батюшка не обошелъ и его своею милостью, въ стольники пожаловалъ!

Но Морозовъ не слышалъ, что ему говорилъ царскій тесть: все его вниманіе было поглощено дѣвушкою.

При самомъ входѣ въ палату молодыхъ поставили на „мѣхъ“, и двѣ постельныя боярыни обсыпали ихъ

хмѣлемъ, пшеничнымъ зерномъ и золотыми ефимками, — желая этимъ, чтобы новобрачнымъ жилось весело, сытно и богато.

Послѣ всѣхъ обрядностей повеличали молодыхъ царя и царицу и сѣли за свадебный столъ въ столовой палатѣ.

Долго тянулся пиръ.

Утомленные приготовленіями къ свадьбѣ молодые царь и царица удалились на покой.

Отшумѣла царская свадьба.

При молодой царицѣ, Марьѣ Ильинишнѣ, появилось много новыхъ лицъ.

Между прочимъ получили назначенія отецъ и сынъ Соковнины и обѣ дочери Прокопія Федоровича.

Черезъ мѣсяць послѣ царской свадьбы старикъ Соковнинъ пожалованъ былъ въ царицны дворецкіе. На его обязанностяхъ было „сидѣть за поставцомъ царицына стола“, т. е. отпускать для царицы яства.

Не прошло и четырехъ мѣсяцевъ послѣ этого, какъ его пожаловали въ сокольничьи.

— Сыновья его Федоръ и малолѣтній Алексѣй сдѣланы были еще раньше стольниками. Что-же касается до обѣихъ дѣвушекъ, то онѣ были взяты въ „верхъ“ къ государынѣ.

Для незнатной и небогатой семьи Соковнинныхъ такая перемѣна была очень желательна и пріятна.

Благодаря родству съ молодой царицею, Прокопій Федоровичъ мечталъ и о думномъ дворянствѣ.

Милославскіе поддерживали своихъ родичей и помогали имъ подыматься по ступенямъ лѣстницы придворныхъ чиновъ.

Одно только обстоятельство удручало старика Соковнина: его роду приходилось занимать все еще предпоследнее мѣсто. Но онъ все-таки надѣялся, что это приходится испытывать ему только временно.

II.

— Не можется чтой-то моей Авдотѣ Алексѣевнѣ, государь, — отвѣтилъ Глѣбъ Морозовъ на вопросъ царя, почему мать его посаженная въ царскихъ хоромахъ не бываетъ.

Алексѣй Михайловичъ озабоченно взглянулъ на боярина.

— Нужно каждую хворь во-время изгонять! — сказалъ онъ серьезно: — велю я своему лѣкарю Готфриду къ тебѣ въ домъ понавѣдаться, мать мою посаженную полѣчить...

Морозовъ низко поклонился царю въ отвѣтъ и промолвилъ:

— Спасибо, государь, на твоей заботѣ о насъ, людишкахъ. Ждать будемъ твоего лѣкаря Готфрида, съ честью примемъ...

Въ богатой опочивальнѣ Морозовскаго дома, раскидавшись на постели, лежала сама боярыня Авдотья Алексѣевна. Огневица трясла ее уже болѣе недѣли. Пробовали лѣчить домашними средствами, баню нѣсколько разъ вытапливали и въ ней больную боярыню нарочито приглашенныя знахарки различными снадобьями въ самомъ жару терли, заговоры противъ огневицы дѣлали, но ничто не помогало, — горячка не покидала Морозову,

Съ каждымъ днемъ ей становилось все хуже: бредъ и жаръ усиливались, она не узнавала даже самыхъ близкихъ.

— Сегодня будетъ у насъ царевъ лѣкаръ Готфридъ, — сказалъ Глѣбъ Ивановичъ, возвратясь изъ царскихъ палатъ.

Но больная ничего не слышала и не понимала.

Безмысленно смотрѣла она на стоящаго у ея постели мужа и вздрагивала всѣмъ тѣломъ.

— Испортили тебя, мою матушку, злые, завистливые люди!—прошепталь бояринъ и, смахнувъ съ рѣсницы слезу, вышелъ изъ опочивальни.

Дождать лѣкаря Готффрида пришлось не долго. Послушный царскому приказу, онъ скоро явился въ Морозовскій домъ.

Небольшого роста, сухонькій, одѣтый въ черный бархатный камзолъ, въ черныхъ чулкахъ и высокихъ полубашмакахъ, съ отворотами, Готффридъ мало походилъ на нѣмца. Остроконечная черная борода, пронизательный взглядъ темныхъ глазъ, горбатый носъ и смуглая кожа лѣкаря скорѣе говорили о его принадлежности къ какой-нибудь южной расѣ.

— Веди меня, бояринъ, къ больной, — довольно чисто произнося русскія слова, обратился вновь прибывшій къ хозяину.

Желаніе его было немедленно исполнено.

Внимательно осмотрѣвъ больную, отогнувъ ей слегка вѣки, пристально взглянувъ въ сухую, воспаленную кожу лица, Готффридъ приложился своимъ глазомъ ко лбу боярыни и, отойдя въ сторону отъ постели, на минутку задумался.

— Ну, что?—пытливо спросилъ его хозяинъ.

Лѣкарь недовольно качнулъ головою.

— Запущенъ больно недугъ твоей супруги, — отвѣчалъ онъ:—сейчасъ сказать ничего не могу, нужно испробовать разныя средства.

Глѣбъ Ивановичъ печально опустилъ голову.

— Сильно забрала въ свои когти твою супругу огневица, — продолжалъ Готффридъ: — попытаемся ее вырвать изъ власти недуга.

— По гробъ жизни буду, мейстеръ Готффридъ, благодаренъ, коли выпользуешь ее мнѣ...

Лѣкарь ничего не отвѣтилъ боярину, но сейчасъ-

же самъ отправился въ царскую лѣкарственную избу и тамъ съ помощью аптекарей, тоже вывезенныхъ изъ заграницы, принялся за изготовленіе лѣкарства.

Немало времени провелъ онъ за этимъ, но когда въ зеленоватой склянкѣ изъ толстаго стекла оказалась темная жидкость, онъ довольно взянуль на приготовленное снадобье и быстро отправился обратно въ Морозовскій домъ.

Тамъ всѣ ожидали возвращенія Готффрида.

— Вотъ, лѣкарство отъ недуга боярыни, — увѣренно проговорилъ лѣкаръ, указывая на склянку.

Морозовъ благодарно взглянулъ на лѣкаря, принесшаго ему средство, чтобы спасти горячо любимое имъ существо отъ смерти.

— По маленькой чаркѣ давайте ей три раза въ день утромъ, въ полдень и на ночь! Завтра о сіе время я опять навѣдаюсь къ вамъ.

И, провожаемый низкими поклонами, Готффридъ ушелъ изъ Морозовскаго дома

Строго слѣдовалъ указаніямъ царскаго лѣкаря Глѣбъ Ивановичъ и самъ давалъ больной женѣ лѣкарство.

Прошелъ день; улучшенія въ ходѣ болѣзни боярыни не послѣдовало; она попрежнему находилась безъ памяти и продолжала бредить. Изумленно взглянулъ на нее снова пришедшій лѣкаръ и приказалъ продолжать давать то-же самое лѣкарство.

Прошло еще нѣсколько дней. Готффридъ мѣнялъ средства, но больной все становилось хуже. Незнавшій куда скрыться отъ горя, Глѣбъ Ивановичъ съ укоризною глядѣлъ на царскаго лѣкаря, но не порицалъ его. Онъ все еще надѣялся на спасеніе жены, хотя было очевидно, что едва-ли боярыня выживетъ.

Съ каждымъ днемъ силы ея покидали, движенія стали слабѣе, и черезъ три недѣли послѣ начала болѣзни Авдотьи Алексѣевны Морозовой не стало.

III.

Схоронивъ жену, Глѣбъ Ивановичъ сдѣлался совершенно нелюдимымъ.

Онъ рѣдко показывался въ царевыхъ палатахъ и братъ его, Борисъ Ивановичъ, не разъ пенялъ на него за невниманіе къ любившему ихъ царю.

— Ты только, Глѣбъ, подумай, насколько это неразумно не бывать въ царскихъ палатахъ! — говорилъ старшій Морозовъ:—и царя батюшку прогнѣвши ты этимъ, да и себѣ пользы мало принесешь!

Глѣбъ тяжело вздохнулъ и промолвилъ:

— Ужъ больно тоскливо мнѣ безъ покойной Авдотьюшки гдѣ-либо и бывать!

— На все воля Божія! Оставь мертвыхъ — мертвымъ. Ты самъ живъ, — думай о живомъ! — отозвался Борисъ.

— Дай хотя время, чтобы позабыть немного...

— Довольно, кажись, скучать! Поскучалъ и поплакалъ немало! Слушай, братъ, добраго совѣта, ступай къ царю-батюшкѣ.

Глѣбъ на минуту задумался, а затѣмъ махнулъ отрицательно рукой.

— Не пойду!

— Ишь какой упрямый! Ну, прощай!

И братья разстались.

Что разъ рѣшилъ Борисъ Морозовъ, то должно было и совершиться, — Глѣбу не чередъ сидѣть затворникомъ дома. Это не входило въ расчеты старшаго, вліятельнаго у царя, брата.

— Чтой-то давно не вижу я твоего брата Глѣба, Иванычъ? Аль занедужился онъ сильно? — спросилъ Алексѣй Михайловичъ Морозова.

— Здоровъ онъ, великій государь, — послѣшилъ отвѣтить Борисъ, — только по женѣ своей покойной, по

твоей царской милости матери посаженной, ужъ больно скучаетъ...

— Почтенна печаль его...—задумчиво проговорилъ молодой царь.—А сколько времени, какъ матушка Авдотья Алексѣевна скончалась?

— Да годъ второй ужъ пошелъ, государь...

— Быстро убѣгаетъ время, точно стремительная рѣка,—замѣтилъ Алексѣй Михайловичъ и, обратившись къ сидѣвшей рядомъ съ нимъ молодой царицѣ, сказалъ:

— Ишь какъ Глѣбъ свою жену любилъ!

— Повелишь, великій государь, потребовать его предъ твои царскія очи?— снова спросилъ старшій Морозовъ.

— Не требовать, а просить,—сказать, что желаю его видѣть!

Довольный своимъ успѣхомъ, Борисъ сейчасъ-же послалъ за братомъ гонца съ приказомъ отъ царя немедленно явиться въ государевы палаты.

Изумился Глѣбъ Ивановичъ токому необычайному зову, но послушаться царскаго приказа не посмѣлъ и тотчасъ-же явился къ государю.

— Вотъ и ты, Глѣбъ Ивановичъ, пожаловалъ! Кое время глазъ не кажешь-то! Ужъ не занедужилось-ли тебѣ? Задумалъ спосылать за тобой...

Младшаго Морозова пріятно поразило ласковое царское слово и онъ низко поклонился царю и царицѣ.

— Наслышаны мы, что ты больно по покойной боярынь, женѣ твоей и нашей матери посаженной, скучаешь. Такъ вѣдь оно?

— Истинно, государь, доподлинно такъ,— отвѣтилъ Морозовъ.

— Такъ вотъ мы съ царицей надумали, что не повадно тебѣ, бояринъ, жить, въ одиночествѣ; нужно тебѣ снова выбрать достойную супругу!

Грустная улыбка пробѣжала по губамъ Глѣба Ивановича.

— Куда мнѣ, государь, жениться! Старь я для этого: на шестой десятокъ пошло, никто за меня и замужъ итти не захочетъ!

— Анъ нѣтъ, завѣдомо намъ, что немало дѣвушекъ красныхъ, дочерей боярскихъ, да честныхъ вдовъ на тебя зарятся,—мягко проговорила царица Марія Ильинишна.

Возражать ей для боярина было неудобно. Онъ молча выслушалъ слова царицы и, когда она окончила говорить, тихо спросилъ:

— Дозволь узнать, государыня матушка, кто эти красавицы, что за меня, старика, замужъ пойти рѣшаются?

— Коли знать, Глѣбъ Ивановичъ, желаешь, отъ тебя не потаю,—неувѣренно проговорила царица.

Морозовъ приготовился слушать.

— Постой, Марьюшка,—перебилъ ее царь:—дай мнѣ наперво боярина пораспытать...

И снова обратившись къ Морозову, онъ проговорилъ:

— Глѣбъ Ивановичъ! Колю мы съ женою тебѣ сватами будемъ, согласенъ-ли ты вѣнецъ брачный вторично принять?

— Изъ твоей воли, государь, не выйду: какъ укажешь, такъ и поступлю! — прошепталъ смущенный Морозовъ.

— Коли такъ, такъ пусть говорить тебѣ царица!—сказалъ Алексѣй Михайловичъ, обрадованный согласіемъ своего любимца.

— Вѣдома-ли тебѣ дочь окольного Прокопія Федоровича Соковнина?—спросила царица.

Глѣбъ вспомнилъ въ эту минуту о дѣвушкахъ, такъ поразившихъ его во время царской свадьбы.

— Одинъ разъ доводилось видѣть, государыня-матушка; въ день твоего брака съ великимъ государемъ,—рѣшительно отвѣтилъ Морозовъ,—двухъ дѣвицъ указывалъ мнѣ твой родитель.

— А по обличію помнишь ихъ еще, бояринъ?

Морозовъ замаялся, не зная, что отвѣтить царицѣ.

— Сейчасъ тебѣ, бояринъ, напомнимъ!

И Марія Ильинишна приказала кравчей боярынъ, княгинѣ Авдотѣ Коркодиновой, сходить за Ѳедосеей Соковниной.

— Не гоже, Глѣбъ Ивановичъ, быть едину, — снова замѣтилъ государь.

— По нраву тебѣ Ѳедосья придется: дѣвица строгая, умная, не смѣшливая, богобоязненная. Тебѣ, бояринъ, совсѣмъ подь пару, — расхваливала молодая царица Соковнину.

Немного спустя въ царицыну горницу, гдѣ происходилъ весь этотъ разговоръ, раскраснѣвшаяся даже подь густымъ слоємъ бѣлилъ, которыми покрывали въ древней Руси лицо всѣ женщины и дѣвицы, вошла Ѳедосья Прокофьевна Соковнина.

Морозовъ сразу призналъ въ ней ту дѣвушку, на которую указывалъ ему Милославскій.

Онъ мелькомъ взглянулъ на молодую Соковнину и, повидимому, сразу рѣшившись, подошелъ къ царю и, низко поклонившись ему и царицѣ, твердо произнесъ:

— Благovolите, государь великій, и ты, государыня-матушка, посватать мнѣ дѣвицу Соковнину, Ѳедосью Прокопьевну...

Государь ласково улыбнулся на его слова и, подзававъ къ себѣ Ѳедосью, спросилъ:

— Позволишь мнѣ, дѣвица-красавица, тебѣ сватомъ быть?

Соковнина зардѣлась еще больше и чуть слышно прошептала:

— Въ твоей волѣ, государь.

Сейчасъ же за отцомъ ея, Прокопѣемъ Ѳедоровичемъ, былъ отряженъ особый посоль. Старый окольничій не долго заставилъ себя ждать и вскорѣ явился предъ свѣтлыя царскія очи, не зная еще, радоваться-ли ему, или печалиться отъ такого поспѣшнаго сватовства.

— Что задумался, Прокопій Ѳедоровичъ? — мягко спросилъ его Алексѣй Михайловичъ. — Аль не любь тебѣ будущій зять?

Соковнинъ очнулся.

— Ой, какъ еще любь, государь! Статочное-ли дѣло породниться мнѣ съ такимъ близкимъ къ тебѣ чело-вѣкомъ, какъ бояринъ Глѣбъ Ивановичъ!

Довольный его согласіемъ, царь велѣлъ сейчасъ же приготовить все для „образованія“.

Не прошло и полчаса, какъ младшій изъ братьевъ Морозовыхъ и Ѳедосья Прокопьевна Соковнина были „образованы“, т. е. благословлены образами, здѣсь же, въ „верху“, у царицы.

Къ изумленію всей своей дворни и челяди, Глѣбъ Ивановичъ вернулся домой женихомъ. Острая печаль, которую онъ испытывалъ послѣ смерти первой жены, за годъ значительно смягчилась. Морозовъ, самъ того не замѣчая, томился больше своимъ одиночествомъ.

Неожиданное сватовство царя, несомнѣнно не безъ вліянія старшаго Морозова, застало Глѣба врасплохъ. Безъ этого случая онъ едва-ли женился бы вторично.

Дѣвушка нравилась пожилому вдовцу и онъ надѣялся быть съ нею счастливымъ.

Сватовство происходило въ сентябрѣ 1652 года, а въ первой половинѣ октября Ѳедосья Прокопьевна Соковнина стала боярынею Морозовою.

Достатковъ у ея отца было немного. Необходимое въ тѣ времена приданое сдѣлала невѣстѣ царица Марія Ильинишна за свой счетъ.

Вѣнчали ихъ, по желанію царя, въ одномъ изъ Кремлевскихъ соборовъ. Царица была посаженною матерью. Свадьбу отпраздновали пышно.

Вскорѣ и младшей Соковниной, Евдокии Прокопьевнѣ, нашелся женихъ, князь Петръ Семеновичъ Урусовъ, одинъ изъ близкихъ къ царю людей.

IV.

Федосья Морозова и Авдотья Урусова, какъ говорилъ и самъ „тишайшій“ царь, смотрѣли на замужнюю жизнь крайне строго. Въ особенности Федосья Прокопьевна.

Выйдя семнадцатилѣтней дѣвушкою за человѣка, годившагося ей чуть не въ дѣды, она сразу ушла вся въ домашнюю жизнь и, хотя вокорѣ послѣ свадьбы и была пожалована званіемъ „пріѣзжей боярыни“, т. е. одной изъ тѣхъ, которыя имѣли доступъ къ царицѣ и выбирались въ ограниченномъ числѣ, тѣмъ не менѣе, въ царицѣны палаты ѣздила не часто.

— Пріѣзжай, боярыня, въ четвертокъ ко мнѣ, — сказала какъ-то царица, Марія Ильинишна, очень любившая степенную и немного угрюмую свою дальнюю родственницу, Федосью Морозову, — у меня старицы соборныя обѣщались быть.

Возможность послушать старицъ постоянно примаанивала молодую боярыню бывать по этимъ днямъ въ „верху“. Собирались у царицы старицы изъ разныхъ монастырей: Вознесенскаго, Новодѣвичьяго и другихъ. Это были преимущественно вдовы или дочери именитыхъ бояръ; не мало среди нихъ было и родственницъ царскаго дома.

По четвергамъ за столомъ у царицы сидѣло ихъ обыкновенно до двѣнадцати.

Старшею гостью на этихъ обѣдахъ считалась сестра царицы Анна Ильинишна Морозова, жена брата Глѣба Ивановича, Бориса, самаго близкаго къ царю боярина.

Только самыхъ ближнихъ боярынь приглашала на эти обѣды царица. Звать ихъ ходили обыкновенно боярскія дѣти царицына чина, получавшія отъ приглашаемыхъ обычное „зватое“ деньгами.

Здѣсь, въ „верху“, мѣстничество между пригла-

шенными и соперничающими боярынями процвѣтало не менѣе, чѣмъ среди бояръ внизу.

Дабы искоренить этотъ неудобный обычай, царица нерѣдко давала боярынямъ приказъ:

— Сидѣть безъ мѣсть!

И приказа этого никто не осмѣливался послушаться.

Въ сводныхъ спискахъ „пріѣзжихъ боярынь“ имя Феодосьи Прокопьевны значилось седьмымъ изъ общаго числа сорока трехъ.

Одно время боярыня Морозова была у царицына стола, который накрывался особо, даже кравчей, но ненадолго.

— Не гоже тебѣ, Феодосья Прокопьевна, зря утруждаться послугою, — сказала какъ-то Марія Ильинишна, и съ той поры эта должность была передана другой боярыньѣ, а Морозова заняла за столомъ свое прежнее мѣсто.

Не любила молодая женщина торжественныхъ обѣдовъ въ покояхъ царицы; ей пріятнѣе было присутствовать на частныхъ собраніяхъ у государыни.

— Тихо таково, чинно пищу вкушаютъ, — рассказывала она мужу; — старицы соборныя про себя молитву творятъ; крестовый протоіерей, отецъ Сергій, чинъ возношенія хлѣба Пресвятыя Владычицы Богородицы каждый разъ совершаетъ, отправляетъ съ пѣніемъ многимъ „чашу Пречистой!“ Хорошо въ тѣ поры у царицы!

Со вниманіемъ слушалъ Глѣбъ Ивановичъ рассказъ своей молодой супруги; степенному, богобоязненному боярину она пришлась по душѣ. Онъ любилъ тихое семейное счастье и, несмотря на разность лѣтъ между нимъ и Феодосьей Прокопьевной, онъ привязался къ ней чуть-ли не больше, чѣмъ къ своей первой женѣ.

Любилъ свою молодую сноху и Борисъ Ивановичъ, первый царскій совѣтникъ и пѣстунъ.

Старшій Морозовъ поражался ея начитанностью,

довольно рѣдкою среди женщинъ того времени, ея серьезностью и сообразительностью.

— Ну, братъ Глѣбъ, вымолилъ же ты у Господа себѣ жену! Всѣмъ взяла: и лѣпотою, и разумомъ, и обхожденіемъ!—не разъ повторялъ онъ брату.

На такія слова младшій Морозовъ довольно ухмылялся и, поглаживая свою осанистую бороду, сѣдина въ которой пробивалась уже сильнѣе, отвѣчалъ:

— Много Богу моему за счастье, мнѣ посланное, благодаренъ; государя великаго съ царицей-матушкой до конца дней моихъ помнить буду за доброту ко мнѣ старому!

И онъ, глядя на висѣвшій въ углу горницы большой образъ Милостиваго Спаса, осѣнялъ себя широкимъ крестомъ.

V.

Богато жилъ Глѣбъ Ивановичъ.

Домъ у боярина былъ полною чашею; всего у него было довольно. Одной челяди больше трехсотъ чело-вѣкъ прислуживало въ дому; не мало было прижи-вальщиковъ, друзей и сродственниковъ. Имущества, находившагося въ дому, считали тысячъ на двѣсти рублей. По тому времени это было очень крупное со-стояніе.

Кромѣ того, царь подарилъ ему нѣсколько земель-ныхъ имѣній съ восемью тысячами крестьянъ.

Выѣздъ Морозова зналъ чуть-ли не каждый москвичъ. Дорогая колымага съ серебряными и мо-заичными украшеніями, запряженная въ шесть или двѣнадцать лошадей, съ гремящими серебряными цѣ-пями, обращала на себя общее вниманіе.

— Эвона, Глѣбъ Ивановичъ съ Федосеей Про-копьевной къ царю отправился!—говорилъ людъ мо-сковскій, встрѣчая пышный морозовскій поѣздъ.

За колымагаю въ большіе выѣзды шло, смотря по обстоятельствамъ, отъ ста до трехсотъ рабовъ и рабынь „ради для сбереженія здоровья господъ и охраненія ихъ чести“.

Обоихъ супруговъ любили какъ „въ верху“ у царицы, такъ равно и у царя.

— Како вѣровати и жити богоугодно, поучи-ка, сестрица, меня старика,—обращался не разъ Борисъ Морозовъ къ своей молодой снохѣ; ты вѣдь искусна въ „духовныхъ словесѣхъ“, а намъ, грѣшнымъ, до нихъ добираться время не хватаетъ: всё въ заботахъ да въ трудахъ на пользу государя-батюшки и государства русскаго!

— Чему могу учить васъ, братецъ,—скромно, но съ достоинствомъ отвѣчала Морозова.—Мужской умъ куда выше нашего бабьяго; побесѣдовать я готова съ вами...

И эти бесѣды иногда длились нѣсколько часовъ Краснорѣчивую женщину, умѣвшую прекрасно говорить, Борисъ Ивановичъ слушалъ съ нескрываемымъ вниманіемъ.

— Съ любымъ изъ нашихъ поповъ твоя жена поспорить можетъ,—замѣтилъ Глѣбу какъ-то старшій Морозовъ.—Откуда у нея только берется все это?

И онъ, возвращаясь домой, съ сожалѣніемъ сравнивалъ свою жену, Анну Ильинишну, сестру царицы, тоже красавицу, съ своею умною снохою и находилъ, что послѣдняя значительно больше умственно развита и начитана.

— Эхъ, Ильинишна, ѣзжай-ка ты почаще къ Федосѣѣ Прокопьевнѣ, ее послушай, краснѣ и умнѣ говоритъ она!

Анна Ильинишна послушно исполняла мужнину волю, ѣздила въ домъ младшаго Морозова и бесѣдовала съ его женою.

Но тѣмъ не менѣе жены обоихъ братьевъ далеко не сходились. Анну Ильинишну подавляли выдаю-

щія способности урожденной Соковниной, которую она считала все-таки ниже себя, такъ какъ была сестрою царицы Маріи Ильинишны.

Встрѣчались обѣ снохи привѣтливо, разговаривали подолгу, но дружбы между ними не существовало. Прозорливый Борисъ Ивановичъ догадывался объ этомъ, но Глѣбъ ничего не замѣчалъ.

Большая радость случилась въ Морозовскомъ домѣ: молодая боярыня забеременѣла и родила сына Ивана.

Бездѣтный во время тридцатилѣтняго перваго брака, Глѣбъ Ивановичъ обезумѣлъ отъ радости.

— Слышь, братъ, на старости лѣтъ до какой радости-то дожилъ,—говорилъ онъ Борису,—сына Богъ далъ родного! Не умреть нашъ родъ, отпрыскъ есть! Старъ вотъ только я,—не поднять Ивана, не видать его большимъ!..

Младшій Морозовъ печально умолкъ.

— Лѣта наши Господомъ намъ не сказаны; може въ Книгѣ живота еще долгіе годы тебѣ земного житія предопредѣлены!—утѣшалъ его братъ Борисъ.

— Такъ-то оно такъ, да что-то мнѣ говорить, что не долго мнѣ въ живыхъ оставаться.

— Судить Творецъ Небесный тебѣ, братъ, кончин, пріять — за сына своего не скучай: супруга твоя, Федосья Прокопьевна выраститъ его, почитай, не хуже тебя: у нея ума палата!

— Истинно правду говоришь ты, братъ старшой! Федосья не упуститъ возроститъ нашего сына,—служу царю и отечеству изъ него сдѣлаетъ!

— Э, полно, Глѣбъ, задумываться, не вѣшай голову; вспомни, какъ при царѣ покойномъ Мпхаилѣ бился ты со врагами! Не разъ на вѣрную смерть шелъ, и все Господь хранилъ тебя.

И успокоенный Борисомъ, Глѣбъ Ивановичъ снова ободрился и забылъ о своихъ мрачныхъ мысляхъ.

VI.

Вѣщія предзнаменованія и предчувствія не проходятъ безслѣдно.

Глѣбъ Ивановичъ, несмотря на то, что слова брата немного разсѣяли его грустныя мысли, не могъ по прежнему наслаждаться мирнымъ состояніемъ духа. Его продолжало томить какое-то предчувствіе, какое-то ожиданіе скорого конца.

Однажды, разговаривая съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, онъ совершенно неожиданно произнесъ:

— Скоро, скоро, великій государь, я съ тобой разстанусь...

Царя изумилъ печальный тонъ словъ боярина.

— Аль задумалъ въ отчины свои дальнія съѣздить? Что-жь, Ивановичъ, доброе дѣло; ступай, на птицу аль на краснаго звѣря поохоться, — весело проговорилъ Алексѣй Михайловичъ.

— Нѣтъ, государь, не объ отѣздѣ въ отчины я помышляю, совсѣмъ съ тобой разстаться скоро придется...

— Нѣтъ, Глѣбъ, не отпущу я тебя, ты еще мнѣ нуженъ для службы государственной, — быстро возразилъ молодой государь.

Печально усмѣхнулся Морозовъ,

— Ни за что, государь великій, я тебя не покинуль-бы волею, а неволею долженъ буду!

— Кто-же тебя, бояринъ, неволить?

— Смерть! — глухо произнесъ старикъ, — сторожить она меня, дожидается.

— Аль занедужилось тебѣ, Ивановичъ, что о смерти заговорилъ? — участливо спросилъ царь.

— Недуга особаго, государь, не чувствую, а все точно во мнѣ замерло, все не стало мило, тоска вотъ какъ сердце и щемить.

— Не спосылать-ли къ тебѣ лѣкаря моего, Готфрида нѣмца?— снова спросилъ Алексѣй Михайловичъ.

— Куда его, царь милостивый,— не нужно,— вспомянувъ въ эту минуту о неудачномъ лѣченіи царскимъ врачомъ своей первой жены, промолвилъ Морозовъ.

— Такъ отдохни дома,— участливо сказалъ царь,— пройдетъ навожденіе твое!

Морозовъ разстался съ царемъ.

Тяжелое настроеніе духа, овладѣвшее имъ, не проходило, онъ затосковалъ еще сильнѣе.

— Помни, Федосья Прокопьевна, — говорилъ онъ женѣ,— все исполни, что я про сына, про Ивана, тебѣ сказывалъ!

Молодая женщина точно вмѣстѣ съ мужемъ сознавала справедливость его предчувствій.

— Будь спокоенъ, Глѣбъ Ивановичъ, все исполню!

— Старину чтѣ, новшества бойся, не доведутъ до добра онѣ! Живи благообразно, какъ и нынѣ живешь, не уклоняйся отъ установленій, что намъ положены изстари! — продолжалъ свои поученія женѣ Морозовъ.

Федосья Прокопьевна со вниманіемъ слушала его, стараясь не проронить ни одного слова.

Глѣбъ день-ото-дня становился все молчаливѣе, все мрачнѣе.

Чувствовалось, что какой-то неизвѣстный недугъ овладѣлъ бояриномъ.

Богомольный отъ самыхъ юныхъ лѣтъ, Глѣбъ Ивановичъ все время шепталъ молитвы, перебирая четки.

Государь соскучился, не видя болѣе двухъ недѣль своего вѣрнаго слуги.

— Чтой-то, Борисъ Ивановичъ,— обратился онъ къ своему воспитателю,— братъ твой все дома сидитъ? Удосужься, сходи къ нему, скажи ему отъ моего имени, что повидѣть его желаю.

Воля царя была указомъ его пѣсту, и онъ немедленно отправился къ брату.

— Государь великій тебѣ свой наказъ шлетъ, Глѣбъ, — сказалъ онъ послѣднему, — чтобы ты предъ его царскія очи явился...

Младшій братъ, уже лежавшій на постели, слабо улыбнулся.

— Передай, братъ, великому государю, что несказанно благодарю его за ласку, за почетъ, но явиться къ нему не въ силахъ.

И престарѣлый бояринъ хотѣлъ привстать, но немогъ.

— Вижу воочію, братъ Глѣбъ, что недугъ тебя заполонилъ, такъ и передамъ царю, — съ сожалѣніемъ промолвилъ Борисъ.

Братья побесѣдовали еще нѣкоторое время между собою, и старшій пошелъ съ докладомъ къ государю.

— Послать немедленно къ нему лѣкаря моего Готфрида, — встревоженный болѣзнію Морозова, приказалъ Алексѣй Михайловичъ.

Итакъ, неудачно лѣчившій первую жену Глѣба Ивановича, нѣмецъ Готфридъ долженъ былъ придти къ больному.

Послушный приказаніямъ царя, Морозовъ далъ себя осмотрѣть и, когда лѣкарь послѣ осмотра шутливо замѣтилъ: — „Не важенъ недугъ твой, скоро на ноги встанешь“, бояринъ недовольно взглянулъ на нѣмца.

— Ничего ты, мейстеръ Готфридъ, не разумѣешь, какъ и тогда, когда жену мою покойную пользовалъ: смерть моя уже близка, я чувствую, что она у порога!

Обидѣвшійся Готфридъ, не давъ никакого лѣкарства, ушелъ, а Глѣбъ Ивановичъ на другой день къ вечеру скончался.

VII.

Не растерялась молодая вдова послѣ смерти мужа: она сознательно ожидала ее и была къ ней уже приготовлена самимъ Морозовымъ.

Такие выдающиеся характеры, какимъ былъ покойный Глѣбъ, почти всегда сознаютъ когда ихъ жизненный путь приближается къ концу.

Федосья Прокопьевна и прежде любила обращаться мыслью къ религіознымъ предметамъ, но при жизни мужа все-таки это стремленіе должно было сдерживаться обязанностями семейной жизни, теперь-же молодая вдова, во время печальнаго одиночества, стала отдаваться еще сильнѣе благочестивымъ размышленіямъ и молитвѣ.

Нерѣдко посѣщала ее ея деверь, Борисъ Ивановичъ. Долгіе часы проводилъ онъ съ нею въ бесѣдѣ духовной.

Приходила боярыня и сама къ нему въ домъ. Привѣтливо встрѣчала Борисъ Ивановичъ сноху:

— Прийди, другъ мой духовный, прийди, радость моя душевная!

Супруга его, Анна Ильинишна, сознавала все превосходство умственное своей невѣстки передъ собою, не долюбивала ее и не разъ вскользь, при разговорѣ съ сестрою своею—царицею Маріей Ильинишною, упоминала послѣдней о нежеланной гостьѣ.

— Не могли тому препятствовать, — повторяла въ отвѣтъ ей царица, — я сама ее почитаю за умъ ея высокій, за свѣтлыя мысли...

И Анна Ильинишна принужденно умолкала.

— Насладился я паче меда и сота словесъ твоихъ душеполезныхъ, — не разъ говаривалъ Борисъ Ивановичъ, провожая послѣ бесѣды гостью.

Постнической уставъ жизни, постигнутый молодою женщиною, давалъ ей возможность вести еще въ такую молодую пору разумныя бесѣды съ однимъ изъ умнѣйшихъ и развитѣйшихъ людей того времени.

Федосья Прокопьевна, хотя и односторонне, но была настолько развита, что вопросы жизни составляли для нея извѣстное духовное стремленіе найти: — правду жизни, постигнуть совершенное житіе.

Еще до выхода замужъ за Морозова, Ѳедосья Прокопьевна, равно какъ и сестра ея Авдотья, исповѣдывались у протопопа Аввакума, вполнѣдствіи извѣстнаго поборника раскола.

Въ то время Аввакумъ былъ очень близокъ къ царскому духовнику о. Стефану Вонифатьеву и благодаря послѣднему былъ принятъ въ домъ у Соковниныхъ.

Умѣло влилъ этотъ наставникъ въ чуткое сердце обѣихъ молодыхъ дѣвушекъ привязанность къ постнической жизни, къ добродѣтели и выработалъ крѣпкіе, вѣрующіе характеры.

Сильнѣе его вліяніе все-таки сказалось на боярынь Морозовой, воспринявшей вполнѣ убѣжденно всѣ его наставленія и указанія.

Ѳедосья Прокопьевна смѣло смотрѣла на бурное житейское море, но, какъ опытный кормчій, довольный своимъ настоящимъ, не пыталась пускать свою ладью среди бушующихъ волнъ. Понемногу она начала уклоняться отъ посѣщенія царскихъ палатъ и „верха“, ссылаясь на недавнюю смерть мужа, на свое горе по немъ, на свое вдовство.

Царь и царица охотно вѣрили этимъ причинамъ, и Алексѣй Михайловичъ однажды даже сказалъ царицѣ:

— Навѣстила-бы вдову Глѣба Морозова: сказываютъ, убивается она по немъ, словомъ утѣшила-бы!

И на другой день тяжелая колымага царицы была уже на дворѣ Морозовскаго дома.

Ѳедосья Прокопьевна съ почетомъ приняла высокую гостью, почтительно выслушала все, что Марія Ильинишна говорила ей въ утѣшеніе. На замѣчаніе послѣдней, отчего она не бываетъ въ „верху“, отозвалась:

— Прощенія прошу, матушка-царица, не могу управиться все еще съ хозяйствомъ послѣ покойнаго Глѣба Ивановича...

— Дѣло не женское, не легкое, — задумчиво проговорила царица, — ты-бы, Федосья Прокопьевна, деверя своего, Бориса Ивановича, попросила тебѣ помощь оказать. Морозова низко поклонилась гостьѣ.

— Спасибо ему, онъ меня, сирую вдову, не оставляетъ! — прошептала она въ отвѣтъ.

Марія Ильинишна уѣхала изъ Морозовскаго дома.

Долго еще не являлась въ „верхъ“ молодая вдова, пока, наконецъ, самъ Алексѣй Михайловичъ не спросилъ у своего наставника:

— Долго-же сноха-то твоя по мужу горюетъ! Борисъ Ивановичъ, скажи-ка ей, чтобы къ намъ сюда пожаловала, мы ей здѣсь женишка подыщемъ, — не все-же вдовою оставаться; баба молодая, лѣпоты изумительной!

Морозовъ передалъ приказъ царя своей снохѣ.

— Нужно царской волѣ покориться, Федосья Прокопьевна, — сказалъ онъ ей.

И Морозова покорилась ей.

VIII.

Богатая колымага Морозовыхъ подъѣхала къ крыльцу, и Федосья Прокопьевна, усѣвшись въ нее, отправилась въ царскія палаты.

Не хотѣлось ей шумнаго выѣзда, какъ раньше при покойникѣ мужѣ, но обычай старой Москвы не позволялъ ей поступить иначе и, скрѣпя сердце, Морозова должна была соблюсти его.

Съ шумомъ, грохоча тяжелыми колесами, звеня бубенцами, которыми затѣйливо была убрана конская сбруя, выѣхалъ изъ воротъ Морозовскаго дома парадный поѣздъ боярыни.

Сзади и около рыдвана бѣжало болѣе сотни Морозовской дворни „для ради береженія здоровья боярыни и охраненія чести ея“.

Медленно катился тяжелый рыдванъ, везомый двѣнадцатю конями, по узкимъ улицамъ Первопрестольной, обращая на себя общее вниманіе.

— Честная вдова Морозова къ царицѣ на поклонъ поѣхала, — говорили прохожіе.

О пріѣздѣ Морозовой въ „верхъ“ Марья Ильинишна была предупреждена Борисомъ Ивановичемъ.

Когда тяжелый поѣздъ остановился у царицына крыльца, Марья Ильинишна послала боярышень встрѣтить рѣдкую гостью.

На боярынѣ Морозовой была одѣта тѣлогрѣйка изъ темно-краснаго аксамита, подбитая синяго цвѣта тафтой.

Бѣлый мѣхъ обшивки нацвѣтивался черными песцовыми лапками. Вокругъ шеи лежало кружево изъ зуфи. На головѣ у боярыни, по обычаю того времени, былъ надѣтъ столбунецъ, высокая шапка съ прямою тульей. Башмаки боярыни были сдѣланы изъ зеленого атласа. Лицо свое Морозова набѣлила и нарумянила умѣренно. Ей не нравился этотъ обычай, столь распространенный въ то время на Руси.

Въ свою очередь царица была одѣта ради рѣдкой гости въ малый нарядъ.

Несмотря на лѣтнюю жару, поверхъ роскошнаго лѣтника, изъ червчатаго аксамита съ травками, на плечахъ молодой женщины лежало тяжелое бобровое ожерелье.

Совершивъ, согласно обычаю того времени, низкій поклонъ передъ царицей, Морозова сѣла по приглашенію Маріи Ильинишны на невысокій красный табуретъ, стоявшій пониже царскаго сѣдалища.

— Давно, баярыня, не видѣли мы тебя здѣсь въ „верху“, — ласково промолвила царица: — что-то ты насъ совсѣмъ забыла?

Теодосья Прокопьевна снова поклонилась говорившей:

— Вдовье мое дѣло, сиротское, не до выѣздовъ: со всѣмъ управиться надо, царица-матушка.

— Аль, деверь твой, бояринъ Борисъ Ивановичъ, тебѣ что-ль помощи не учиняетъ?

— Много благодарна ему, государыня, у него и безъ меня заботы не мало: и государево дѣло, и свое, а все-жъ удосуживается и мнѣ помогу чинить.

Царица на минуту задумалась. Она придумывала въ головѣ, какъ бы начать разговоръ съ Морозовой о новомъ замужествѣ.

— Скучаешь, поди, боярыня, по супругѣ покойномъ?

— Болить душа, матушка-царица, рано Глѣбъ Ивановичъ скончался. Хозяина въ домѣ не осталось...

— А ты, а сынъ?

— Сынъ Иванъ еще малютка, а мое дѣло бабѣ,—слегка усмѣхнулась Морозова.

Удобный моментъ для разговора о замужествѣ наступилъ.

— Пожди маленько, Федосья Прокопьевна, оглядись, приглянется авось кто тебѣ, ты еще молода. Мужь-отъ старый былъ,—вкрадчиво замѣтила царица.

Суровымъ стало красивое лицо Морозовой, холодомъ повѣяло отъ него.

— Скажу тебѣ, боярыня, больше, — продолжала Марья Ильинишна,—есть у меня на примѣтѣ младъ челоуѣкъ: красивъ онъ, знатенъ, молодъ, не разъ просилъ царя замолвить за него передъ тобою слово. Назвать его тебѣ?

Морозова порывисто привстала съ табурета и, стараясь сдержать свое волненіе, отвѣтила:

— Прости меня, царица-матушка, всего только годъ съ небольшимъ минулъ, какъ скончался Глѣбъ Ивановичъ, о сынѣ впору подумать! Завѣщалъ мнѣ покойный мужъ воспитать Ивана въ вѣрѣ православной, вѣрнымъ слугою царю и родинѣ его сдѣлать: какъ же могу я это все совершить, коли буду о своемъ собственномъ счастьѣ пещися?

— Подумай, что ты говоришь Федосья Прокопьевна,

вѣдь ты еще молода: сколь соблазно для женщины безъ мужа быти! Не закаивайся сейчасъ совсѣмъ, пожди, пораздумай, а тамъ и видно будетъ.

Еле замѣтно покачала головой боярыня.

— Вторично молю тебя, царица-матушка, дозвожь мнѣ въ честномъ вдовствѣ остаться, не неволь идти вторично замужъ.

На красивомъ лицѣ Марьи Ильинишнѣ показалось разочарованіе.

— Неволить тебя, боярыня, я не буду! Строй свою жизнь сама, тебѣ виднѣе... А всѣ же пораздумай, — ласково прибавила царица.

Морозова ничего на это не отвѣтила. Стали говорить о другомъ.

Скоро богатый поѣздъ увозилъ суровую молодую боярыню съ царицына „верха“ домой.

IX.

Несмотря на свое желаніе замкнуться въ своемъ домѣ съ цѣлью посвятить себя вполнѣ воспитанію сына, которому шелъ одиннадцатый годъ, Федосья Прокопьевна продолжала жить, какъ слѣдуетъ большой и богатой боярынь.

Она выѣзжала въ царскія палаты, къ роднымъ, къ знакомымъ, съ пышностью, присущей богатой боярынь, а также и принимала у себя въ домѣ.

Тѣмъ не менѣе честное вдовство въ то время на Руси приравнивалось къ обѣту иночества. Понятіе того вѣка заставляли считать подобную вдову инокинею.

Жизнь Морозовой понемногу, естественнымъ путемъ, превращалась въ монастырскую.

Сильная волею, ушедшая въ самосозерцаніе, уклонившаяся отъ всего, что не было согласно съ уставами иноческой жизни, молодая женщина превратила свой домъ въ монастырь.

Еще въ то время, когда Федосья Прокопьевна въ дѣвушкахъ находилась въ „верху“ у царицы и у сестеръ государя, она строго соблюдала все правила относительно религіи; извѣстныя церковныя службы, молитвы, моленія посѣщались ею исправно.

Теперь же въ своемъ домѣ, будучи самостоятельной хозяйкою, она еще строже распредѣлила весь день. Утромъ, послѣ правилъ и чтенія житія святого того дня, Морозова погружалась въ домашнія заботы входила во все нужды домохозяевъ и крестьянъ своихъ вотчинъ, строго наказывая виновныхъ и ласково награждая заслужившихъ награду.

Послѣ полудня Федосья Прокопьевна вся отдавала себя дѣламъ милосердія. Ея домъ былъ полонъ нищими, странными, юродивыми, калѣками, убогими, старцами и старицами. Все это жило здѣсь у нея и кормилось на ея счетъ.

Такого рода занятіе приносило Морозовой нравственное удовлетвореніе. Ея добродѣтельное сердце радовалось возможности помогать всему этому обездоленному люду.

Какъ-то разъ деверь ея, Борисъ Иванычъ, недовольно замѣтилъ ей:

— Что это ты, сестра, такую уйму калѣкъ при себѣ держишь?

Значительно взглянула ему въ глаза боярыня и сказала:

— А помнишь-ли, Борисъ Иванычъ, что въ Домостроѣ сказано: „церковниковъ и нищихъ, и маломощныхъ, и бѣдныхъ, и скорбныхъ, и странныхъ пришельцевъ призывай въ домъ свой, и по силѣ накорми, и напои, и согрѣй, и милостыню давай и въ дому, и въ торгу, и на пути; тою бо очищаются грѣси, тѣ бо ходатаи о грѣсѣхъ нашихъ“.

Съ изумленіемъ слушала царскій пѣстунъ слова снохи и, когда она окончила, тихо промолвилъ:

— Наградилъ тебя Господь Богъ, сестра, разумомъ свѣтлымъ и сердцемъ любвеобильнымъ. Какъ ты писаніе осилила, что безъ книги о немъ говорить можешь!

Послѣ этого Борисъ Ивановичъ никогда не заикался укорять Морозову въ ея поступкахъ.

Управившись со своими призрѣваемыми, Феодосья Прокопьевна каждый день занималась съ сыномъ. Сама учила его грамотѣ, направляла его молодой умъ согласно своимъ воззрѣніямъ и правиламъ.

Помощницею Морозовой въ домѣ у нея была домо-чадица Анна Амосовна.

Нерѣдко Морозова садилась сама за прялку, пряла нити или шила рубахи и вечеромъ вмѣстѣ съ Анной Амосовной, одѣвшись сама въ рубище, ходила по улицамъ и по площадямъ Московскимъ, по темницамъ, по богадѣльнямъ, одѣляла тѣми рубахами нищихъ и убогихъ и раздавала имъ деньги.

Въ домѣ Морозовой проживали тайно пять изгнанныхъ инокинь. Вмѣстѣ съ ними стояла она по ночамъ на правилѣ, строго слѣдя за всѣми подробностями монастырскаго послушанія.

Кромѣ того, въ обширномъ помѣщеніи Морозовскаго дома нашли себѣ мѣсто не мало больныхъ.

Молодая женщина самоотверженно ходила за ними, омывала ихъ гнойныя раны и сама подавала имъ пищу.

Масса юродивыхъ, припадочныхъ, спротивъ жили здѣсь у нея и обѣдали вмѣстѣ съ боярыней за однимъ столомъ.

Между юродивыми, приходившими къ Морозовой, были Феодоръ и Кипріянь. Феодоръ, ходившій въ одной рубашкѣ, босой, никогда не одѣвалъ на себя ничего другого даже въ самые лютые морозы и весь день юродствовалъ на улицахъ, а ночи простаивалъ на колѣняхъ, молясь со слезами.

Другой, Кипріянь, былъ извѣстенъ самому царю и нерѣдко бывалъ въ „верху“ у царицы, напоминая ей въ поносительныхъ словахъ о возстановленіи древляго благочестія.

Такъ текла жизнь честной вдовы Федосьи Прокосьевны Морозовой послѣ смерти ея мужа.

Х.

Около Москвы-рѣки на торгу замѣтно было какое-то волненіе. Народъ собирался въ кучки, слышались громкіе разговоры. Чаще всего упоминалось имя Никона.

— Ишь, что нынѣ поють-то: вмѣсто „Благословенъ грядый“, „Обрѣтохомъ вѣру истинную“,—вседовольно выкрикивалъ какой-то рыжеватый, плохо одѣтый дѣтина.

— Правду ты говоришь, Родіошка,—отозвался на его слова степенный торговый человѣкъ Анисимъ Миздра, —то пѣніе нововодное, но великое поношеніе и укоризна Россійскому государству и православной нашей вѣрѣ.

— Ишь, нашли что толковать, будто они, никоніанцы, обрѣли истинную вѣру!—вмѣшался въ разговоръ сосѣдъ по лавкѣ Миздры, кожевенникъ Юрій Проскура, худощавый, высокаго роста, среднихъ лѣтъ мужчина. Маленькіе сѣроватые глаза его жестоко глядѣли изъ-подъ густыхъ сѣдоватыхъ бровей, глубокой шрамъ тянулся у него вдоль правой щеки. Проскура нервно вертѣлъ въ рукахъ лоскутъ сыромятной кожи.

— Что-жъ, мы и отцы наши, а равно и святые чудотворцы, отъ Владимірова крещенія лѣтъ семьсотъ будучи, истинной-то вѣры до нихъ не знали, что-ли?—презрительно продолжалъ кожевенникъ.

Изъ толпы выдѣлился юродивый и мелкими шажками подбѣжалъ къ разговаривающимъ.

— Само Божье имя перемѣнили: Іеуса — Іисусомъ пазвали!—звонко закричалъ онъ.

— Смутьянчики, — урюмо произнесъ Миздра, — великій расколъ учинили и отъ иныхъ государствъ вѣчную укоризну понесли.

Родиошка не утерпѣлъ и въ свою очередь замѣтилъ:

— Коли если въ царскомъ имени кто перемѣну сдѣлаеть, такъ того казнятъ; какъ же предерзостно нарушили имя Сына Божьяго?!

Разговаривающіе замолчали.

Послѣднее замѣчаніе мѣщанина страшно ихъ поразило.

— Сычъ, сычъ идетъ, — пронеслось по торгу и прекатилось волной.

Разговоры быстро стихли, юродивый куда-то спрятався, разговаривающіе съ опаской стали посматривать вокругъ себя.

На другомъ концѣ торгоа показался шитый кафтанъ царскаго пристава. Торговцы, снимая шапки, низко ему кланялись, когда онъ проходилъ мимо ихъ лавокъ, и только тогда, когда статная фигура царскаго приставленника скрылась изъ вида на Москворѣцкомъ мосту, толки возобновились, сперва робкіе, а затѣмъ все громче и громче.

— Звоны церковные перемѣнили, — затараторилъ Родиошка: — аки на пожаръ гонять или всполохъ бьютъ!—и мѣщанинъ недовольно сплюнулъ.

— Веліе поруганіе и православнымъ соблазнъ и возмущеніе, — тонкимъ теноромъ протянулъ снова появившійся откуда-то юродивый.

— Истинно такъ Кипріяша, истинно, — поддакнулъ Проскура и хлопнулъ кожей по бревенчатой стѣнѣ лавки.

— А Миколѣ-то Чудотворцу имя нѣмецкое дали, зазвенѣлъ юродивый, — Николаемъ прозвали! Былъ въ

нѣмцахъ нѣмчинъ Николай, а во-святыхъ нигдѣ Николая не имѣется!

— Нѣтъ нашего батюшки, нѣтъ отца Аввакума; онъ бы имъ показалъ, какъ новшества-то вводить,— задумчиво проговорилъ Миздра и провелъ ладонью по своей широкой бородѣ.

Около одной изъ лавокъ показалась небольшая сутуловатая фигура монаха. Онъ былъ въ одномъ подрясникѣ. Вниманіе народа обратилось на него.

— Глянь, ребята, инокъ-то безъ мантии идетъ,— проговорилъ Родіошка.

И глаза присутствующихъ устремились на монашка.

— Сколь безобразно и безчинно, аки иноземець, аки кабацкій пропойца,—сурово сказалъ Проскура и нахмурилъ брови.

— Иночеству своимъ безчиніемъ конечное травять поруганіе,—со вздохомъ прошепталъ юродивый.

— Инъ правда и въ мірскихъ отнюдь сего не бываетъ,—утвердительно замѣтилъ Миздра,—ибо и мірянинъ кто отъ благоговѣйныхъ и честныхъ, такъ будетъ творить, что безъ верхняго одѣянія, въ фѣрезяхъ али въ полукафтаниіи посреди торжища не дерзнетъ пойти.

— Срамъ есть и безчестіе мірскимъ такъ творити, колыми паче инокамъ... Посмѣются ему и пьяницу суща почтутъ быти... Али ума поступивша! — слышались недовольные возгласы среди торговцевъ и толпившагося около лавокъ народа.

— Колпакъ черный вмѣсто скуфьи иноческой надвинулъ!—не утерпѣлъ не сказать Родіошка, когда старичекъ монахъ проходилъ мимо.

Недовольство народа нововведеніями патріарха Никона, смѣлою рукою коснувшася невѣжественнаго застоя, начало такимъ образомъ проявляться въ Москвѣ.

На него обрушилось все это негодование народное, весь этотъ протестъ противъ новизны.

Въ рѣдкой домашней клѣтѣ, въ бесѣдѣ, на площадяхъ не поминалось съ недовольствомъ его имя.

До „тишайшаго“ царя только слабой волной доносились отголоски народнаго недовольства противъ патріарха.

ХІ.

Семнадцатый вѣкъ, въ которомъ жила Морозова, представлялъ изъ себя особенное время. Пытливые умы искали выхода изъ узкихъ рамокъ стараго строя жизни и не находя его, въ виду отсутствія знаній, еще сильнѣе погружались въ косность неподвижной старины. Правда жизни, спасеніе, тщетно отыскивались п... не находились.

И вотъ, среди всей этой неурядицы, явился чело-вѣкъ, сильной волѣ котораго покорился самъ царь.

Это былъ патріархъ Никонъ.

Властно принялся онъ за реформу устарѣвшихъ церковныхъ обычаевъ, сталъ исправлять издававшіяся все болѣе и болѣе съ ошибками церковныя книги, и исправивъ, повелѣлъ печатать ихъ на печатномъ станкѣ: до сихъ поръ онѣ были писанныя.

Замѣна писанныхъ книгъ печатными, исправленіе ошибокъ, къ которымъ издавна всѣ привыкли, приобрѣли Никону много враговъ среди темнаго московскаго населенія.

Ошибки и описки эти, освященныя временемъ, были дороги послѣднимъ. Напримѣръ, изъ-за знаменитаго „аза“, который былъ изъятъ изъ второго члена „символа вѣры“ именно изъ фразы „рожденна, а не сотворенна“, возгорѣлась цѣлая борьба.

Приверженцы стараго благочестія находили въ этомъ „азѣ“ какую-то таинственную силу и стояли за него горой.

Дѣло дошло до того, что, когда при первомъ печатаніи церковныхъ книгъ этотъ „азъ“ былъ окончательно уничтоженъ, какъ совершенно ненужный, Аввакумъ, бывшій въ то время однимъ изъ лицъ, корректировавшихъ новыя книги, а равно и нѣсколько его единомышленниковъ, возстали и говорили, что они готовы скорѣе умереть, чѣмъ согласиться выбросить этотъ „азъ“.

Это пустяковое упрямство настолько возбудило патріарха Никона, что онъ подвергъ несогласившихся различнымъ наказаніямъ и даже ссылкѣ. Изъ-за этого приверженцы Аввакума стали еще больше волноваться и противиться приказаніямъ патріарха.

Различіе толкованія о перстосложеніи: молиться-ли троеперстнымъ или двухперстнымъ крестомъ сослужило также не малую службу расколу, увеличило число его приверженцевъ...

Въ виду того, что Аввакумъ былъ своимъ человѣкомъ въ домѣ Соковниныхъ, духовникомъ и руководителемъ Ѳедосіи Прокопьевны еще въ то время, когда она была въ дѣвушкахъ,—ссылка протопопа опечалила Морозову.

Сочувствіе ея къ „страдальцу“ увеличилось, она все больше и больше вѣрила въ правоту Аввакума и считала его несчастною жертвою Никона.

При такомъ положеніи дѣла, разумѣется, Морозова стойко стояла за древнее благочестіе.

Недолго оставался у власти и гордый Никонъ. Государь Алексѣй Михайловичъ такъ уважалъ и любилъ умнаго патріарха, что даже называлъ его своимъ „собишнымъ“ другомъ.

Властью Никонъ пользовался громадною, но былъ вчелъ гордъ и въ каждомъ противорѣчій видѣлъ униженіе своего достоинства и жаловался царю.

Дѣло дошло до того, что однажды послѣ какого-то замѣчанія со стороны царя, Никонъ торжественно от-

казался отъ патріаршества и удалился въ Воскресенскій монастырь.

Государь посылалъ къ нему князя Трубецкого и Родіона Стрѣшнева, просилъ его возвратиться на патріаршій престолъ. Никонъ отказался, но, спустя нѣкоторое время, безъ всякаго призыва, вернулся въ Москву и сталъ требовать себѣ почета, какъ патріарху.

Теперь ужъ въ свою очередь и государь самъ не принялъ его и велѣлъ возвратиться обратно.

Надъ нимъ былъ назначенъ судъ изъ вселенскихъ патріарховъ.

Униженіемъ Никона воспользовались враги его и помогли вернуть изъ ссылки Аввакума и прочихъ приверженцевъ стараго благочестія.

Морозова еще болѣе увѣровала въ правоту своего духовника и сдѣлалась ярой послѣдовательницей его ученія.

Она, точно ослѣпленная, не разбирала, насколько правъ былъ протопопъ, и вѣрила въ двуперстное перстосложеніе и тому подобное.

Осужденіе Никона и низверженіе его изъ патріаршескаго сана только укрѣпило расколъ еще сильнѣе, увѣрило приверженцевъ въ правотѣ его.

Съ этого времени Федосья Прокопьевна всецѣло отдалась дѣлу древняго благочестія: ее никто не могъ разувѣрить въ противномъ. Она ясно намѣтила свою цѣль и горячо стремилась достигъ ея: пострадать, но не поступиться своими убѣжденіями.

Въ новшествахъ, введенныхъ царемъ и патріархомъ Никономъ въ церковные обычаи, въ исправленіяхъ книгъ защитники старой вѣры видѣли вредную ересь и, не понявъ необходимости этихъ реформъ, ухватились за букву выработанной вѣками русской старины и старались охранить ее во всей неприкосновенности.

Горячій споръ того же протопопа Аввакума съ

знаменитымъ Симеономъ Полоцкимъ не убѣдилъ ни того, ни другого.

Незадолго до своей ссылки, Аввакумъ ввелъ въ морозовскій домъ одного монаха Симонова монастыря, старца Трифилія, тоже вполне убѣжденнаго старовѣра.

Этотъ иннокъ происходилъ изъ очень знатнаго рода. Его поученія настолько заинтересовали Θεодосью Прокопьевну, что она всегда была рада, когда Трифилій посѣщалъ морозовскій домъ.

На ея просьбу указать благочестивую женщину, которая могла-бы поддерживать и укрѣпить ее въ ученіяхъ старой вѣры, Трифилій указалъ ей на инокиню Меланію.

Морозова пригласила послѣднюю къ себѣ, и Меланія ей сразу понравилась.

— Возьми меня къ себѣ въ послушаніе, мать Меланія, и будь мнѣ вмѣсто матери,—предложила Морозова инокинь.

Меланія согласилась; съ этого же дня Θεодосья Прокопьевна ничего не дѣлала безъ ея разрѣшенія и до самой своей смерти не ослушивалась ея повелѣній.

Вполнѣ убѣжденная старовѣрка, Меланія была такою-же фанатичною послѣдовательницею старины, какъ и самъ протопопъ Аввакумъ.

Направленіе религіозныхъ убѣжденій молодой вдовы при подобныхъ руководителяхъ опредѣлилось очень ясно и быстро.

Догматы древней Руси ничѣмъ не различались отъ узкихъ взглядовъ Домостроя, потому Морозова не сочувствовала никакимъ новшествамъ, ведущимъ къ исправленію застарѣвшихъ и укоренившихся ошибокъ.

Преданія церковныя и отеческія были настолько непоколебимы для тѣхъ людей, которые считали ихъ непогрѣшимыми, что каждое вторженіе въ нихъ, съ цѣлью исправленія или обличенія ихъ ошибокъ, каза-

лось для лицъ, преданныхъ старой вѣрѣ, чѣмъ-то необычнымъ, дерзкимъ и противобожескимъ.

Вслѣдствіе этого они считали все это опаснымъ вольнодумствомъ и боролись противъ него всѣми силами.

Дальнѣйшій путь честной вдовы былъ ясно очерченъ: о возвратѣ къ прежнему, къ прежнимъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ не могло быть у Морозовой и рѣчи.

Боярыня Морозова всецѣло посвятила себя борьбѣ за старину, а старую вѣру и противъ введенія какихъ-либо новшествъ и исправленій.

Въ этой борьбѣ она находила для себя цѣль жизни. Θεодосья Прокопьевна явилась защитницею старой лжи, и защита ея отличалась твердостью и увѣренностью, свойственной ея мужественному характеру.

Борьба эта ее волновала; боярыня всецѣло отдавалась ей.

Вводимыя новшества на Руси, даже безъ обсуждения ихъ пользы или вреда, сразу встрѣчали въ боярынь Морозовой жестокаго, неумолимаго врага.

Подобное фанатическое ослѣпленіе этого выдающагося ума невольно увлекало за собою людей, болѣе слабыхъ духомъ, легко поддающихся подъ вліяніе сильныхъ.

Мысль, что люди страдаютъ, возбуждаетъ сочувствіе къ нимъ во многихъ. Это сочувствіе къ страданію у Морозовой разрослось въ сочувствіе къ ихъ мыслямъ, къ ихъ нетерпимости новшествъ, къ ихъ привязанности къ старинѣ.

Образовалась опасная упорная косность, твердая рѣшимость не измѣнять дѣдовскимъ завѣтамъ, какъ-бы они несостоятельны и явно ложны ни были.

Центромъ этого упорнаго сопротивленія новымъ вѣяніямъ и сдѣлался съ нѣкоторыхъ поръ домъ Морозовой, сознательно явившейся однимъ изъ столповъ недовольныхъ.

Важное значеніе привлечь Морозову къ общему дѣлу понимали прекрасно всѣ старовѣры.

Благодаря своему вліянію въ „верху“, а равно и прекраснымъ отношеніямъ своего деверя, Бориса Ивановича, къ царю, Морозова являлась для нихъ надежнымъ до поры прикрытіемъ и потому въ ея домъ всѣ недовольные новыми порядками шли въ полной увѣренности, что за его стѣнами они находятся въ полной безопасности.

ХІІ.

Къ Федосьѣ Прокопьевнѣ пріѣхала ея сестра, княгиня Авдотья Прокопьевна, жена царскаго кравчаго, князя Петра Семеновича Урусова

— Почто, сестра, неладное ты творишь?—замѣтила Морозовой Урусова.

— А что такое?—спросила ее боярыня

— Въ „верху“ о тебѣ говорятъ, что ты спозналась съ врагами царя и патріарха.

— Маловѣрная ты, сестра, коли повѣрила этимъ извѣтамъ на меня. Никогда я и въ мысляхъ не думала противъ великаго государя; а что вправду говорила о развращеніяхъ, кои внесъ въ православную церковь Никонъ...

— Какъ же ты, сестра, рѣшилась идти противъ патріарха всея Руси?

Морозова стого взглянула на сестру.

— А то какъ-же? Развѣ не его соизволеніемъ странные иноземскіе обычаи вводить стали? Развѣ не благодаря ему умножился въ нашей русской землѣ обычай иконнаго письма неподобнаго?.. Пишутъ Спаса, образъ Эммануила—лицо одутловато, уста червонныя, волосы кудрявые, руки и мышцы толстыя, персты надутые!

— Слыхано-ли, сестра, что ты говоришь!—съ изумленіемъ сказала Урусова.

— Ой, правда, сестрица, а все то Никонъ врагъ умыслилъ: будто живыя писать!

— Слушай, сестра, ты бы опаску имѣла, — заботливо замѣтила княгиня: — неровенъ часъ, наговорятъ батюшкѣ царю на тебя, и постраждешь ты за свои слова.

— Ань, нѣтъ, сестра, за правду всегда стоять буду, а коли Богъ попуститъ, то и постражду, — увѣренно проговорила Морозова.

— Послушай, сестра, — продолжала Феодосья Прокопьевна, — ты такъ же, какъ и я, отъ отца Аввакума ученіе пріяла, зачѣмъ-же ты напротивъ насъ идти стремишься?

Евдокія Прокопьевна смутилась и не знала, что ей отвѣтить.

— Ты сама знаешь, что крестъ на просфорахъ во всей Россіи потребили и посею нынѣ знаменія креста нигдѣ нѣту, — добавила Феодосья.

Это разъясненіе сестры сильно взволновало мало развитую княгиню Урусову и она испуганно спросила Морозову:

— Что-же я должна сдѣлать, чтобы вамъ вослѣдовать?

Морозова съ радостнымъ изумленіемъ на нее взглянула.

— Коли ты дѣйствительно по намъ идти желаешь, то должна послѣдовать моему примѣру и отдаться подъ начало инокини Меланіи. Она тебя наставитъ на все, какъ должно, и попечется о спасеніи твоей души!

Не откладывая этого дѣла надолго, Морозова въ тотъ же день познакомила сестру съ инокинею Меланіей, — и Евдокія точно такъ же, какъ и ея сестра, отдалась въ полное послушаніе этого адаманта старовѣрческаго послушанія.

Новая побѣда несказано обрадовала старую партію. Они понимали, что, привлекая Урусову къ себѣ, полу-

чали этимъ еще новую важную заступницу у грестола царя.

— Живите сестры, какъ-бы „во двою тѣлесѣ съ единою душою“—серьезно проговорила Меланія, благословляя обѣихъ сестеръ.

Евдокія, подавленная сильною затуркою Меланіи, умоляла ее, чтобы она попеклась о спасеніи ея души.

Хорошо брошенное сѣмя начало приносить свои плоды.

Обѣ сестры Соковнины состояли въ родствѣ съ Ртищевыми. Тѣ и другіе происходили изъ дворянъ города Лихвина и были приняты очень близко въ царевыхъ палатахъ.

Урусова какъ-то проговорила царскому постельничьему Михаилу Ртищеву о своемъ знакомствѣ съ матерью Меланіей, хотя умолчала о данномъ ею обѣтѣ послѣдней.

Ртищевъ приходился Урусовой и Морозовой дядей; кромѣ того, онъ близко стоялъ у царя и вмѣстѣ съ нимъ стремился исправить и украсить жизнь по новымъ образцамъ.

Въ дворцовыхъ палатахъ образовались двѣ партіи. Одна изъ нихъ ратовала за Аввакума, за „древнее“ благочестіе и, благодаря этому, была очень близка къ царицѣ, знавшей только одни старые уставы и сознательно ихъ поддерживавшей, тогда какъ Ртищевы стояли за Никона и покровительствовали наукѣ.

Желая надоумить свою племянницу Морозову, Михаилъ Ртищевъ пріѣхалъ къ ней въ домъ вмѣстѣ со своею дочерью Анною.

— Наслышаны мы, племянница, — благодушно замѣтилъ почтенный царедворецъ:—что ты вопреки царскому указу старинную ложь поддерживаешь?

Слегка покраснѣвъ, Феодосья Прокопьевна отвѣтила дядѣ:

— Поистинѣ вы, дядюшка, говорите мнѣ, сами не уразумѣвъ о чемъ.

Ртищевъ усмѣхнулся.

— Ты порицаешь, племянница, патриарха Никона и все то, что онъ для блага Россійскаго Государства передѣлалъ и улучшилъ.

Морозова рѣзко прервала дядю:

— Вы прельщены врагомъ, а потому восхваляете римскія ереси и ихъ начальника.

Негодованію Ртищева противъ племянницы не было конца.

— Эхъ, племянница, что ты дѣлаешь? Зачѣмъ ты отлучаешься отъ насъ? Взгляни на нашихъ дѣтей: о нихъ надо заботиться и, смотря на нихъ, радоваться и ликовать, жить общею любовью! Оставь распрю; не женское то дѣло; не прикословь ты великому государю и всѣмъ властямъ духовнымъ!

Морозова сдѣлала рѣзкое движеніе.

— Знаю,—продолжалъ бояринъ,—прельстилъ и погубилъ тебя злѣйшій врагъ, протопопъ Аввакумъ, не могу безъ ненависти и злобы вспоминать о немъ. Да что мнѣ говорить: ты лучше меня знаешь!

Морозова сдержанно отвѣтила на слова дяди:

— Нѣтъ, дядюшка, не такъ, это не правда. Зачѣмъ вы называете сладкое горькимъ? Отецъ Аввакумъ — истинный ученикъ Христовъ, потому что страдаетъ онъ за законъ Владыки своего, и кто хочетъ Богу угодить, тотъ долженъ послушать его ученія.

Ртищевъ, крайне недовольный отвѣтомъ племянницы, хотѣлъ уже рѣзко возразить ей, какъ его дочь Анна вдругъ остановила:

— Постой, отецъ, дай мнѣ съ нею поговорить; можетъ быть, она меня послушаетъ. И, обратившись къ Морозовой, она съ сожалѣніемъ промолвила:

— Охъ, сестрица-голубушка, съѣли тебя эти старовѣры, проглотили твою душу! Какъ птенца, отлучили тебя отъ насъ, ты не только презираешь насъ, но и о сынѣ своемъ не радѣешь! Одно только у тебя чадо, а

ты и на того не глядишь! А еще какое чадо-то! Кто не подивится красотѣ его... Подобало бы тебѣ и на соннаго-то на него любоваться, да поставить надъ красотой его свѣчи изъ чистѣйшаго воска, и не вѣмъ, каковую лампаду возжечь, да и зрѣть доброты лица его, да и веселиться, что такое чадо драгое дароваль тебѣ Господь...

Довольная такими словами двоюродной сестры, Морозова улыбунулась и прошептала:

— Ивана, сына своего, я люблю, но никогда ради него не поступлюсь своими надеждами и мечтами!

Съ сожалѣніемъ взглянула на нее Анна и снова проговорила:

— Сколько, вѣдь, разъ самъ государь удивлялся красотѣ твоего сына, а ты его ни во что не полагаешь и великому государю не повинешься. Ужъ когда-нибудь придетъ на тебя и на домъ твой огнепальная ярость царева, и повелитъ онъ домъ твой разграбить. Тогда и сама многія скорби подынешь, и сына своего сдѣлаешь нищимъ. А все будетъ твоимъ немилосердіемъ.

Съ неудовольствіемъ слушала Морозова слова Ртищевой.

— Не правду ты говоришь, сестрица, не прельщена я никѣмъ, но, по благодати Спасителя моего, чту Бога Отца цѣлымъ умомъ, а Ивана я люблю и молю о немъ Бога безпрестанно и радѣю о полезныхъ ему душевныхъ и тѣлесныхъ. Если ты думаешь, что мнѣ изъ любви къ нему душу свою повредить или ради Ивана отступить отъ благочестія и этой руки знаменной, то сохрани меня Сынъ Божій отъ этого неподобнаго милванія!

— Какая ты жестокая стала, племянница, — съ негодованіемъ промолвилъ царскій постельничій, — когда сіи слова говоришь.

— Не хочю, любя своего сына, себя губить; хотя онъ и одинъ у меня, но Христа люблю болѣе сына!

Знайте, что если вы умышляете сыномъ меня отвлекать отъ Христова пути, то никакъ этого не сдѣлаете.

— Подумай, сестрица, что ты говоришь,—тревожно замѣтила Анна Ртицева.

Но Морозова одушевляясь все болѣе и болѣе, громко проговорила.

— Вотъ что прямо вамъ скажу: если хотите, выведите моего сына Ивана на площадь и отдайте его на растерзаніе псамъ, устрашая меня, чтобы я отступила отъ вѣры... Не подумаю отступить благочестія, хотя бы и видѣла красоту его псами растерзанную. Я знаю одно: если до конца во Христовой вѣрѣ пребуду и сподоблюсь за это вкусить смерти, то никто не можетъ отнять у меня моего сына.

Царскій постельничій вмѣстѣ съ дочерью съ ужасомъ смотрѣли на вдову, которая, дрожа всѣмъ тѣломъ, нервно произносила слова.

— Э, полно, Феничка,—стараясь скрыть свое волненіе, проговорилъ Ртицевъ, — брось, зачѣмъ такіе страхи придумывать? Никто отъ тебя твоего сына не отниметъ,—живи, какъ хочешь!

— Горяченька же ты, племянница, — добродушно замѣтилъ онъ, когда все немного успокоилось,—да ты не бойся; у тебя въ „верху“ заступа большая есть, царевна-матушка о тебѣ печется, въ обиду не дастъ.

Отецъ и дочь Ртицевы вскорѣ уѣхали отъ Морозовой и дѣйствительно всѣми силами старались ее облѣпить у царя.

— Неправду ты мнѣ толкуешь, Михайло, — недовольно замѣтилъ государь, — доподлинно самъ знаю, что гордится вдова своею стариною. Ну, да ради тебя на этотъ разъ пропущу, а коли опять что узнаю, такъ не миновать ей моей немилости...

И Федосья Прокопьевна избѣжала гнѣва царскаго только ради заступничества своего дяди. Но въ недалекомъ будущемъ судьба готовила ей жестокое испытаніе.

ХІІІ.

Наступилъ 1662 годъ.

Въ Москву изъ сибирской ссылки явился протопопъ Аввакумъ и прямо поселился въ домъ Морозовой.

Съ его появленіемъ у Морозовой начались серьезныя противодѣйствія старовѣровъ къ новымъ реформамъ патріарха Никона. Всѣ онѣ осмѣивались на торгахъ и на улицахъ Москвы. Царскіе пристава, приказные, доносившіе царю объ этомъ, постоянно упоминали имя вдовы Морозовой, какъ одной изъ главныхъ поборницъ этого движенія.

— Опять эта баба, — раздраженно воскликнулъ Алексѣй Михайловичъ, когда ему донесли о какой-то новой выходкѣ Морозовой. — Что-жь, поучимъ ее!

По его повелѣнію къ ней были посланы для ея испытанія Іоакимъ, Чудовской архимандритъ, и Петръ, соборный ключарь.

Надменно приняла ихъ боярыня и на вопросъ ихъ: „Како вѣруешь?“ — твердо перекрестилась стариннымъ перстосложеніемъ и съ достоинствомъ отвѣтила:

— Вѣрую, како вѣрили мои отцы и предки!

Недовольныя ея отвѣтомъ, посланныя царемъ духовныя лица продолжали разспрашивать; но боярыня сознательно отвѣчала имъ, нисколько не страшась послѣдствій.

— Ой, боярыня, не снести тебѣ твоей головы, — сумрачно проговорилъ архимандритъ, — больно дерзкая ты на отвѣты. Попомни мое слово!

— Я своему слову не измѣнница, — съ достоинствомъ замѣтила Морозова, — что сказала, отъ того не отрекусь.

Посланные возвратились къ царю и передали ему обо всемъ.

Разгнѣвался „тишайшій“ государь на честную вдову

и, хотя призналъ ея „крѣпкое мужество“ и желаніе умереть за правду, все же рѣшился наказать ея.

У Морозовой, по повелѣнію царя, была описана на царское имя половина ея вотчинъ.

Свою первую невзгду Федосья Прокопьевна перенесла хладнокровно.

— На то воля Бога и царя,—замѣтила она своему деверю, Борису Иванычу, когда послѣдній пріѣхалъ къ ней, чтобы утѣшить ея.

— Но сколь ты неосторожна, сестрица, что рѣшилась противиться волѣ царской,—замѣтилъ Морозовъ.— Ты хотя бы прилика ради согласилась, и не разгнѣвался бы на тебя царь-батюшка.

— Нѣтъ, братецъ, Борисъ Иванычъ, никогда я отъ своихъ словъ, отъ своего вѣрованія не отрекусь,—убѣжденно отвѣтила ему вдова,—не соглашусь на это, хотя бы мнѣ дали всѣ сокровища міра.

Подивился Морозовъ такой твердости своей снохи, но ничего ей не возразилъ и отправился во свояси.

Опала царя еще сильнѣе разожгла Морозову на подвиги вѣры.

Успѣхи Аввакума среди многихъ знатныхъ москвичей, дававшихъ ему деньги, а равно и обѣщаніе царя, будто бы посулившаго Аввакуму посадить его на печатномъ дворѣ книги править, увѣрили боярыню въ правотѣ ея дѣйствій и мысли. Она все больше и больше убѣждалась въ справедливости своихъ размышленій и, бесѣдуя со многими лицами, приверженными къ Никону, горячо оспаривала ихъ исправленіе, защищая косность старины, дѣйствуя такимъ образомъ подъ впечатлѣніемъ словъ Аввакума и Меланіи.

Объ умѣ ея и дерзости языка стали говорить повсюду.

Это подвинуло Федосью Прокопьевну на новый подвигъ. Желая дальнѣйшаго совершенствованія, она надѣла власяницу и стала просить жившую съ нею

старицу Меланью, чтобы та посвятила ее въ иноческій чинъ.

Не такъ-то легко было уговорить на это послѣднюю!..

— Посуди, сама, Федосья Прокопьевна, — говорила ей старица: — если объ этомъ дойдетъ вѣсть до царя, что тогда будетъ? Будутъ многія скорби по случаю розысковъ и допросовъ. А затѣмъ, когда придетъ время сочестовать твоего сына Ивана бракомъ, какъ ты двинешься: вѣдь инокинямъ запрещено уставомъ бывать на брачномъ торжествѣ?

— Горю желаніемъ, мать Меланія, постричься, — отвѣтила Морозова, — и не въ силахъ пресѣчь его...

— Подумай, боярыня, — уговаривала ее старица, — вѣдь тогда тебѣ невозможно будетъ ходить въ церковь къ никоніанамъ!

Федосья Прокопьевна продолжала упрашивать свою наставницу, но та неизмѣнно стояла на своемъ.

Пріѣздъ жены Бориса Ивановича, Анны Ильинишны, помѣшалъ ихъ разговоръ.

Нежданно появившаяся въ домъ Морозовой гостя не была пріятна хозяйкѣ, по въ виду дружбы своей съ ея мужемъ, она должна была ее принять. Меланья едва успѣла скрыться, но Федосья Прокопьевна не успѣла переодѣть лѣтника, и сквозь плохо застегнутую кофту Анна Ильинишна замѣтила одѣтую на хозяйкѣ власяницу.

— Зачѣмъ ты это сдѣлала? — спросила она вдову.

— Такъ судилъ мнѣ Господь, мой Создатель, — спокойно отвѣтила Морозова.

— Вотъ видишь, боярыня, что ты надѣлала! — укоризненно говорила Морозовой ея наставница Меланія, когда жена старшаго брата хозяйки уѣхала — наскажетъ противъ тебя золовка своей сестрѣ царицѣ вѣсть что!

Угрюмо взглянула на старицу Морозова.

— Неправдою никогда я не жила! Пусть говорятъ, я не страшусь ничего!—промолвила она.

Но опасенія Меланіи оказались напрасными. Анна Ильинишна рассказала царицѣ о власяницѣ, надѣтой на Морозовой, какъ о духовномъ подвигѣ умерщвленія плоти.

— Вѣришь-ли сестрица, — говорила она Маріѣ Ильинишнѣ, — подивилась я ея крѣпкому мужеству; она-ли не можетъ жить въ холѣ, всего у ней много, а вотъ во власяницу облачилась!

Съ нѣкоторыхъ поръ непріязненное чувство, которое она питала къ золовкѣ, исчезло; оно смѣнилось изумленіемъ и уваженіемъ къ строгой жизни Морозовой.

— Впрямь святой жизни боярыня,—замѣтила царица, — нужно попытаться попросить царя-батюшку о сложеніи съ нея опалы!

— Попроси, сестрица, Борисъ Ивановичъ то же нарекнетъ ему объ этомъ!—взволнованно сказала Анна Ильинишна.

Царица была беременна и ожидала скорого разрѣшенія. Она хотѣла воспользоваться рожденіемъ ребенка, чтобы попросить мужа о снятіи опалы съ Морозовой.

Такъ и случилось.

1-го октября 1666 г. къ опальной боярыньѣ явился отъ царя дьякъ Петръ Арбеневъ и, поклонившись ей въ поясъ, прочелъ царскій указъ:

— Великій государь приказалъ тебѣ, черная вдова боярыня Глѣба Морозова, Федосья Прокопьевна, для прошенія государыни царицы Маріи Ильинишны и для всемірной радости рожденія царевича Ивана Алексѣевича, вернуть тебѣ отписанныя отъ тебя вотчины, а вину твою тебѣ онъ такожде прощаетъ.

Гордая сознаниемъ своей правоты, молодая женщина приняла, какъ должное, извѣстіе о возвращеніи ей отписанныхъ вотчинъ и сдержанно отвѣтила дьяку:

— Не знаю я никакой своей вины передъ государемъ-батюшкой, его воля казнить меня и миловать!

Петръ Арбеневъ, угощенный боярынею прекрасно, не сталъ переносить ея гордыхъ словъ царю и ограничился только докладомъ, что Морозова „съ великою радостью приняла царскую милость“.

— Исполнилъ я, царица, твое желаніе, простилъ кичливую-то,—добродушно передалъ, „тишайшій царь“ женѣ извѣстіе о снятіи опалы съ Морозовой.

— Спасибо тебѣ, голубчикъ, что не попомнилъ ей зла!—прошептала въ отвѣтъ Марія Ильинишна.

Между тѣмъ въ домѣ Морозовой снятіе съ боярыни опалы, произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ его многочисленныхъ обитателей.

— Ишь, созналъ наконецъ царь-то свою неправоту, ослобонилъ нашу матушку Федосью Прокопьевну отъ своей немилости. Старина-то все правдой беретъ, а новина съ кривдой одной знаетса, ну и покориться должна,—слышались среди нихъ толкованія о царской милости.

Морозова въ оказанномъ ей царемъ снисхожденіи увидѣла его сознаніе своей неправоты, не только противъ нея лично, но противъ всего стариннаго строя. Это сознаніе настолько ободрило боярыню, что она еще дѣятельнѣе принялась за свои подвиги.

Не связанная никѣмъ, она обильно начала раздавать милостыню, „многое имѣніе расточила немущимъ, многихъ съ правезою (отъ долговъ) выкупала, монастырямъ довольно сподавая, пустынниковъ многихъ потребными удовлетворяя, прокаженныхъ въ дому своемъ упокоева“...

— Теперь, матушка Меланія, — рѣшительно обратилась она однажды къ своей наставницѣ, — ты не должна ужъ мнѣ отказывать въ постригѣ; сама разумѣешь, что даже царь одобрилъ мои дѣянія!

Умная наставница поняла, что отказать Морозовой въ ея просьбѣ, она теперь уже не можетъ.

— Коли желаніе твое, боярыня, таково, перечить тебѣ не буду.

Въ тотъ-же вечеръ она долго совѣщалась съ протопопомъ Аввакумомъ.

— Какъ рѣшишь, отче: ты вѣдаешь лучше меня!— задумчиво сказала Меланія.

— Надо постричь, отъ этого нашему дѣлу никакой прорухи не будетъ, окромя пользы... — рѣшилъ протопопъ.

Постриженіе Морозовой совершалось здѣсь-же, въ ея домѣ. Совершалъ его старовѣръ, бывшій Тихвинскій игумень Досиеей.

Федосья Прокопьевна была наречена Феодорою, и Досиеей отдалъ ее въ послушаніе той-же Меланіи.

— *Зло желала я* иноческаго образа и житія и наконецъ удостоилась его сподобиться!— восторженно говорила новая инокня своему наставнику Аввакуму и начала отдаваться еще больше подвигамъ, посту, молитвѣ и молчанію, управление же домомъ передала своимъ вѣрнымъ людямъ.

XIV.

Прошло два года.

Про дѣйствія Морозовой у царя говорили мало.

Въ этомъ случаѣ ей помогала Анна Ильинишна, незадолго передъ тѣмъ овдовѣвшая.

Рѣдко появлялась Федосья Прокопьевна въ „верху“. Но обстоятельства заставляли ее все-таки не разрывать сношеній съ царскими палатами.

Аввакумъ, а равно и Меланія, которыхъ она слушалась, заставляли ее, въ видахъ предосторожности, бывать на торжественныхъ выходахъ у царя и царицы.

— Свѣтъ мой, сестра Феодора,— говорилъ Морозовой не разъ протопопъ, — ради для береженія насъ всѣхъ должна ты бывать у царя. Кая для него ми-

нута придетъ—можешь всѣхъ насъ отъ его впагѣ слобонить!

И вдова послушно исполняла его волю.

Самъ Аввакумъ проводилъ все время въ духовныхъ преніяхъ съ православнымъ духовенствомъ. Чаще всего ходилъ онъ для этого въ домъ къ Феодору Ртищеву, куда являлись для споровъ съ нимъ кievскіе ученые.

Жилъ онъ попрежнему въ домѣ Морозовой.

Здѣсь, у ней, навѣщала его и сестра послѣдней, его духовная дочь, княгиня Урусова.

Скоро постигло начинавшихъ было укрѣпляться старовѣровъ неожиданное горе.

Въ сентябрѣ 1667 года скончалась Анна Ильинина, вдова Бориса Ивановича, за послѣднее время являвшаяся вѣрной заступницею ихъ передъ царемъ, благодаря своей сестрѣ-царицѣ.

— Сколь горестна намъ ся кончина, — печально говорила Меланія, — что и говорить невозможно.

Закручинилась о смерти золовки и сама Федосья Прокопьевна.

— За насъ царица-матушка, — увѣренно замѣтила боярыня, — она намъ всегда поможетъ!..

Задумчиво покачала головой Меланія и ничего не отвѣтила.

Снова минулъ годъ.

Перваго сентября 1668 года къ Морозовой явился опять царскій посолъ въ лицѣ того-же дьяка Петра Арбенева.

— Приказалъ-де великій государь звать тебя, честная вдова, на обѣдъ въ царскія палаты...

Морозова поблагодарила посла, но колебалась, принять-ли ей это предложеніе. Она пошла посоветоваться со своей наставницею Меланіей.

— Не премини сходить, сестра Феодора, къ царю: сказывали, провѣрить хочеть, сколь ты послушна его волѣ.

Морозова должна была покориться желанію наставницы и поѣхала въ царскія палаты.

Привѣтливо встрѣтила царица любимую боярыню.

— Рѣдко ты къ намъ нынѣ жалуешь, Федосья Прокофьевна,—милостиво проговорила она, обращаясь къ гостьѣ.—Пока была жива сестрица, ты чаще жаловала.

Морозова все время молчала, читая въ умѣ молитвы. Ей казалось, что она нарушитъ свое послушаніе, если будетъ вести разговоръ.

Царь примѣтилъ ея появленіе на праздничномъ обѣдѣ и по окончаніи его ласково ей сказалъ:

— Загордилась, боярыня, ой, загордилась!

Недолго пробыла Морозова на этотъ разъ въ царскихъ палатахъ, но и этого было достаточно, чтобы всѣ обвиненія, которыя не переставали поступать на нее къ царю, пали... И радостная своею побѣдой, вдова возвратилась домой къ ожидающимъ ее съ нетерпѣніемъ Аввакуму и Меланіи.

— Ну, ужъ теперь поборюсь я съ отступниками,—задорно сказалъ протопопъ,—завтра Θεодоръ Ртищевъ назначилъ въ Преображенскомъ монастырѣ толкованіе. Тридцать иноковъ понаѣхало туда изъ Кіева да изъ Межегорскаго монастыря, то-то поборюсь!

На другой день дѣйствительно состоялись пренія, но не въ монастырѣ, а въ самомъ домѣ Ртищева.

Долго боролись обѣ стороны, шли горячіе споры о старомъ и новомъ порядкахъ и обрядахъ. Помощникомъ Аввакума былъ дядя самого хозяина, архимандритъ Покровскаго монастыря Спиридонъ Потемкинъ.

Съ пѣною у рта спорили оба старовѣра съ кievскими учеными, но не могли осилить послѣднихъ.

Недовольный возвратился Аввакумъ въ морозовскій домъ и громко сказалъ боярынь:

— Что вы охаете: „охъ, охъ, какъ спастись, искушеніе пріиде!“. Меньше спите, убужайте другъ друга!

У Морозовой въ это время сидѣла ея сестра, княгиня Урусова, которую Ѳедосья Прокопьевна поучала своимъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ.

Недовольство Аввакума побѣдою кіевскихъ ученыхъ быстро прошло, разъ онъ увидѣлъ, что къ ихъ согласію примыкаетъ новая, сильная по своимъ связямъ, женщина. И вмѣстѣ съ Морозовой онъ сталъ поучать Урусову.

— Потерпимъ здѣ мало отъ никоніанъ, — говорилъ онъ, — да у Бога вѣчно возвеселимся и возрадуемся

Тутъ онъ началъ рассказывать о своемъ побѣгѣ, когда былъ въ Рязани подъ началомъ архіепископа, и все это бѣгство облекалъ, разумѣется, въ форму чуда.

Съ благоговѣніемъ слушали его обѣ женщины, при чемъ Ѳедосья Прокопьевна все больше и больше умилялась словами протопопа и убѣждалась въ правильности старовѣрческихъ ученій.

Домъ Морозовой попрежнему былъ переполненъ множествомъ приверженцевъ старины. Юродивые, увѣчные не переводились въ немъ, а равно продолжали жить пять старицъ, подначальныхъ Меланіи.

Та-же Аннся, которой когда-то, уѣзжая въ ссылку, поручилъ Аввакумъ свое духовное стадо, находилась здѣсь-же, у Морозовой, и вмѣстѣ съ послѣдней совершала ежедневно положенныя правила и службы.

Сама Морозова совсѣмъ уже перестала заботиться о домѣ. Сынъ ея Иванъ настолько выросъ, что могъ завѣдывать всѣмъ. Но, опасаясь, чтобы его не увлекли никоніане, протопопъ Аввакумъ все еще держалъ его на положеніи недоросля и не довѣрялъ ему никакихъ важныхъ тайнъ, относившихся къ послѣдователямъ старой вѣры.

Неожиданно налетѣла новая напасть.

Царица, Марія Ильинишна, приверженность которой къ старой вѣрѣ всѣмъ была очевидна, въ мартѣ 1669 года умерла.

Неожиданная смерть ея поразила страшно старовѣровъ и заставила ихъ встревожиться. Нужно было принимать какія-нибудь другія мѣры, чтобы обезпечить милость царя.

Скончалась царица Марія Ильинишна въ третій день марта.

Горько плакалъ государь: потеря любимой жены казалась ему незамѣнимой.

По обычаю тогдашняго времени, похороны должны были совершиться на другой день.

Потерявшійся государь не хотѣлъ уйти изъ комнаты почившей и почти все время до самого погребенія провелъ тамъ.

Величественно были совершены похороны.

На нихъ присутствовали два патріарха, два митрополита, епископъ, нѣсколько архимандритовъ, игуменовъ и множество духовенства.

Стояли эти похороны по тогдашнему времени большихъ денегъ. Послѣднія сыпались очень щедрой рукой.

Однимъ нищимъ, слѣдовавшимъ за гробомъ, было роздано по рублю на человѣка.

Въ третины, въ девятины послѣднихъ кормили на аптекарскомъ дворѣ и также давали имъ деньги.

За отправленіе девятинъ въ Чудовскомъ монастырѣ царь раздалъ архимандриту съ братіей около пяти-сотъ рублей.

Немало было переплачено денегъ крестовымъ и пѣвчимъ-дьякамъ, которые на гробу царицы псалтирь „говорили“.

Царь разослалъ во многіе монастыри для поминальныхъ столовъ нѣсколько сотъ осетровъ и бѣлугъ.

Перваго апрѣля отправился царственный вдовецъ ночью по монастырямъ, вездѣ молился за усопшую супругу и раздавалъ милостыню.

Зайдя къ священнику Никитѣ, у котораго жилъ

разслабленный Зиновій, царь, вручая ему деньги, промолвилъ:

— Молись, старче Зиновій, молись о душѣ царицы Маріи,—и горько заплакалъ.

Съ этой-же цѣлью Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ освободить калодниковъ и тюремныхъ стрѣльцовъ и заплатить за нихъ писцовые иски и пошлины.

Немало заплачено было царемъ денегъ за выкупъ людей, стоявшихъ на правожѣ за долги и иски.

Такъ продолжалось цѣлый годъ.

Только теперь стало немного забываться царское горе. И онъ началъ интересоваться дѣлами государства.

Всѣ эти явныя поминки по царицѣ послѣ года превратились въ тайныя, и денегъ раздавалось по-прежнему много.

По свидѣтельству современниковъ, на погребеніе и поминаенія царицы пришлось употребить половину ежегоднаго дохода, собиравшагося со всего государства.

Вскорѣ послѣ смерти царицы, кто-то изъ бояръ замѣтилъ царю о томъ, что по кружаламъ и кабакамъ не прекращаются пѣніе и пѣсни.

— Твоя царская милость въ горести находится, а народъ веселится.

Вскипѣлъ царь и немедленно послалъ за патриархомъ.

— Святѣйшій отецъ, что посоветуешь, какъ искоренить намъ эту прелесть сатанину? — спросилъ его царь.

— Негоже, государь, и я скажу, творить веселье и распѣвать пѣсни и въ обыденное время, особливо-же теперь, когда скончалась матушка-царица...

— Такъ запретимъ...

— Коль мой совѣтъ ты примешь, государь, помимо запрещенія, нужно разбить всѣ эти мускійскія орудія, на коихъ играютъ по кружаламъ. Соизволь приказать.

Государь не сталъ раздумывать, вполнѣ соглашаясь съ патріархомъ, и сейчасъ-же велѣлъ собрать все музыкальные инструменты, какіе только находились въ Москвѣ.

Все это было исполнено: инструменты были отобраны, ими нагрузили пять возовъ, свезли за Москву рѣку на „Болото“ и сожгли.

Разрѣшено было заниматься музыкой однимъ пѣвцамъ.

Приверженцы старины радовались.

Поступокъ царя согласовался съ ихъ возрѣніями.

— Бѣсовскія орудія истреблены быша; аки сатанинскій соблазнъ, благочестивыя души низвергоша,— говорили старовѣры.

— Не должно имъ быть, церковь православная отрекла ихъ,—сознательно сказалъ Аввакумъ, узнавъ объ уничтоженіи музыкальныхъ инструментовъ.

Но все-таки истребить ихъ совсѣмъ не уд лось.

Кое-гдѣ сохранились въ домахъ гусли, домры, сурны и гудки.

Московскій людъ втихомолку продолжалъ на нихъ играть. Опасность быть захваченнымъ и поплатиться битьемъ батогами и денежной пеней мало останавливала музыкантовъ, и несмотря на разсланные повсюду грамоты отъ митрополита, въ которыхъ послѣдній грозилъ слушникамъ наказаніемъ безъ пощады и отлученіемъ отъ церкви, музыка продолжалась.

Молодой Иванъ Морозовъ тоже пристрастился къ игрѣ на гусяхъ. Но едва объ этомъ узнала его мать, Федосья Прокопьевна, гусли были уничтожены, а молодой человѣкъ, поставленный на строгую энигелью, долго не вспоминалъ про музыку.

Такъ хотѣлъ заставить Алексѣй Михайловичъ Москву печалиться и грустить вмѣстѣ съ нимъ о смерти своей первой супруги.

XV.

Все сильнѣе и сильнѣе разгоралась непріязнь между послѣдователями старины и исправленій патріарха Никона.

Во дворцѣ царя уже не осталось корней для поддержки „древняго благочестія“.

Съ каждымъ днемъ „новшества“ патріарха Никона интересовали Алексѣя Михайловича все больше.

Вліяніе Милославскихъ почти совсѣмъ исчезло со смертью Маріи Ильинишны. Поддержки для Морозовой болѣе не существовало.

До царя стали доходить слухи о постригѣ Морозовой, и онъ велѣлъ ей явиться къ себѣ.

Боярыня рѣшилась противиться во что бы то ни стало свиданію съ Алексѣемъ Михайловичемъ и на первый разъ сказалаь больною.

Повѣрилъ-ли этому царь, это трудно сказать, но недовольно нахмурилъ брови, услышавъ объ ея болѣзни.

— Посмотримъ, долго-ли недугъ ея продлится! — замѣтилъ „тишайшій“.

На нѣкоторое время Морозову оставили въ покоѣ, и о ней никто не вспоминалъ въ царскихъ палатахъ.

— А недугъ-то у „честной вдовы“ боярина Глѣба не миновалъ еще? — загадочно посматривая на ближнихъ бояръ, спросилъ однажды государь.

— Повели, великій государь, узнать, — отвѣтилъ кто-то изъ присутствующихъ.

Царь задумался.

— Дадимъ ей время выздоровѣть! — такъ же загадочно отозвался онъ и прекратилъ разговоръ.

Снова кануло въ вѣчность около двухъ лѣтъ.

Надумалъ царь вторично вступить въ бракъ.

Снова запраздновала первопрестольная. Запировала она отъ радости о скорой царевои свадьбѣ.

Немного измѣнилась Москва за это время, но новшества Никона начали сказываться. Двѣ партіи, такъ рѣзко отличавшіяся другъ отъ друга, ясно обозначились.

Недовольство расло.

На московскомъ торгу царило необычное оживленіе. Степенные приказные дьяки сновали по лавкамъ торговыхъ людей для покупки различныхъ вещей для свадьбы.

— Миздра,—обратился одинъ изъ нихъ къ кожевенному торговцу,—дай-ка ты мнѣ изряднаго сафьянцу, нуженъ онъ для государыни невѣсты на чеботы; акромья того, покажи прикладъ къ башмакамъ червчатымъ, а равно кожи телячьей лазоревой...

Все требуемое было немедленно показано дьяку. Начали торговаться, нѣсколько разъ били по рукамъ, но не скоро столковались въ цѣнѣ.

— Вѣнцы вѣнчальные нужно-бы поправить,—замѣтилъ дьякъ Арбенинъ,—помято золото на нихъ.

— Ступай, дьякъ, къ благопріятелю моему Ивану Качагѣ, онъ тебѣ все быстро сдѣлаетъ, — отозвался Миздра,—скажи, что отъ меня.

— Спасибо, другъ,—отвѣтилъ Арбенинъ.

И царскіе вѣнцы были поручены мастеру. Торгъ продолжался. Торговые люди ожидали хорошихъ барышей отъ подобной оживленной торговли.

Немало хлопотало людей по этому поводу.

Загудѣлъ торгъ...

Въ царицыной мастерской палатѣ чеботники, швецы и прочіи рабочій людъ, почитай, скованъ сидитъ, денно и ночью дѣлаетъ башмаки, чулки портянные да пошиваетъ государынѣ-невѣстѣ лѣтники да тѣлогрѣби.—„Никакъ не можно, отецъ пресвѣтлый, намъ къ твоей милости на поученіе притти“,—отвѣтили царскіе мастера посланному отъ Аввакума, приглашавшаго ихъ въ Морозовской домъ.

Много было старовѣровъ, послѣдователей протопопа Аввакума, пзъ мастеровъ царицыной палаты.

— Ишь какъ возрадовался царь-то, что ожениться задумалъ,—недовольно замѣтила Морозова, когда протопопъ сообщилъ ей объ отказѣ палатныхъ мастеровъ:— а того не разумѣеть, что второй бракъ не отъ Бога!

Недовольна была и Меланія затѣвавшимися празднествами.

— Сколь народу отъ молитвы за это время отстачеть,—говорила она и еще усерднѣе совершала ежедневныя правила со своимъ „пятерикомъ“ стариць и самой боярыней.

„Зѣло радовалась“ послѣдняя, предстоя съ ними ночью на правилѣ Христу.

— Умаялась ты, сестра Θεодора,—сказала ей какъ-то Меланія, замѣчая, что Морозова еле держится отъ безчисленныхъ поклоновъ и моленій на ногахъ,—отдохнула-бы ты!

Федосья Прокопьевна хотѣла что-то отвѣтить своей наставницѣ, но сдержала себя и послушно проговорила:

— Волю свою я въ конецъ отсѣкла, мать благая, и до конца дней моихъ ни въ чемъ не ослушаюсь велѣній твоихъ!

И сейчасъ-же пошла на отдыхъ.

Алексѣй Михайловичъ приступилъ къ выбору себѣ невѣсты.

По приказу его, были собраны въ Москву дѣвицы дворянскаго и боярскаго сословія.

Ихъ привезли въ Москву въ ноябрѣ 1669 года. Большинство изъ нихъ помѣстилось въ Кремлевскихъ дворцовыхъ хоромахъ, нѣкоторыя изъ нихъ жили у своихъ родственниковъ.

Цѣлые полгода, вплоть до мая, смотрѣлъ ихъ царь. Послѣ первыхъ смотринъ, когда часть дѣвиць была отпущена уже по домамъ, назначены были вторыя смотрины оставшимся, и изъ нихъ были взяты на „верхъ“ только нѣсколько, въ числѣ которыхъ находились дочь Ивана Бѣляева и Наталія Нарышкина.

Благодаря двумъ подметнымъ письмамъ, найденнымъ истопникомъ передъ Грановитою палатою, въ которыхъ была написана клевета противъ боярина Матвѣева, родственника Нарышкиной, государь велѣлъ разслѣдовать это дѣло, и почему-то все обвиненіе пало на дядю Бѣляевой, Шихирева.

Это значительно повліяло на мнительнаго Алексѣя Михайловича, и вмѣсто того, чтобы выбрать Бѣляеву, которая ему очень нравилась, выборъ его палъ на Нарышкину.

Старая партія не рассчитывала на это и надѣялась, что царь все-таки женится на Бѣляевой, но обвиненіе Шихирева окончательно испортило все дѣло.

Обиженный бояринъ Артамонъ Сергѣичъ Матвѣевъ написалъ нѣсколько челобитныхъ царю, обвиняя Шихирева въ подметныхъ письмахъ.

Разгнѣванный царь, понявъ старанія партіи Милославскихъ заставить его жениться во что-бы то ни стало на Бѣляевой, рѣшилъ, вопреки этому, жениться на Наталіи Кирилловнѣ.

Спустя девять мѣсяцевъ послѣ избранія невѣсты, въ январѣ 1671 года, онъ обвѣнчался съ Нарышкиной. Вѣнчаніе происходило торжественно.

Великолѣпный и прекрасенъ былъ нарядъ молодой царицы во время ея вѣнчанія.

На головѣ у нея была одѣта блестящая корона, вся въ драгоценныхъ камняхъ и жемчугахъ. Верхъ короны былъ раздѣленъ на двѣнадцать башенокъ, по числу двѣнадцати апостоловъ. Корона эта называлась „вѣнецъ съ города“, то-есть съ зубцами. Масса алмазовъ, сафировъ, и топазовъ окружали весь ея ободъ, низъ котораго былъ усаженъ гурмыжскимъ зерномъ.

По обѣимъ сторонамъ вѣнца спускались тройныя длинныя „рясы“, то-есть цѣпи, украшенныя точно также множествомъ драгоценныхъ камней. Тѣлогрѣя молодой царицы была сшита изъ розовой обьяри съ

богатою бобровою обшивкою и самоцвѣтными камнями вмѣсто пуговиць, всѣ швы были сдѣланы изъ драгоценной парчи. Запястья, достигавшія до пальцевъ, были вышиты по атласу червчатому, низанныя жемчугомъ. Сверхъ телогрѣи на Наталіи Кирилловнѣ была одѣта мантия изъ тонкой матеріи, сплошь затканная золотомъ. Ожерелье на царицѣ было тяжелое изъ сѣдого бобра. Поверхъ его лежали мониста и діадема.

На ногахъ башмаки изъ лазореваго сафьяна, всѣ обшиты также драгоценными камнями, причѣмъ закаблучье было обвито золотомъ.

Вѣнчаніе происходило долго, не менѣе времени заняло и поздравленіе.

Вокругъ царя и царицы помѣщалась толпа боярынъ въ роскошныхъ бѣлыхъ одѣяніяхъ. Онѣ стояли, потупя глаза книзу и сложа на груди руки.

Возвратившись изъ собора въ палату новобрачные царь и царица сѣли на царское мѣсто и начали принимать подарки.

Богато убранная палата была переполнена боярами и царедворцами.

Послѣ патріарха, первымъ поздравившаго сочетавшихся бракомъ, потянулся длинный рядъ поздравителей.

Вмѣсто Ѳедосіи Прокопьевны, „титло“ говорила княгиня Воротынская.

Когда сѣли за брачный пиръ, сзади молодой царицы стояли и принимали яства и ставили передъ ней ея отецъ Кирилла Полуэктовичъ Нарышкинъ и бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

Царицынъ дворецкій, а равно и стряпчіе со всѣхъ дворцовыхъ столовыхъ, распорядились отпускомъ кушаній.

Блюда и чаши приносили царскіе стольники.

Кравчіе же царя наливали ему и царицѣ вино въ чаши.

„Въ столы смотрѣли“, то-есть подчивали гостей дворовые бояре и царскіе окольничьи.

Долго продолжался свадебный пирь...

Счастливымъ своимъ бракомъ, царь совершенно позабылъ объ упрямой боярынь Морозовой и вспомнилъ о ней только тогда, когда князь Урусовъ сталъ наливать ему въ чашу романей.

Веселая улыбка, не сходявшая до этого времени съ лица Алексѣя Михайловича, сразу исчезла. Нахмурившись, взглянулъ онъ на князя и какъ-то нервно отдернулъ чашу, едва тотъ успѣлъ ее наполнить.

Князь понялъ, но молча поклонился и болѣе не рѣшался подходить къ государю.

Пирь продолжался, пока царь, усталый отъ волнений, не сдѣлалъ знакъ объ его прекращеніи.

XVI.

Въ концѣ святокъ 1670 года снова въ домѣ Морозовой появился царскій посоль.

— Царь-батюшка повелѣлъ тебѣ, честная вдова, боярыня Феодосья Прокопьевна,—сладко запѣлъ дьякъ Арбенинъ,—на вѣнчаніе его, милостивца, съ Наталією Кириловой Нарышкиной, припожаловать.

Молча приняла царское приглашеніе Морозова; сурово взглянула она на посланца, угостила его стопкою меда стоялаго и проводила его съ честью.

Только что закрылись ворота Морозовскаго дома за царскимъ посланцемъ, какъ боярыня пошла на другую половину дома, гдѣ у ней скрывались Аввакумъ, Меланія и прочія старицы.

— Отче праведный, напасть на меня опять великая,—упавшимъ голосомъ проговорила боярыня.

Встревоженный протопопъ и Меланія переглянулись.

— Что такое, сестра Феодора? — спросилъ протопопъ.

— Былъ у меня сейчасъ царевъ посланный, зоветъ меня на бракъ свой съ Нарышкиной...

— Что-жъ, нужно ѣхать тебѣ сестра... О, Господи!— задумчиво сказалъ Аввакумъ, — прогнѣвлять царя намъ теперь не рука, заступы за насъ у него никого нѣтъ.

— Ой, отче, грѣхъ великій ѣхать мнѣ на бракъ царевъ!—прошептала Морозова.—Вѣдь мнѣ придется стоять въ первыхъ боярыняхъ и титулу царскую говорить: какъ-же назову царя я благовѣрнымъ, коли онъ никоніанскому отступничеству благоволитъ!

Меланія и протопопъ снова задумались.

— Акромя того, нужно будетъ царскую руку лобызать, и невозможно избыть отъ благословенія ихъ архіереевъ.

— Истинно говоришь ты, дочь моя, не можно тебѣ на бракъ царевъ пребывать.

— Вѣрная ты еси дочь церкви православной,— промолвила Меланія.

Одобреніе обонхъ адомантовъ раскола ободрило Морозову.

— Готова я пострадать лучше, нежели имѣть общеніе съ никоніанами!—восторженно проговорила боярыня.

На общемъ ихъ совѣтѣ было рѣшено, что Федосья Прокопьевна отзовется болѣзнью ногъ, чтобы не быть на царской свадьбѣ.

Незадолго до свадьбы къ Морозовой снова пожаловалъ царскій посоль.

На этотъ разъ боярыня приняла его сидя.

Поклонившись ей, онъ сказалъ:

— Повелѣлъ государь великій въ другорядѣ упредить тебя, честная вдова, боярыня Федосья Прокопьевна, что ты, какъ старшая изъ боярынь по мужу твоему покойному, Глѣбу Ивановичу, должна титулу царскую сказывать, а посему жалуетъ государь великій тебя своею милостью, посылаетъ камки и объѣды

и бархату венецейскаго, чтобы ты пошила изъ него тѣлогрѣй да шубку.

Съ этими словами Арбенинъ, поклонившись хозяйкѣ, передалъ ей привезенные подарки.

Боярыня смутилась.

Присылъ подарковъ обязывалъ ее быть на царской свадьбѣ. Но это не поколебало ея рѣшимости, и она сдержанно отвѣтила посланному:

— Спасибо великому государю, что вспомнилъ рабу свою своею милостью, но съ прискорбіемъ должна отказаться отъ его царской ласки и милости: нога зѣло прискорбна, — не могу ни ходити, ни стояти, самъты это видишь.

И боярыня указала на свои ноги, обутыя въ тяжелыя валеныя пчедоги.

— Повелишь, боярыня, такъ и доложить государю милостивому, что ты на свадьбу его не пожалуешь? — съ неудовольствіемъ спросилъ дьякъ Арбенинъ.

— Самъ разумѣешь, что не въ силахъ я съ мѣста двинуться, а не только на царскихъ празднествахъ быти! — слегка раздраженно отвѣтила Морозова.

Аввакумъ и Меланія вновь одобрили отказъ боярыни, хотя, повидимому, ожидали отъ него немало печальныхъ послѣдствій.

Оказалось, что этотъ отказъ былъ началомъ большаго гоненія на послѣдователей старой вѣры.

„Тишайшій“ царь разгнѣвался ужасно, когда посланный сообщилъ ему отвѣтъ Морозовой.

— Знаю, она загордилася, — промолвилъ государь, — и повелѣлъ избрать для сказанія титула на свадьбѣ другую боярыню, затанувъ противъ упрямой свое неудовольствіе на время.

Миновала царская свадьба. Жизнь Первопрестольной снова вошла въ свою колею.

Казалось, ничто въ царскихъ палатахъ не измѣнилось. Тотъ-же царь, тѣ-же обычаи, но въ дѣйствительности все было по другому.

Партія Милославскихъ поддерживала „древнее благочестіе“, и несмотря на ссылку, возвратившись изъ Мезени, протопопъ Аввакумъ почти открыто проповѣдывалъ свои убѣжденія.

Съ женитьбой-же царя на второй супругѣ и съ удаленіемъ Милославскихъ отъ царскаго двора, поблажки старовѣрамъ значительно сократились: Нарышкины были ярые приверженцы Никона.

Въ свою очередь и царь еще больше сталъ почитать всѣ новшества, введенныя патріархомъ Никономъ.

Появившійся раньше при царицѣ, Маріи Ильинишнѣ, въ царскомъ дворцѣ и даже находившійся въ числѣ „верховыхъ богомольцевъ“, юродивый Кипріанъ былъ оттуда изгнанъ.

А давно-ли этотъ самый Кипріанъ неоднократно молилъ государя о возстановленіи древняго благочестія, и государь его благосклонно выслушивалъ! Ходить, какъ онъ раньше это дѣлалъ, по улицамъ и торгамъ, обличая свободно языкомъ новизны Никона, было строго воспрещено юродивому.

Но остановить его дерзкій языкъ было нелегко. Несмотря на запрещеніе, онъ продолжалъ вездѣ громко возставать противъ нововведеній и укорять за нихъ царя.

Пришлось сослать Кипріана въ Пустоозерскій острогъ, гдѣ онъ черезъ нѣкоторое время и былъ казненъ за свое упорство.

Казнь послѣдняго страшно повліяла на старовѣровъ, находившихся въ Морозовскомъ домѣ.

Встревоженный Аввакумъ и Меланія обдумывали, что предпринять имъ чтобы спасти приверженцевъ древняго благочестія отъ неминуемаго царскаго гнѣва.

Тѣмъ не менѣе, Алексѣй Михайловичъ не принималъ еще никакихъ крутыхъ мѣръ противъ раскольниковъ, хотя несомнѣнно онъ былъ хорошо освѣдомленъ,

что главное гнѣздо раскола находится въ Морозовскомъ домѣ.

Но узнавъ онъ о постригѣ Морозовой и, сожалѣя о ея сынѣ Иванѣ, находящемся подъ вліяніемъ изувѣровъ, Аввакума и Меланій, рѣшилъ принять мѣры.

Вспомнилъ царь, наконецъ, и о самой боярынь.

— Поѣзжай ты къ ней, — сказалъ онъ боярину Троекурову осенью того-же года, — и попытай, что она тамъ творитъ въ своемъ домѣ. Дошли до меня слухи разные; главное, насчетъ вѣры поспрошай ее.

Бояринъ немедленно отправился въ домъ Морозовой.

Узнавъ о его приѣздѣ, Аввакумъ съ Меланіей благословили Федосью Прокопьевну открыто выступить на защиту старой вѣры, если понадобится.

— А тамъ мы тебѣ поможемъ, — прибавилъ протопопъ; и боярыня вышла навстрѣчу царскому послу.

Мягокъ былъ Троекуровъ.

Привѣтливо поздоровавшись съ хозяйкою дома, онъ умолчалъ о главной причинѣ своего посѣщенія, только сказалъ ей:

— Царь-батюшка сильно на тебя пеняетъ, что ты шикогда въ „верху“ не бываешь: „загордилась, говорить, честна вдова“.

— Плоха здоровьемъ стала, — уклонила отъ прямого отвѣта Федосья Прокопьевна, замѣчая, что посланный приѣхалъ не съ грознымъ посланіемъ, и снова начала жаловаться на больныя ноги.

— Коли занедужилось, такъ поправляйся, боярыня, а поправившись, къ нашей молодой царицѣ въ „верхъ“ и пожалуешь, — добродушно проговорилъ Троекуровъ.

Видя вдову больную, онъ не сталъ разспрашивать ее объ ея вѣрованіи, какъ наказалъ ему царь, и, вернувшись къ послѣднему, доложилъ:

— Немошна, царь батюшка, боярыня, и готова была бы твои царскія очи повидѣть, да сильно занедужилось.

Какъ, говорить, недугъ прикончится, сама прибѣгу къ царю милостивому.

Недовѣрчиво посмотрѣлъ государь на докладчика и прошепталъ:

— Ой, не вѣрится мнѣ что-то въ ея недугъ-то, а можетъ быть, и правда; пождемъ малое время.

— А какъ она вѣрится, узналъ ты у нея?—продолжалъ государь, пытливо вглядываясь въ Троекурова.

Посланный смутился.

— Не спросилъ я ее объ этомъ, царь батюшка!

— Эхъ, ты, пустая голова,—недовольно замѣтилъ Алексѣй Михайловичъ.

XVII.

Цѣлый мѣсяцъ царь не предпринималъ ничего противъ Морозовой.

Крутыя и быстрыя мѣры не были въ его характерѣ; да кромѣ того, онъ не хотѣлъ возбудить противъ себя многихъ ближнихъ бояръ, такъ какъ Морозова была одна изъ первыхъ при дворѣ и очень извѣстна Первопрестольной.

Карать неповиновеніе церковной власти, а равно и гражданской въ лицѣ своей родственницы, онъ не хотѣлъ сразу и ожидалъ, не смирится-ли Морозова сама и не сознаетъ-ли свою вину.

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ, но этого не послѣдовало.

Теперь уже царь надумалъ послать къ непокорной его волѣ боярынѣ съ увѣщеваніями ея близкаго родственника, князя Петра Урусова, мужа ея сестры Авдотьи.

О предполагаемомъ его приѣздѣ въ домъ Морозовой было узнано заранѣе.

— Вотъ ты говоришь, что царь на тебя прогнѣвался,—обрадованнымъ голосомъ замѣтилъ ей Аввакумъ,—а онъ твоего-же деверя къ тебѣ посломъ шлетъ.

— Видитъ онъ твою правоту, сестра, о Господѣ,— поддакнула Меланія,— вотъ круто-то и не поступаетъ.

Всѣ обитатели Морозовскаго дома радовались, что царь послалъ къ нимъ не кого-нибудь другого, а именно Урусова.

Не какъ посла царева, а какъ ближняго родственника, вышла встрѣтить Федосья Прокопьевна князи и даже не сняла съ головы иноческаго шлыка.

Радужныя ожиданія старовѣровъ не оправдались.

Урусовъ сурово поздоровался со свояченицей.

— Приѣхалъ я къ тебѣ, Федосья Прокопьевна, не какъ родственникъ, не какъ ближній человѣкъ, а какъ посоль царскій...

Такое признаніе гостя было не по душѣ хозяйкѣ. Но она скрыла свое неудовольствіе и привѣтливо сказала:

— Какъ ты себя нп называй, князь, а все-же ты будешь мнѣ ближнимъ человѣкомъ, мужемъ сестры моей Авдоты, а моего сына дядей.

Князь молча сѣлъ на лавку у стола и затѣмъ строго спросилъ боярыню:

-- По что прогнѣвила ты царя-батюшку?

Морозова притворилась, что не понимаетъ вопроса.

Урусовъ повторилъ его.

— Дивлюся я, князь Петръ, почто царскій гнѣвъ на мое убожество. Не знаю за собою, кую вину, кое зло предъ нимъ сдѣлала.

— Не криви душой, Федосья Прокопьевна: хорошо ты знаешь, чуешь, сколь вина твоя велика, да не хочешь всѣмъ признаться.

Морозова замѣтила, что все открыто. Скрываться больше нельзя. Но все-таки она рѣшилась попробовать сослаться на больныя ноги и этимъ способомъ увильнуть отъ разспросовъ.

Но Урусова поймать этимъ, какъ она поймала Троекурова, было трудно.

Онъ давно знаетъ о Морозовскомъ домѣ, какъ о приютѣ для всѣхъ послѣдователей старой вѣры. Да и жена его нерѣдко проговаривалась объ этомъ.

Тѣмъ не менѣе, не желая сразу запугивать вдову, онъ повелъ свои разспросы издалека, но такъ, что они касались вопросовъ ея вѣрованія.

Вначалѣ Федосья Прокопьевна отвѣчала довольно охотно, но съ каждымъ отвѣтомъ она говорила все меньше и меньше.

— Наслышанъ царь, что въ твоёмъ домѣ проживаетъ много бѣглыхъ монахинь, боярыня, да толкуютъ таки, что и протопопъ у тебя здѣсь находится. Злѣйшій онъ врагъ церкви.

Улыбнулась съ сожалѣніемъ Морозова.

— А, что, коли и такъ? Развѣ отецъ Аввакумъ можетъ у меня въ домѣ пребывать?

— Не мѣсто ему здѣсь,—сурово замѣтилъ Урусовъ,—пусть сидитъ въ монастырѣ, куда его назначили, и замаливаетъ свои грѣхи.

По лицу боярыни пробѣжала недовольная улыбка. Она теперь вполне поняла, что избѣгнуть объясненій невозможно.

— Не одна я его духовная дочь, князь, вѣдь и твоя жена его поученія слушала,—тихо промолвила Морозова.

Задумался князь Урусовъ на слова свояченицы.

— Знаю, боярыня, знаю я это и скорблю.

— Что же такое желаетъ царь отъ меня?—рѣшилась вдова прямо спросить посланнаго.

Князь Петръ въ свою очередь рѣшилъ дольше не томить Федосью Прокопьевну и твердо отвѣтилъ:

— Выговариваетъ тебѣ батюшка царь, что ты произволомъ своимъ, никого не предупивъ, постригъ на себя наложилла. Подумала-ли ты, Федосья Прокопьевна, что у тебя есть сынъ, что приспѣваетъ время сочетать его бракомъ? Куда-же ты его дѣнешь, разъ у тебя здѣсь въ домѣ цѣлый монастырь объявился?

Морозова молчала.

— Велика твоя вина передъ великимъ государемъ, но онъ отпуститъ тебѣ,—продолжалъ Урусовъ,—коли ты покоришься его волѣ и всѣ новонзданныя церковныя книги примешь.

Гордо взглянула вдова на деверя.

— За недоброе ты дѣло взялся, князь Петръ, и трудно будетъ тебѣ со мной что-либо подѣлать.

— Ну, это еще посмотримъ, боярыня!

Въ порывѣ негодованія на деверя, Морозова совѣмъ позабыла, что еще недавно она говорила ему о своихъ большихъ погахъ и, поднявшись во весь ростъ, грозно посматривала на царскаго посланца.

— Если царь хочетъ отставить меня отъ правой вѣры, въ томъ бы государь на меня не покручинился. Да будетъ ему извѣстно: до сей поры Сынъ Божій покрывалъ меня Своей десницею; у меня и въ мысли не было, чтобы, оставя православную вѣру, принять Никоновы уставы.

— Заставитъ тебя, боярыня, царь-батюшка,— не удержался отъ замѣчанія князь.

— Въ вѣрѣ христіанской, въ которой родилась и крестилась, въ той хочу и умереть,—восторжено проговорила Морозова.

— Ой, берегись, боярыня, попомни мой совѣтъ, берегись!—внушительно замѣтилъ Урусовъ.

— Подобало-бы царю оставить меня въ покоѣ, потому что отъ православной вѣры мнѣ отречься невозможно.

— Думай сама, какъ поступать, но помни, свояченица, что я упрежалъ тебя.

— Спасибо и на томъ, князь Петръ.

— Прости, боярыня, я долженъ передать царю все, что ты мнѣ говорила. Его воля тебя наказать, его воля и миловать.

— Свою судьбу, князь, я вручаю Царю Небесному,—прошептала Морозова. И они разошлись.

XVIII.

Сейчасъ-же послѣ его отъѣзда она пошла совѣщаться съ Аввакумомъ и Меланіей.

— Мужайся сестра о Господѣ, начинаются твои испытанія для ради Христа,—сказалъ протопопъ.

Морозова задумалась.

— Ненавидятъ тебя, сестра Теодора, что ты даешь намъ приютъ,—замѣтила старица.

— Особливо архіереи, старцы жидовскіе и іеро монахи римскіе, коихъ наименовали учеными да пригнали сюда изъ Кіева да изъ Полоцка,—злбно проговорилъ Аввакумъ.

— За что-же они ко мнѣ такую ненависть питаютъ, отче благодный?—спросила Морозова.

— Какъ же имъ тебя ненавидѣть, сестра Теодора,— снова сказалъ Аввакумъ;—ты ревнительница вездѣ: и въ дому своемъ, и сама, гдѣ раньше бывала, на бесѣдахъ обличала и опровергала ихъ прелесть, а имъ въ уши вся сія передавали.

Морозова, довольная замѣчаніемъ фанатика, прошептала:

— О, сколь злба людская сильна, что даже людей вѣры праведной не оставляетъ въ покоѣ!

— Поди сегодня въ вечеру, когда царь посланца своего выслушаетъ, сидѣніе о тебѣ въ „верху“ будетъ,—продолжалъ протопопъ,—и насъ вспомнятъ, тебѣ-же въ вину поставятъ.

Долго разсуждали между собою эти ревнители древняго благочестія.

Они рѣшились въ своей фанатической слѣпотѣ идти на всѣ испытанія и мученія, только чтобы не измѣнить завѣтамъ старины.

— Созовемъ вѣрныхъ и помолимся всѣ вмѣстѣ о дарованіи избавы истинной вѣрѣ православной отъ

инокіанскихъ ухищреній и лести ихъ поборниковъ, — торжественно предложилъ протопопъ.

И вмѣстѣ съ обѣими женщинами онъ отправился въ другой конецъ дома, гдѣ была устроена молельня.

Тамъ собрался „пятерикъ“ изгнанныхъ инокинь. Воскурили ладонь, зажгли свѣчи, и моленіе началось.

Не скоро оно окончилось.

Утомленная долгими молитвами, инокини подошли къ Аввакуму подѣ благословленіе.

Затѣмъ, произведя уставные поклоны передъ нимъ и старицею Меланіей, одна изъ нихъ, старшая, именно Елена, обратилась къ Морозовой со словами:

— Отпусти ты насъ, сестра Феодора, изъ твоего дома...

Боярыня изумленно посмотрѣла на нихъ.

— Съ чего это вы, матери, надумали? Живите здѣсь спокойно.

— Боязно намъ, чтобы насъ тутъ не захватили; гроза царскаго гнѣва приближается!

— Нѣтъ, голубицы мои, не бойтесь, никто васъ здѣсь не тронетъ!

Неувѣренно посмотрѣли на свою хозяйку инокини. Онѣ сознавали, что преслѣдованія Морозовой скоро должны усилиться, и тогда всѣмъ, живущимъ въ ея домѣ, не миновать захвата.

Видя печальныя лица инокинь, Морозова поспѣшила ихъ утѣшить.

— Вѣрьте мнѣ, сестры, теперь еще не будетъ ко мнѣ присылки!

Ей трудно было разстаться съ ними.

Тяжело было разорить этотъ мирный монастырь, гдѣ долгіе годы безмятежно молились они вмѣстѣ, гдѣ все уже сложилось, шло такъ правильно, одно за другимъ. Въ умѣ получилась увѣренность, что уставъ жизни исполняется неустанно и богоугодно.

Печально расходились по своимъ кельямъ обитательницы Морозовскаго дома.

— Скажи намъ, сестра Феодора,— снова просила Морозову Елена,— когда приблизится время, чтобы мы могли еще спастись?

— Скажу, милыя сестрицы, скажу непременно,— успокаивала боярыня.

Поздно вечеромъ къ Морозовой пріѣхала ея сестра, княгиня Урусова.

По встревоженному ея лицу боярыня поняла, что противъ нея уже началось преслѣдованіе.

— Что, моя родная,— обратилась она къ Урусовой,— о чемъ новомъ слышана ты?

— Ой, горя много, много горя,— прошептала Евдокія.

— Говори, не бойся, я ко всему приготовилась,— спокойно проговорила Федосья Прокопьевна.

— Такъ слушай, сестра: когда даве князь вернулся отъ тебя, онъ мнѣ все разсказалъ, что отъ тебя допытывалъ. Посердилась я на него...

— Не за что, сестра, на него сердиться, не воленъ онъ передъ царемъ, сказывай дальше.

Урусова продолжала:

— Только что онъ явился къ царю, какъ государь его допрашивать сталъ все, что онъ съ тобой говорилъ. Многимъ гнѣвомъ распалился царь, когда услышалъ о твоихъ словахъ дерзостныхъ, сокрушить тебя сейчасъ-же мыслилъ...

— Чего-жъ помедлилъ? — насмѣшливо спросила вдова.

— Отошелъ! И говоритъ предстоящимъ: „не подь сплу взялась она бороться со мною, я непременно ее одолѣю“.

Морозова недовольно покачала головой.

— Господь рѣшитъ чья въ брани нашей будетъ побѣда, Онъ Святыи одинъ знаетъ.

— Ой, сестра, посмотрю на тебя, смѣла же ты! — изумилась Урусова.

— Смѣла я за правду, — сурово произнесла вдова, — ею одною и живу, кривдой пусть держатся никоніанс. И она задумчиво опустила голову на руку.

Воцарилось на минуту молчаніе...

— Сказывай, сестра, что-же дальше?

— Сумраченъ сталъ царь, назначилъ на сегодня сидѣнье въ „верху“, чтобы о тебѣ поговорить.

Взоръ Морозовой оживился.

— Сколь вѣрно предугадалъ это отецъ благостный Аввакумъ, даве самъ мнѣ объ этомъ говорил!

Евдокія изумилась.

— Дай ты мнѣ возможность насладиться его сладкострунными поученіями, сестра!

— Пойдемъ къ нему теперь, коли не успокоился отецъ: онъ охотно усладитъ насъ своею душеспасительною бесѣдою.

Обѣ сестры пошли на другую половину дома.

Аввакумъ былъ обрадованъ приходомъ Урусовой: онъ надѣялся, что послѣдняя своимъ вліяніемъ на мужа поможетъ отклонить отчасти надвигавшуюся на старовѣріе грозу.

— Здравствуй возлюбленная о Господѣ Евдокія, — пѣвуче проговорилъ Аввакумъ, — благодать тебѣ и милость мира отъ Господа Бога. Радуюсь и вѣмъ вѣру Твою о Христѣ Иисусѣ и любовь твою, яже ко всѣмъ святымъ, страждущимъ благовѣрія ради.

Урусова благоговѣйно слушала слова фанатика, стараясь не пропустить ни одного изъ нихъ.

— Молящу ти ся на молитвѣ Господу Богу, слезы отъ очей твоихъ, яко бисеріе драгое, схождаху; изъ глубины сердца твоего выдыханія утробу твою терзаху, яко облацы, воздухъ возмущаху; глаголы же устъ твоихъ, яко каменіе драгое, удивительны предъ Богомъ и челоуѣки бываху.

Пораженная его словами, Урусова сказала:

— Научи, отче святой, что мнѣ дѣлать?

— Пусть она тебя научить, вотъ,—указалъ онъ на присутствующую тутъ-же Меланію и сказалъ послѣдней:—возьми рабу Господню себѣ въ послушаніе!

Евдокія Прокопьевна душою принадлежала съ этой минуты Аввакуму всецѣло.

XIX.

Въ царскихъ покояхъ по приказу царя собрались: его духовникъ, ближній бояринъ Хитрово и князь Урусовъ.

Богато украшенный иконостасъ, весь установленный иконами, освѣщался трепетнымъ свѣтомъ множества лампадъ и восковыхъ свѣчей, теплившихся почти у cadaго образа.

Алексѣй Михайловичъ, одѣтый въ домашній исподній кафтанъ изъ темно-алой обьяри, съ небольшою іерихонкою на порѣдѣвшихъ кудряхъ, сидѣлъ задумавшись у стола на царскомъ сѣдалищѣ.

У стѣны, недалеко отъ стола, помѣщались оба боярина, а духовникъ стоялъ передъ царемъ.

— Что-же ты скажешь, отче Стефанъ,—нарушилъ первымъ молчаніе государь,—что надлежитъ теперь содѣлать съ ослушницею?

Протопопъ, рослый, полный, среднихъ лѣтъ мужчина, слегка покосился на сидѣвшаго у стѣны князя Урусова. Царь замѣтилъ его взглядъ и проговорилъ:

— Говори смѣло при немъ: онъ, хотя и родственникъ предрозостной вдовѣ, но вѣрный царскій слуга и не станетъ защищать ея вину!

Духовникъ откашлялся и глухимъ голосомъ сказалъ:

— Вина ея тебѣ известна, великій государь! Бѣглый протопопъ Аввакумъ давно проживаетъ въ ея дому;

сказываютъ, что инокинь не мало, изгнанныхъ изъ обителей, тамъ-же у нея скрывается...

— Знаемъ мы все это хорошо, отче,—нетерпѣливо прервалъ говорившаго Алексѣй Михайловичъ, — ну, дальше, дальше-то что?

Протопопъ немного смутился и молчалъ.

Бояринъ Хитрово поспѣшилъ придти къ нему на помощь.

— Дозволь слово сказать, великій государь...

Царь молчаливо кивнулъ головою.

Оружничій царскій поднялся съ лавки.

— Испробуй, государь, послать къ ней архимандрита, какъ раньше спосылалъ изволилъ, пусть допросъ учинить...

— Не время еще для этого! — прервалъ и его царь, — придетъ чередъ, пошлю...

Протопопъ наконецъ рѣшился предложить свой планъ.

— Спосылалъ-бы ты, государь, въ Морозовскій домъ боярина со стрѣльцами, пусть схватятъ Аввакумку-то да старицу, а мы имъ здѣсь допросъ учинимъ.

Царь задумался.

— Говоръ великій по Москвѣ пойдетъ, ослушницу вдову, поди, вся Бѣлокаменная знаетъ! Не хотѣлъ-бы я разруху дому ея дѣлать! Подумайте что иное.

Присутствующіе молчали.

— Для того и созвалъ я васъ на это малое сидѣніе, что не хотѣлъ разглашать о дерзостной вдовѣ всей думѣ, — продолжалъ государь и снова наклонился къ столу.

— Потайно взять ее самое да представить предъ твои царскія очи, — робко замѣтилъ духовникъ.

— Потайно! Какъ-же тебѣ удастся потайно ее схватить да изъ дому вызволить?! Неладное толкуешь ты, отче! — не удержался отъ замѣчанія Алексѣй Михайловичъ.

— Возьми, государь, въ томъ случаѣ сына ея, Ивана, — предложили Хитрово.

— Почто сіе дѣйство? Какая на немъ вина — не ты, ни я не знаемъ! А невиннаго зачѣмъ-же брать?.

— Коли сына возьмешь, такъ мать сама придетъ къ тебѣ о немъ просить!

— Неладное толкуете вы мнѣ! Что скажешь ты, князь Петръ? Тебѣ она роднѣе, ближе, ты можешь намъ благой совѣтъ подать...

Урусовъ поднялся съ лавки и, подойдя къ столу, медленно произнося слова, сказалъ:

— Коли ты, великій государь, повелишь мнѣ сказать по совѣсти, по чести...

— Все говори, князь Петръ, говори смѣло, не бойся, — окшнувъ его пронизательнымъ взглядомъ, призналъ царь.

— Оставь ее на время въ покоѣ, государь. Попробуй, авось одумается, а я тѣмъ временемъ найду къ ней, поговорю съ ней не какъ посланецъ царскій, а какъ родственникъ.

— Пожалуй, твоя и правда, — задумчиво прошепталъ Алексѣй Михайловичъ, — пождемъ!

Снова воцарилось молчаніе, нарушаемое только потрескиваніемъ воєковыхъ свѣчей.

— Но только мѣсяцъ, не больше шести недѣль ждать буду ея покорности, а потомъ...

И государь рѣшительно махнулъ рукою.

— Уйти прикажешь, государь великій? — робко спросилъ Хитрово.

— Идите съ Богомъ, а ты, князь Петръ, останься: еще кое-что я передать тебѣ хочу.

Хитрово и царскій духовникъ удалились изъ покоевъ царя.

— Сколь жалко мнѣ, повѣришь, князь, сына Морозовой, Ивана! Сынъ боярина Глѣба могъ-бы быть вѣрнымъ слугою мнѣ и государству, теперь же гиб

нетъ онъ среди глупыхъ бредней этихъ изувѣровъ!— Вотъ ради него только и соглашаюсь я ждать покорности Морозовой...

Урусовъ низко поклонился царю.

— Спасибо, государь, на твоей милости къ ослушницѣ!..

— Ты все, что я тебѣ сказалъ, все передай ей да посовѣтуй ей прогнать протопопа и всѣхъ старицъ! Негоже это ей боярынь Морозовой! А коли постригъ свой захочетъ сохранить, въ любой изъ монастырей поступить вольна!

И царь отпустилъ изъ своего покоя князя Урусова.

XX.

О милости царя, дававшей возможность Морозовой въ теченіе мѣсяца обдумать свое положеніе, Урусовъ на другой день утромъ передалъ своей женѣ:

— Ступай, Авдотья, къ сестрѣ и скажи ей строгую волю государя; коли не отрѣшится она отъ своихъ заблужденій, много бѣдъ приметъ!

Евдокія Прокопьевна, хотя и признавала, что срокъ покаянія для Морозовой полученъ только благодаря ходатайству князя Петра, тѣмъ не менѣе, ей показалось обиднымъ его замѣчаніе, и она отвѣтила мужу.

— Почто не оставятъ въ покоѣ сестру мою, что злого содѣяла она передъ великимъ государемъ, чѣмъ прогнѣвила она его?!

Урусовъ гнѣвно посмотрѣлъ на жену.

— Сказывалъ я тебѣ чѣмъ. Сознаешь ты это сама, да не хочешь сознаться! Аввакумъ, Меланія да всѣ имъ присные крутятъ голову твоей сестрѣ. Пусть отошлетъ она ихъ отъ себя, и царь всю ея дерзость и непослушаніе проститъ ей!

— Святыхъ людей ты, князь, напрасно виняшь; они блюдутъ вѣру православную, какъ она идетъ изъ

древле! Вина ихъ, что они не хотятъ покориться пов-
шествамъ Никона.

— Покорятся, княгиня, покорятся,—горячо возра-
зиль Урусовъ,—согнуть имъ выю!

Румянецъ залилъ лицо Евдокии Прокопьевны.

— Никогда, князь, никогда этого не будетъ! Въ
вѣрѣ своей стойки они, охъ, какъ стойки!

Изумленно взглянулъ Урусовъ на жену.

— Ты это откуда знаешь, княгиня, аль сама прель-
щена ими?

Урусова готова была сейчасъ-же признаться мужу
въ своихъ симпатіяхъ къ старой вѣрѣ, но мысль, что
подобное открытіе можетъ повредить сестрѣ и общему
ихъ дѣлу, остановила ее.

— Поѣзжай къ сестрѣ,—снова сказалъ Урусовъ,—
старайся уговорить ее, время еще есть—цѣлый мѣсяць!

— Ой, князь, не удастся царю это сдѣлать!

— Ну, тогда пусть пеняетъ на себя, я ничего
больше не въ силахъ сдѣлать.

Княгиня уѣхала сейчасъ-же.

Наскоро передавъ Морозовой все, что требоваль
отъ нея царь, Евдокиа не ждала отъ нея благопріят-
наго отвѣта.

Отрицательно покачала головой боярыня.

— Не удастся царю заставить меня измѣнить
мосіи вѣрѣ.

— Наша вѣра истинна,—запальчиво вмѣшался въ
разговоръ Аввакумъ,—и не можетъ царь о ней настоя-
щаго понятія имѣть, такъ какъ Никоновой ересью
прельщенъ.

— Отсюда выходитъ,—сказала Морозова,—что царь
нашъ неблаговѣренъ: какъ же мы будемъ неблаговѣр-
ному царю повиноваться и руку ему цѣловать?

— Воистину такъ,—согласилась съ ними и Уру-
сова.—Святой отче,—обратилась она къ протопопу,—
поучи ты меня, смиренную рабу свою, — нетверда

есмь въ поученіяхъ истинной вѣры; како молитися должна?

Аввакумъ улыбнулся и благосклонно проговорилъ:

— Изволь, сестра возлюбленная, поучу тебя.

Съ этими словами онъ взялъ правую руку княгини, сложилъ пальцы въ крестное знаменіе древняго образца и елеинымъ голосомъ началъ пояснять:

— Персты рукъ твоихъ тонкостны и дѣйственны; великій и малый и средній въ образъ трехъ ипостасей, указательный-же и велико-средній въ образъ двухъ естествъ, Божества и человѣчества Христова, сложа, на чело возноси, на обѣ рамѣ полагай и, себя пометая на колѣну передъ образомъ Христовымъ, проси отпуста грѣховъ своихъ и всего міра...

Внимательно слушала Урусова наставленія протопопа.

— Горе, горе церкви православной, что только не творять никоніане; вся Богомъ преданная и святыми отmesseцуть да говорятъ самого дьявола наущеніе: „какъ-нибудь, лишь-бы не по старому“. Охъ, собаки, что вамъ старина-то помѣшала!

— Помѣшала, батюшка, помѣшала!—воскликнули пѣкаторыя изъ стариць, здѣсь присутствующихъ.

— Отыдите отъ насъ, еретики, не замайте старыхъ, святыхъ, непорочныхъ книгъ пречѣстныхъ, какъ не бѣда-бы содѣяся въ земли нашей?... Всѣхъ еретиковъ отъ вѣка въ ереси собрали въ новыя книги. Духу лукавому напечатали молиться...

Голосъ протопопа становился все громче и громче. Глаза горѣли; фанатикъ сказывался въ каждомъ его движеніи, въ злобной нетерпимости къ чужому ученію.

— Въ томъ-же крещеніи сатаны не отрицаются и около купели противъ солнца со образы и крыжками ходять, а въ тріодѣхъ напечатана тайная злая ересь...

— Не отступимся отъ православной вѣры, не по-

служимъ никоніанской ереси!—послышались голоса среди „вѣрныхъ“.

— Не слушайте, дѣти, не слушайте, пропадете, аки трава, ежели прельститесь ихъ лестью. Не подобаетъ съ ними, поганцами, вамъ вѣрнымъ и говорить много. Кое общеніе свѣту ко тьмѣ, и каѣ часть вѣрному съ невѣрнымъ? Кое общеніе Христу съ Веліаромъ и церкви Божіей со идола? Такъ-то и вамъ съ ними, съ проклятыми отъ святыхъ отецъ седми соборовъ и отъ русскихъ чудотворцевъ!

Поученіе протопопа замѣтно воодушевило падавшихъ духомъ старовѣровъ.

— Молимъ тя, святой отче,—обратились они къ нему, — продолжи намъ свое душеспасительное поученіе.

Побѣдоносно окинулъ собравшихся въ горницѣ своихъ послѣдователей Аввакумъ, забывая о главной своей цѣли—поучить княгиню. Онъ продолжалъ свою рѣчь.

— Что никоніане насъ клянуть со діаволомъ своимъ, тому мы смѣемся. И ребенокъ разсмѣется ихъ безумію! Коли насъ за старину святую проклинать, ино и отецъ ихъ, и матерей подобаетъ проклинати, въ нашей вѣрѣ нмершихъ. Увы, затмилъ дьяволъ!—

Послѣднее слово фанатикъ такъ громко выкрикнулъ, что многія женщины пугливо вздрогнули. Все сразу смолкло, кое-гдѣ слышался плачь.

Давъ немного успокоиться послѣ произведеннаго имъ впечатлѣнія, Аввакумъ коротко произнесъ:

— Нечего много говорить.

И снова окинувъ всѣхъ пытливымъ взглядомъ, умѣло закончилъ слѣдующими словами:

— Братія и сестры мои, свѣты! Запечатлѣемъ мы кровію своею нашу православную христіанскую вѣру со Христомъ Богомъ нашимъ, Ему же слава во вѣки, аминь.

Тяжело вздыхая, стали расходиться присутствующіе.

Въ горницѣ остались съ Аввакумомъ только двѣ сестры, да старица Меланія.

Аввакумъ сѣлъ на лавку около стола, всѣ три женщины стояли противъ него.

— Молю вы, о Господѣ, дѣтки мои духовныя, святы и истинны рабы Христовы! Богъ есть съ нами—и никто-же на ны.

Умѣніе обращаться съ людьми давало возможность ловкому фанатику безпрекословно вліять на свою паству.

Ни Морозова, ни Урусова, ни даже испытанная Меланія не могли освободиться изъ-подъ этого вліянія. Аввакумъ повелѣвалъ ими, какъ игрушками; онъ поработилъ ихъ волю.

XXI.

Алексѣй Михайловичъ справедливо сознавалъ, что своевременное взятіе подъ стражу бѣглаго протопопа значительно сократило-бы ряды послѣдователей старо-вѣрья.

Сама фанатично настроенная Морозова безъ его вліянія далеко однако, не была-бы такъ увѣрена въ своей правотѣ.

Расколъ имѣлъ болѣе глубокіе корни, чѣмъ это вначалѣ казалось.

Отрицая „благовѣріе“ въ государѣ, старо-вѣры отказывались этимъ повиноваться ему, а это само собою вело къ отказу отъ подчиненія новому порядку вещей и тому обществу, которое приняло и ввело этотъ новый порядокъ.

Вслѣдствіе нежеланія подчиниться новымъ церковнымъ преобразованіемъ и несогласія съ нѣкоторыми обрядами, приверженцы старой вѣры, выходило, явно отказывались отъ повиновенія вообще властямъ.

Это характерное движеніе той эпохи имѣло въ себѣ

намѣреніе захватить въ свои руки всю будущность государства и направить по своему усмотрѣнію политическое и духовное развитіе русскаго народа.

Раскольники боролись не съ одними только новшествами Никона и принявшимъ ихъ православнымъ духовенствомъ, но также и съ самимъ царемъ.

Пока была жива первая супруга царя Милославская, расколъ не поднималъ такъ высоко головы и спокойно распространялъ свое ученіе, сознавая, что благодаря приверженности царицы и ея родни къ старовѣрью, раскольникамъ опасаться нечего: царица всегда заступится за нихъ передъ своимъ супругомъ.

Вторичная женитьба царя и водвореніе партіи Нарышкиныхъ при царскомъ дворѣ, сразу измѣнило всѣ надежды старовѣровъ и выдвинуло вопросъ о расколѣ передъ царемъ въ неблагопріятной для нихъ формѣ.

Церковныя преобразованія, совершенныя Никономъ, были признаны теперь болѣе увѣренно, и православное духовенство, окрѣпшее благодаря этому, являлось для раскола сильнымъ врагомъ.

У царя за раскольниковъ не было сильной руки, — защитить ихъ передъ нимъ было некому, а если и существовали приверженцы стараго благочестія въ числѣ бояръ, то между ними не было такихъ всемогущихъ и сильныхъ, какимъ былъ покойный Борисъ Ивановичъ Морозовъ или государевъ тесть Илья Даниловичъ Милославскій.

Расколъ все-таки широко распространился по Руси. Въ самой Москвѣ, среди торговцевъ, а равно также мастеровъ и мастерицъ государевыхъ мастерскихъ палатъ, старовѣріе насчитывало множество своихъ приверженцевъ.

Въ особенности пристали къ нему изографы, т. е. иконописцы, такъ какъ новшество патріарха Никона — писаніе иконъ „будто живые писать“ — лишило многихъ

изъ нихъ по незнанію этого искусства постояннаго заработка.

Твердый оплотъ раскола, домъ Морозовой, до сихъ поръ представлявшійся имъ вполне недоступнымъ отъ вліянія никоніанъ, потерялъ эту славу, послѣ неоднократныхъ присылокъ царскихъ посланцевъ къ Морозовой и требованій царемъ покорности отъ боярыни.

Смущеніе между адамантами раскола послѣ этого царскаго требованія было не малое. Они ждали скорой грозы.

Молодая царица Наталія Кирилловна задумала какъ-то отправиться на богомолье въ Троицкую лавру. Исполняя желаніе молодой супруги, Алексѣй Михайловичъ пожелалъ, чтобы этотъ первый выѣздъ государыни былъ особенно торжествененъ.

Воспитанная подъ вліяніемъ Артамона Матвѣева, Наталія Кирилловна, чуждая устарѣлыхъ предрасудковъ, не обнаружила наклонности къ стариннымъ порядкамъ.

Подобное направленіе супруги было встрѣчено сочувственно Алексѣемъ Михайловичемъ.

Все-таки во время этой поѣздки на богомолье, царица произвела большое смущеніе среди московскаго люда слѣдующимъ поступкомъ...

Рано утромъ выѣхалъ блестящій царицынъ поѣздъ изъ Москвы.

Во главѣ его гарцовало болѣе полутысячи всадниковъ изъ боярскихъ дѣтей, по трое въ рядъ.

На многихъ изъ нихъ была одѣта золотая парча, имѣвшая видъ брони.

Слѣдомъ за ними вели десятка три коней въ хорошей сбруѣ. вмѣсто попонъ, изъ-подъ сѣделъ спускались драгоцѣнныя парчевыя покрывала, а равно шкуры тигровъ и леопардовъ.

Замыкавшая этотъ конный отрядъ статная стража,

въ боевомъ вооруженіи, предшествовала царю, ѣхавшему въ колымагѣ, крытой алымъ бархатомъ.

Тучные копн бѣлой масти везли ее.

По сторонамъ колымаги шествовали ближніе бояре.

Во время проѣзда по узкимъ улицамъ Бѣлокаменной, вокругъ царскаго экипажа тѣснилось много людей, желавшихъ подать царю свои просьбы.

— Давай сюда, — сурово говорилъ высокій худощавый бояринъ Иванъ Кирилловичъ Нарышкинъ, шуринъ государя.

Просьбы сыпались къ нему дождемъ.

Опъ ихъ принималъ и складывалъ въ красный ящикъ, несомый за колымагой.

Немного позади ѣхалъ верхомъ малолѣтній царевичъ Федоръ Алексѣевичъ. Коня его вели подъ узды бояре.

Поѣздъ растянулся далеко.

На разстояніи получаса отъ царскаго поѣзда, слѣдовалъ поѣздъ царицы.

Впереди него конюхи вели сорокъ статныхъ коней.

За ними сейчасъ-же слѣдовала пространная колымага царицы, запряженная десятью бѣлыми конями. Колымага была плотно закрыта, и окна ея завѣшаны.

Дворцовый этикетъ того времени требовалъ этого.

Слѣдомъ за колымагой ѣхали верхомъ, сидя на коняхъ по-мужски, всѣ горничныя царицы.

Онѣ были одѣты въ бѣлыя круглыя шляпы, подбитыя розовой тафтой, съ желтыми шелковыми лентами, разукрашенныя золотыми пуговками и кистями, падавшими на плечи.

Лица у всадницъ были покрыты бѣлыми покрывалами изъ довольно толстой кисеи.

Костюмъ ихъ составляли длинное платье и желтые сафьяновые сапоги.

Всего женской прислуги было болѣе двадцати человекъ, составлявшихъ двѣнадцать рядовъ.

Около царицной колымаги шло триста человекъ стрѣльцовъ съ посохами и батогами въ рукахъ.

За ними слѣдовали верховъ дѣти боярскіе царицына чина.

Конецъ процессіи заключали бояре и затѣмъ шла громадная толпа народа.

Вотъ тутъ-то и совершила царица смѣлый поступокъ, крайне пзумившій всѣхъ присутствующихъ.

Любопытство заставило ее выглянуть изъ колымаги и съ этой цѣлью она, въ первый разъ проѣзжавшая среди такой массы народа, немного открыла окно колымаги.

Сдержанный гулъ изумленія пронесся среди толпы: подобной смѣлости никто не ожидалъ.

Въ первый разъ народъ Московскій увидѣлъ свою царицу.

Назвать Наталію Кирилловну красавицею въ полномъ смыслѣ этого слова было трудно. Это была женщина большого роста, съ черными глазами на выкатѣ, имѣвшая пріятное лицо, небольшой круглый ротъ и высокій открытый лобъ.

Можетъ быть, такой смѣлый поступокъ царицы былъ объясненъ ея молодостью и отсутствіемъ царя.

Оружейникъ царя, бояринъ Хитрово, сопровождавшій царицу, не посмѣлъ ей ничего замѣтить.

Стало темнѣть, но до деревни, гдѣ предположено было остановиться на ночь, было еще не близко. И хотя дорога была достаточно видна, стрѣльцы зажгли множество восковыхъ свѣчей и несли ихъ около царицной колымаги.

Скоро добрались до ночлега.

Въ колымагѣ царицы находилась мать царицы Анна Леонтьевна, тетка ея Авдотья Петровна да невѣстка, жена Ивана Кирилловича, Просковья А.лексѣевна.

Выбравшись изъ колымаги, царица съ боярынями помѣстилась въ отведенной ей избѣ.

Только здѣсь рѣшилась сказать ей объ ея поступкѣ ся мать.

Наталія Кирилловна улыбнулась капризно и ничего не отвѣтила.

XXII.

Царь уже находился на ночлегѣ, когда поѣздъ царицы прибылъ въ деревню.

Этикетъ не позволялъ въ тотъ же вечеръ встрѣтиться съ супругою, но рано утромъ на другой день часа въ четыре, когда бояринъ Матвѣевъ явился къ царю здравствовать его, царь спросилъ его о царицѣ.

— Поди поздравлуй отъ моего имени царицу и скажи, что передъ путемъ я зайду къ ней.

Бояринъ сейчасъ же передалъ слова царя Наталіи Кирилловнѣ.

Окончивъ утреннія правила, Алексѣй Михайловичъ отправился къ супругѣ.

Съ поклономъ встрѣтили его царицѣны боярыни. Царь вошелъ въ царицыну избу.

Наталія Кирилловна, уже собравшаяся въ путь и одѣвшаяся въ особый парадный нарядъ для этого, поклонилась въ поясъ вошедшему супругу.

— Здорова Наталія Кирилловна?—слегка насмѣшливо привѣтствовалъ ее супругъ, — спокойно-ли спалось тебѣ?

Снова поклонилась въ поясъ молодая женщина.

— Спокойно, государь!

— А не вспомнилось-ли тебѣ, Наталія, какъ вчерашній день въ окно ты изъ колымаги смотрѣла?— Ты думала, что не узнаю я о смѣлости твоей? Все донесли мнѣ. Еще вчера же. Да ты не думай, я

не сержусь. Искоренять этотъ обычай необходимо, пусть народъ русскій видитъ свою царицу!

— Спасибо, государь, за милость и за ласку,— тихо промолвила Наталія Кирилловна.

— Не бойся, голубка,—ободрилъ ее снова царь,— вели открыть окна комнаты и смотри смѣло.

Разрѣшеніе царя являлось смѣлымъ протестомъ противъ старины.

Супруги стали мирно бесѣдовать.

Государь спохватился, что пора выступить въ путь.

— Замедлили мы, какъ бы до ночи не опоздать къ Троицѣ. Пора!

И вмѣстѣ съ царицей онъ вышелъ въ переднюю избу. Стоящія двумя рядами боярыни обратили на себя его вниманіе. Онъ окинулъ ихъ пытливымъ взглядомъ. Двѣ Анны, Мещерская да Хитрово, княгиня Ухтомская, Давыдова, Мартюхина, вотъ казначея Ивошкина... всѣ здѣсь, — замѣтилъ царь.—Кого бишь не хватаетъ?—И Алексѣй Михайловичъ задумчиво потеръ лобъ.

— Урусовой княгини, — обрадованнымъ голосомъ вспомнилъ государь,—гдѣ же она?

Боярыни переглянулись между собою.

— Сказалась нездоровою Евдокія Прокопьевна,— робко отвѣтила казначея Ивашкина

— На ноги жаловалась она, государь, — съ участіемъ замѣтила Наталія Кирилловна.

Лицо Алексѣя Михайловича искривила недовольная улыбка.

— Ну, у обѣихъ сестеръ заболѣли ноги. Морозова, толкують, сидитъ сиднемъ, а теперь сестра ея заболѣла.

— Нѣтъ, государь, доподлинно мнѣ извѣстно, что Урусова больна,—снова проговорила царица,—вотъ къ ней Прасковья Алексѣевна заходила и лично видѣла, что недужится ей.

— Не вѣрю я ихъ болѣзнямъ, — гнѣвно сказалъ

государь,—ну, что объ этомъ толковать. Когда мы въ Москву вернемся, пошлю къ обѣмъ сестрамъ лѣкаря, авось поможетъ имъ отъ недуга излѣчиться.

И царь быстро вышелъ вонъ изъ пѣбы.

Въ прежнемъ порядкѣ отправились оба поѣзда. Сначала царскій, а затѣмъ поѣхалъ и царицынъ. На этотъ разъ около колымаги царицы вмѣсто стрѣльцовъ тянулись верхами царскіе окольничіе и стольники: Иванъ Федоровичъ Стрѣшневъ, Иванъ Ивановичъ Матюшкинъ, Борисъ Гавриловичъ Ушковъ и другіе. Снова далеко растянулись царскіе поѣзда.

Изъ попутныхъ деревень и селеній выходили крестьяне, чтобы поглазѣть на нихъ.

На этотъ разъ Наталія Кирилловна воспользовалась разрѣшеніемъ супруга и, поднявъ занавѣски колымаги, смотрѣла то на одну, то на другую сторону пути.

Къ лаврѣ поѣзда прибыли къ вечернѣ.

Завидя еще издалека, съ высокой колокольни, царскій поѣздъ, звонарь далъ повѣстку въ маленькій колоколь и сейчасъ же ударилъ въ самый большой.

Плавные звуки мѣди мѣрно поплыли по тихому вечернему воздуху. И какъ только царскій поѣздъ показался изъ-за пригорка, Анисимъ со своими помощниками сталъ трезвонить.

На встрѣчу высокимъ гостямъ вышелъ игумень съ братіей.

Игумень осѣнилъ пріѣзжихъ крестомъ; они вошли въ большую церковь, гдѣ послѣ вечерни сейчасъ же началось молебствіе о благополучномъ пріѣздѣ. Послѣ молебствія, царь и царица пригласили игумена съ братіей на ужинъ въ трапезу, гдѣ былъ приготовленъ столъ изъ припасовъ, привезенныхъ царицею.

Пища преимущественно была рыбная.

Затѣмъ всѣ разошлись по своимъ помѣщеніямъ, съ тѣмъ, чтобы рано утромъ встать къ утренней службѣ.

Три дня гостили высокіе гости въ лаврѣ и еже-

дневно игумень подходилъ въ навечеріи съ хлѣбомъ къ крыльцу царицы и дожидалъ здѣсь ея выхода.

При отъѣздѣ изъ монастыря царь и царица поблагодарили игумена, а игумень съ братіей поклонился имъ трижды въ землю.

Возвращеніе въ Москву царскаго поѣзда было также торжественно.

Царица, возвратившись въ свои хоромы, снова погружилась въ обычную замкнутую жизнь.

Какъ-то рано утромъ, послѣ обычнаго моленія у крестовъ, къ царицѣ явился Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

— Прислалъ меня, великій государь спросить о здоровьи матушки царицы и какъ она почивала, — спросилъ Матвѣевъ у крайчей боярыни.

Послѣдняя побѣжала докладывать объ этомъ царицѣ и сейчасъ же вернулась обратно съ отвѣтомъ:

— Передай, бояринъ, государю милостивому, что царица находится въ добромъ здоровьи и почивала спокойно.

Всѣ сношенія царствующихъ супруговъ всегда происходили въ древней Руси чрезъ посредство подобныхъ „обсылокъ“, черезъ ближнихъ боярынъ и бояръ со стороны царицы и царя.

Матвѣевъ ушелъ, а на царицыной половинѣ закипѣла повседневная хоромная жизнь.

Одной изъ важнѣйшихъ заботъ были всевозможныя рукодѣлія, какъ для царской одежды, такъ равно и для церковныхъ одѣяній.

Въ царицыной свѣтлицѣ всѣ сидѣли за работой. Нѣсколько ближнихъ боярынъ показывали Наталіи Кирилловнѣ различный узорочный товаръ. Всевозможныя легкія ткани, золотой и серебряный струнцаль, гурмыжскія зерна и драгоценныя камни.

Царица выбрала ихъ для узора и пздѣлій.

— Прикажи, Татьяна Юрьевна, мастерицамъ, что-

бы онѣ, какъ будутъ вошвы въ новый лѣтникъ вставлятъ, по краямъ лалы мелкія посадили бы, а на запонъ пару изумрудовъ по крупнѣй поставили,—сказала молодая царица и, отойдя къ другой боярынь, стала выбирать для царевень шелки.

Крайчая снова была вызвана въ переднюю палату. Тамъ ее опять дождалъ Матвѣевъ.

— Передай, боярыня, царницѣ, что царь-батюшка изволить сейчасъ къ ней самъ жаловать.

Насколько могли помогать ей ея старыя ноги, крайчая побѣжала къ царницѣ съ докладомъ.

Едва онѣ успѣли приготовиться къ приему царя, какъ онъ самъ появился въ „верху“.

Привѣтливо улыбувшись супругѣ, онъ вошелъ въ свѣтлицу.

Всѣ находившіяся тамъ боярыни и мастерицы поднялись съ лавокъ и чинно поклонились царю.

— Старательныя у тебя работницы-то, Натальюшка,—пошутилъ государь,—одна ты только лѣнишься.

Молодая женщина покраснѣла и, чтобы оправдаться передъ мужемъ, подвела его къ кругу, на которомъ была натянута парчевая матерія, по которой сама царица вышивала шелками и золотомъ.

— Изволь, царь-батюшка, посмотри и на мою работу и въ лѣнивыя меня напредъ не записывай.

Царь съ любопытствомъ посмотрѣлъ на работу жены.

— Ай-да Натальюшка, ай-да мастерица!—замѣтилъ царь и прошелъ вмѣстѣ съ нею въ образную.

— По дѣлу я съ тобой толковать сюда явился. Помнишь, намѣдни мы съ тобою въ Троицѣ были? Спрашивалъ я тебя про Урусову.

Наталія Кирилловна молча кивнула головой и стала прислушиваться.

— Такъ вотъ, нонѣ мнѣ на нее извѣтъ поданъ...

— Какой такой, свѣтъ, государь?—испуганно спросила царица.

— Пишутъ въ подметномъ письмѣ, — его въ Грановитой палатѣ нашли, — что Авдотья-то Прокопьевна такъ же, какъ и сестра ея Федосія, къ Аввакумовскому ученію примкнула.

— Ой, правда-ли, государь? Что-то не вѣрится.

— Не хотѣлось бы и мнѣ вѣрить, Натальюшка: князя Петра я очень люблю, жалко мнѣ будетъ его, коли впрямь жена-то его Аввакумкиной лести наслушалась.

— Какъ же ты, надежда-государь, поступить задумалъ? — пылливо спросила Наталія Кирилловна

— Велю искать, авось правды доищусь!

Потупилась молодая царица. Ей стало жалко Урусову. Морозовой она не знала, но сестра ея была принята въ „верху“.

Какъ только царь ушелъ съ „верху“, Наталія Кирилловна сейчасъ же послала одну изъ боярынь за княземъ Урусовымъ.

Князь не замедлилъ явиться.

— Что приказать изволишь, матушка-царица? — почтительно склонивъ голову, спросилъ онъ ее.

— Коли ты, князь, бѣды на свою голову не хочешь, то предупреди свою княгиню, чтобы она на льстивыя слова пона Аввакума не больно шла. Узналъ государь-батюшка объ этомъ и зѣло прогнѣвался.

Спасибо, царица, на добромъ словѣ, упрежу Авдотью.

— Торопись же, князь, сегодня царь надумалъ спосылъ дѣлать.

Урусовъ ушелъ

Успокоившись немного, царица принялась за свое рукодѣліе.

Приближалось обѣденное время. Работы въ царицныхъ свѣтлицахъ окончились.

XXIII.

Вернувшись домой, Урусовъ сейчасъ-же сообщилъ женѣ о томъ, что онъ слышалъ отъ царицы.

— Слушай, Авдотья, на сестру твою идутъ скорби великія: государь неукратимымъ гнѣвомъ содержимъ и рѣшаетъ на томъ, чтобы скоро ее изъ дому изгнать. Ступай къ ней и предупреди ее.

Княгиня немедленно собралась и отправилась къ Морозовой.

Федосья Прокопьевна по лицу сестры сразу догадалась о приближающейся бѣдѣ.

— Вижу, сестра, что ты не съ добрыми вѣстями, — встрѣтила этими словами она княгиню.

— Ой, сестра, приближается гроза...

Морозова внимательно выслушала весь рассказъ сестры, снова созвала всѣхъ обитателей дома и повѣдала имъ о приближающейся бѣдѣ.

Аввакума не было.

Меланія и „пятерицѣ“ старицѣ Федосья Прокопьевна, обливаясь слезами, сообщила:

— Матушки мои, время мое пришло, идите всѣ вы, — можетъ быть, Господь васъ гдѣ сохранить. А меня благословите на Божье дѣло и помолитесь обо мнѣ, чтобы Господь ради вашихъ молитвъ укрѣпилъ меня страдати безъ сомнѣній о имени Господни.

Зарыдали старицы.

Долго онѣ жили въ домѣ Морозовой, привыкли здѣсь и не знали, куда имъ идти.

Но уходить во всякомъ случаѣ нужно было. И старицы въ тотъ-же вечеръ оставили этотъ ставшій имъ роднымъ домъ.

Точно также масса всякаго люда, таившагося у Морозовой, ушла сегодня отъ нея.

Поздно вечеромъ вернулась княгиня Урусова

домой. Скоро пріѣхалъ изъ дворца и самъ князь Петръ.

— Ну, что, была у сестры?—спросилъ онъ жену. Авдотья Прокопьевна отвѣтила утвердительно.

— А что сегодня говорили въ „верху?“ — спросила она мужа.

Князь замаялся.

— Еще ничего не рѣшено окончательно,—прошепталъ онъ.

Урусовъ не рѣшался говорить изъ боязни высказать свое мнѣніе о царской волѣ, хотя хорошо зналъ, что должно случиться.

Онъ поднималъ глаза на жену и въ глазахъ ея прочелъ нѣмой укоръ своему молчанію.

Урусову стало стыдно, и онъ рѣшилъ хотя иносказательно предупредить свояченицу объ опасности.

Внимательно глядя на жену, князь подчеркивалъ слова, сказалъ:

— Послушай, что я скажу и внимай моимъ словамъ. Христось въ Евангеліи глаголетъ: предадутъ бо васъ на сонмы и на соборищахъ ихъ бьютъ васъ; предъ владыки-же и цари ведены будете меня ради, во свидѣтельство имъ. Глаголю-же вамъ, другомъ своимъ, не убойтесь отъ убивающихъ тѣло и потомъ не могущихъ больше что сотворити. Слышишь, княгиня, самъ Христось глаголетъ! А ты внимай и памятуй.

Авдотья Прокопьевна поняла, что ей хотѣлъ сказать мужъ, и радовалась, что онъ сочувствуетъ ей и сестрѣ ея.

Она увѣренно спросила его:

— Ёхать-ли мнѣ, князь, опять къ сестрѣ?

Урусовъ быстро окпнулъ жену взглядомъ и коротко произнесъ:

— Нѣтъ, подожди до завтра,—завтра я узнаю все подробно.

На другой день рано утромъ, когда князь Петръ

увѣзжалъ во дворець, Урусова спросила опять у него:

— Не сходить-ли мнѣ къ сестрѣ?

Князь задумался.

— Иди, да не оставайся тамъ долго.

Съ изумленіемъ взглянула Авдотья Прокопьевна на мужа:

— Отчего я не должна тамъ долго оставаться?

Урусовъ осторожно оглядѣлся по сторонамъ и шепотомъ сказалъ:

— Я думаю, что сегодня-же „присылка“ къ ней будетъ.

Княгиня вздрогнула.

— Иди, да хранить васъ обѣихъ Господь,— снова замѣтилъ князь Петръ и вышелъ изъ горницы.

Авдотья Прокопьевна сейчасъ-же отправилась къ сестрѣ.

— Сегодня жди присылки,— сказала она ей.

Несмотря на чисто мужескій характеръ и умѣніе сдерживать свои чувства, Морозова пошатнулась, услышавъ это извѣстіе.

— Ужъ...—бессознательно произнесла вдова.

Урусова обняла ее со слезами.

— Полно, не поддавайся малодушію,—сестра!

— Ты права, постраждемъ Христа ради обще и не послушаемъ духа противнаго. Не приимемъ извольтъ государевъ и не запечатамъ себя антихристомъ,— овладѣвъ вполне собою, сказала Морозова.

Сестры снова обнялись и начали молиться.

— Я отъ тебя не уйду,— рѣшительно сказала Авдотья Прокопьевна.

— Пострадать со мною хочешь сестра? Доброе дѣло!—радостно прошептала Морозова.

— Раньше ночи едва-ли присылка будетъ,— замѣтила Урусова.

Онѣ вмѣстѣ стали ожидать „гостей“.

И „гости“ явились.

Во второмъ часу ночи раздался стукъ въ ворота Морозовскаго дома.

— Кто тамъ по ночамъ стучить?—спрочилъ почтовой сторожъ у стучавшихся.

— Отворяй, не разговаривай, — раздался грубый голосъ,— по приказу великаго государя!

Хотя и предупрежденный о появленіи царскихъ людей, старикъ сторожъ все еще медлилъ открывать.

— Понажми-ка бревномъ, Герасимъ и Иванъ,—не-терпѣливо продолжалъ тотъ-же голосъ,—безъ ключей отворимъ.

Такой рѣшительный приказъ незнакомца заставилъ Михея отодвинуть чугунный засовъ, и тяжелыя дубовыя ворота широко распахнулись. Во дворъ, скрипя полозьями, въѣхали двѣ кибитки, окруженныя стрѣльцами. Приѣзжіе, не обращая вниманія на поздній часъ, шумно стали взбираться на крыльцо.

Этотъ шумъ достигъ до ушей обѣихъ сестеръ. Страхъ овладѣлъ Федосьей Прокопьевной и она склонилась головой на лавку, теряя чувства.

Урусова съ тревогой на нее посмотрѣла.

— Матушка сестрица, дерзай, съ нами Христось,—ободрила она опять Морозову,—не бойся, встань, положимъ начало.

Федосья Прокопьевна безсознательно встала, и обѣ сестры, подойдя къ образу, положили семь „приходныхъ“ поклоновъ.

— Успокоилась, сестрица? — тревожно спросила Морозову княгиня.

Федосья Прокопьевна сурово взглянула на нее.

— Спокойна я! Благословимъ другъ дружку, что будемъ только истину свидѣтельствовать. Сестры благословили другъ дружку и разошлись. Морозова легла на пуховикъ въ своей постельной комнатѣ, близъ Теодоровскія иконы пресвятыя Божіей Матери, а Урусова

ушла въ небольшой чуланъ, находившійся при постельной комнатѣ, гдѣ раньше ночевала старица Меланья.

„Гости“ были близко.

Едва сестры улеглись, какъ кольцо дубовой двери застучало.

Чья-то сильная рука рванула дверь, и въ опочивальню, вмѣстѣ съ струей холоднаго воздуха, вошло нѣсколько человекъ.

Пристально осматривая горницу, еле освѣщенную трешетнымъ огнемъ лампадъ, вошедшіе, не видя хозяйки, громко спросили:

— Эй, кто тутъ есть живые?

Но сестры молчали.

— Поищемъ,—дерзко проговорилъ думный бояринъ Иларіонъ Ивановъ, присланный царемъ вмѣстѣ съ чудовскимъ архимандритомъ Іоакимомъ къ Морозовой.

— А ну поищите, — обратился онъ къ сопровождавшимъ его стрѣльцамъ.

Поиски были недолгіе.

— Вотъ ты гдѣ, боярыня, — снова сказалъ Ивановъ,— посланы мы къ тебѣ государемъ великимъ.— Вставай. Отецъ архимандритъ сейчасъ будетъ тебѣ допросъ чинить.

Архимандритъ приблизился къ боярынь.

— Не въ силахъ я встать, — слабо отвѣтила Морозова.

— Ой, неправду говоришь ты, боярыня, — усумнился архимандритъ, — садись тогда, коли стоять не можешь.

Но вдова опять отказалась, говоря, что и подняться съ перины не можетъ.

— Что ты говоришь еще съ нею, честной отецъ, вели стрѣльцамъ,—они поставятъ ее передъ тобою.

Но Іоакимъ не рѣшился поступить такъ грубо съ боярыней.

— Ну, коли не можешь встать, отвѣтствуй такъ противъ царскихъ повелѣнныхъ словъ.

Морозова молчала.

— Какъ крестишься и како молитвы творишь!— спросилъ ее архимандритъ.

Вдова, сложа по старовѣрскому пальцы, перекрестилась и начала читать молитвы.

Въ это время одинъ изъ стрѣльцовъ нашелъ огарокъ восковой свѣчи и зажегъ. Въ опочивальнѣ стало свѣтлѣе.

— Тако я крещусь, тако и молюсь,—твердо произнесла Ѳедосья Прокопьевна, смѣло показывая сложенные персты.

— Была у тебя, боярыня, бѣглая старица Меланія; здѣсь она въ дому у тебя проживала подъ именемъ Александры. Гдѣ она теперь, сказывай скорѣй!

Гордо посмотрѣла вдова на спрашивающаго ее Іоакима.

— По милости Божіей и молитвами родителей нашихъ, по силѣ нашей въ убогомъ нашемъ дому ворота были отворены для странныхъ рабовъ Христовыхъ. Когда было время, были и Сидоры, и Карпы, и Меланія, и Александры. Теперь-же никого нѣтъ изъ нихъ,—проговорила Морозова.

— Дерзка ты на языкъ, боярыня,—недовольно проговорилъ архимандритъ и, отойдя въ сторону, сталъ совѣтоваться съ Иларіономъ Ивановымъ.

— Все равно толку отъ нея не добьешься, святой отче,—рѣшительно проговорилъ думный дворянинъ,—ты побудь здѣсь, а я поищу, нѣтъ-ли гдѣ въ дому спрятавшихся.

Съ этими словами онъ вступилъ въ смежный чуланъ.

Въ чуланѣ было совсѣмъ темно.

Ничего не видя, Иларіонъ Ивановъ сталъ шарить по стѣнамъ руками.

Вдругъ его руки коснулись человѣческаго тѣла; онъ испуганно отдернулъ ихъ и вскрикнулъ:

— Отче святой, Александра-то здѣсь!

Затѣмъ, наклонившись ближе къ лежавшей, думный бояринъ строго спросилъ:

— Это ты, Меланья или Александра, какъ тебя теперь зовутъ?

Но Авдотья Прокопьевна спокойно отвѣтила:

— Нѣтъ, я не старица Меланія.

— Кто-же ты?—изумленно спросилъ Иларіонъ.

— Я князя Петра жена, Урусова,—тѣмъ-же тономъ отвѣтила сестра Морозовой.

Думный дворянинъ, не ожидавшій вовсе найти здѣсь такую знатную особу, ошеломленный подобнымъ открытіемъ, выбѣжалъ изъ чулана.

Заякаясь, испуганный Иларіонъ Ивановъ едва могъ произнести:

— Тамъ княгиня Урусова!

— Княгиня Евдокія Прокопьевна, князя Петра супруга?—воскликнулъ изумленный архимандритъ.

— Да, это она,—отвѣтилъ Иларіонъ.

— Поди-ка, спроси ее, како она крестится?—сказалъ Иванову Іоакимъ, повидимому, что-то сообразившій. Думный дворянинъ изумленно уставился на говорившаго.

— Что ты на меня такъ смотришь? Говорю тебѣ, ступай.

— Святой отецъ! Какъ возможно спросить о семъ такую особу?

— Повторяю тебѣ: исполняй, что тебѣ приказано!

— Невозможно это сдѣлать, отче,—отозвался Иларіонъ,—посланы мы только къ боярынѣ Федосіи Прокопьевнѣ, а не къ сестрѣ ея.

— Еще разъ говорю тебѣ, спроси ее,—раздраженно возразилъ архимандритъ,—я тебѣ повелѣваю.

Но Иларіонъ Ивановъ все еще колебался.

— Коли ты отказываешься, такъ я пойду самъ и доложу царю о твоёмъ ослушаніи.

Думный дворянинъ повиновался и, войдя въ чуланъ, дрожащимъ голосомъ спросилъ Урусову:

— Како ты крестишься, княгиня?

Стрѣлецъ внесъ въ чуланъ огарокъ, стало свѣтло.

Авдотья Прокопьевна пристально взглянула на царскихъ посланныхъ и, не вставая съ постели, облокотилась на лѣвый локоть, пальцы-же правой руки сѣдила въ старовѣрскій крестъ, именно большой палецъ съ двумя малыми, указательный со среднимъ и, протянувши ихъ, показала боярину, а потомъ и архимандриту.

— Такъ я вѣрую,—спокойно произнесла княгиня.

Оба посланные были поражены этимъ открытіемъ...

Отозвавъ въ сторону Иванова, Іоакимъ началъ съ нимъ совѣщаться, что имъ теперь предпринять.

— Я побуду здѣсь, отецъ,—сказалъ думный дворянинъ,—а ты ступай прямо къ царю, объясни ему все, онъ тебѣ самъ укажетъ, какъ намъ поступить.

— Совѣтъ твой хорошъ, я такъ и сдѣлаю.

И архимандритъ поспѣшилъ отправиться къ царю, тогда какъ Иларіонъ Ивановъ остался его ожидать здѣсь, у сестеръ.

Только теперь, узнавъ о намѣреніи Іоакима, смутилась княгиня.

Въ эту минуту она готова была отказаться отъ своихъ словъ, но было уже поздно.

Обѣ сестры продолжали лежать, одна въ опочивальнѣ, другая въ чуланѣ.

Онѣ томилась невозможностью переговорить другъ съ дружкой, но ни та, ни другая не рѣшалась подняться со своего ложа.

Стрѣльцы, оставшіеся въ горницѣ, пересмѣивались другъ съ другомъ.

Думный дворянинъ сидѣлъ у стола и что-то писалъ.

Кони быстро донесли Чудовскаго архимандрита до царскаго дворца.

Онъ поднялся по лѣстницѣ и прямо вошелъ въ палаты.

Царь находился въ Грановитой палатѣ, посреди боярь.

Замѣтивъ вошедшаго Іоакима, государь подаль знакъ, чтобы онъ подошелъ къ нему.

Алексѣй Михайловичъ наклонилъ къ архимандриту голову и тихо спросилъ:

— Ну, что?

Іоакимъ, не осмѣливаясь отвѣтить громко, прошепталъ на ухо царю:

— Государь, не токмо боярыня Морозова стоитъ мужески, но и сестра ея княгиня Евдокія, обрѣтенная въ ея дому, также ревнуетъ своей сестрѣ и твоему повелѣнію сопротивляется крѣпко.

Царь нахмурилъ брови и замѣтилъ:

— Княгиня смиренъ обычай имѣеть и не гнушается нашей службы, а вотъ люта эта сумасбродка!

— Нѣтъ, государь,—упрямо сказалъ Іоакимъ,—и Евдокія Прокопьевна не только уподобляется во всемъ своей сестрѣ старѣйшей, но и злѣй ея ругается надъ нами.

— Коли такъ, то возьми и ту,—рѣзко проговорилъ государь.

Услышавъ это восклицаніе царя, Урусовъ, тутъ-же стоявшій, вздрогнулъ; онъ понялъ, о комъ идетъ рѣчь, и опечалился. Ему стало грустно за жену.

Алексѣй Михайловичъ точно ненарокомъ взглянулъ на князя. Повидимому, онъ думалъ, что Урусовъ станетъ просить о женѣ.

Но князь Петръ молчалъ, сознавал, что не можетъ ничѣмъ помочь дѣлу.

Чудовскій архимандритъ возвратился опять въ домъ Морозовой.

На этотъ разъ онъ захватилъ еще съ собой чернаго діакона Іоасафа.

Дожидавшій его Иларіонъ Ивановъ томился долгимъ отсутствіемъ Іоакима.

— Задержалъ его царь, — недовольно шепталъ думный дьякъ, — когда еще вернется! Поди всю ночь придется здѣсь допросъ чинить.

Сестры съ трепетомъ слушали ворчаніе дьяка, предвидя не мало для себя испытаній.

Заскригѣли тяжелые ворота, кто-то грузно взбирался на крыльцо.

— Вернулся, — облегченно проговорилъ Иларіонъ Ивановичъ.

Въ опочивальню вошли архимандритъ съ дьякономъ. Чувствуя теперь за собою силу, Іоакимъ не сталъ стѣсняться. Онъ распорядился въ домѣ Морозовой, какъ полный хозяинъ.

— Вели согнать сюда всю челядь, — приказалъ онъ дьяку.

Стрѣльцы проникли во внутренніе покои и, найдя въ задней половинѣ дома немало женской прислуги, съ грубыми шутками стали понуждать женщинъ идти въ опочивальню Морозовой, гдѣ находился архимандритъ.

Самъ же думный дьякъ обшаривалъ ближнія къ опочивальнѣ горницы.

Въ одной изъ нихъ онъ натолкнулся на спавшаго молодого человѣка и, догадавшись, что это, вѣроятно, молодой бояринъ Морозовъ, не сталъ его будить и осторожно вышелъ изъ горницы.

Въ остальныхъ покояхъ онъ не нашелъ никого и возвратился въ опочивальню.

Сбившись въ кучу, стояли согнанныя въ опочивальню женщины.

Архимандритъ и дьяконъ Іоасафъ сидѣли за столомъ и поочередно вызывали каждую изъ нихъ.

— Како крестишься?—спрашивалъ Іоакимъ.

Женщины испуганно глядѣли на спрашивающаго и крестилась.

За ихъ перстосложеніемъ внимательно наблюдалъ Іоасафъ.

— Не такъ,—говорилъ онъ громко, замѣчая старовѣрческій крестъ.

Женщина вздрагивала, и нѣкоторыя изъ нихъ старались сложить пальцы по иному.

Послѣднихъ дьяконъ ставилъ налѣво, тогда какъ двухъ изъ нихъ, Ксенію Иванову и Анну Соболеву, онъ помѣстилъ на правую сторону.

— Сія двѣ въ старовѣрскомъ перстосложеніи укрѣпились,—указалъ онъ на нихъ Іоакиму.

Затѣмъ архимандритъ приступилъ къ допросу.

— Гдѣ старицы, гдѣ Меланія?—спросилъ онъ стоявшую передъ нимъ челядь.

— Не знаемъ,—чуть не въ одинъ голосъ послѣдовалъ ему отвѣтъ.

— Свидѣтельствуйте по-истинѣ, — закричалъ на нихъ Іоакимъ.

Нѣсколько робкихъ голосовъ отозвалось:

— Никого нѣтъ, всѣ ушли.

— Жалко, что намъ не удалось ихъ захватить,—промолвилъ дьяконъ Іоасафъ.

Архимандритъ махнулъ рукою.

— Ну ихъ, оставь, дьяконъ!

Женщины отошли въ сторону.

Архимандритъ обратился къ лежащей на постели боярынь:

— Тебѣ я говорю. Понеже не умѣла ты жить въ покореніи, но въ прѣкословіи своемъ утвердилась, а потому царское повелѣніе постигаетъ тебя, и изъ дому твоего ты изгоняешься! Полно тебѣ жить на высотѣ, снуди долу, встань и иди отсюда!—и онъ повелительно взглянулъ на боярыню.

Морозова не сдѣлала ни одного движенія, чтобы подняться.

— Встань, говорю тебѣ,—повторилъ свое приказаніе архимандритъ.

Но боярыня не трогалась.

— Ты видишь, что я больна ногами,—проговорила она, дѣлая видъ, что не можетъ подняться.

— Попробуй,—съ усмѣшкой замѣтилъ Іоакимъ,—авось сможешь.

— Говорю тебѣ опять: ни стоять, ни ходить я не могу,—рѣшительно отвѣтила Морозова.

— Ну, иди ты сюда Авдотья Прокопьевна,—крикнулъ архимандритъ въ чуланъ.

Урусова отозвалась тоже, что она не можетъ.

— Ишь, сколь разнедужились, подняться не могутъ,—насмѣшливо промолвилъ дьяконъ.

— Мы ихъ полечимъ,—въ свою очередь замѣтилъ думный дьякъ.

— Эй,—крикнулъ онъ стрѣльцамъ,—посадите-ка боярыню да княгиню на сѣдалища!

Повторять приказа не нужно было.

Сестеръ быстро посадили и по приказу архимандрита понесли вонъ изъ опочивальни. Когда арестованные были уже на крыльцѣ, въ опочивальню ворвался молодой Морозовъ и громко вскрикнулъ:

— Матушка, матушка, гдѣ ты?

Морозова не слышала его крика за закрытою дверью.

Обезумѣвшій отъ горя юноша рвался за матерью.

XXIV.

Вынесенныхъ изъ опочивальни сестеръ думный дьякъ приказалъ снести въ людскія хоромы, въ подклѣтъ, и опутать имъ ноги тонкою цѣпью. Къ дверямъ подклѣти была поставлена стража.

— Смотрите, ребята, вы отвѣчаете мнѣ за нихъ головой,—проговорилъ Иларіонъ Ивановъ.

Оставшись одни въ пустой подклѣтѣ, сестры ползкомъ добрались одна до другой, заключили другъ друга въ объятія и горько заплакали.

Въ эту минуту Морозова вспомнила объ оставленномъ ею сынѣ, ей стало жалко его.

Авдотья Прокопьевна вспомнила также о своихъ дѣтяхъ, но она утѣшала себя мыслью, что съ ними остался ихъ отецъ.

— Помолимся, сестра, — предложила Морозова. И опустившись на колѣни, сестры стали совершать положенныя правила.

Между тѣмъ Иванъ Морозовъ, оставшись одинъ въ опустѣвшихъ комнатахъ, не зналъ, что предпринять для освобожденія матери и тетки.

Молодому боярину шель въ это время двадцатый годъ.

Юноша наслѣдовалъ отъ своего отца, Глѣба Ивановича, статный ростъ, густыя, слегка вьющіяся каштановыя волосы и большіе открытые голубые глаза.

Къ сожалѣнію, ни мужествомъ покойнаго Морозова, ни настойчивостью своей матери онъ не обладалъ.

Иванъ Глѣбычъ имѣлъ очень мягкій, женственный характеръ, легко поддающійся впечатлѣніямъ. По какой-то странной случайности онъ не попалъ подъ вліяніе Аввакума и прочихъ фанатически настроенныхъ лицъ, окружавшихъ его мать.

Оставшись теперь одинъ, онъ терялъ голову, не зная, на что рѣшиться.

„Пойду я прямо къ царю, припаду къ его ногамъ и буду молить за матушку“, мелькнула въ головѣ юноши мысль.

Несомнѣнно, что это намѣреніе, будь оно исполнено, измѣнило бы участь Морозовой.

Государь, почитая память Глѣба Ивановича, не от-

казалъ бы исполнить просьбу его сына. Но слабохарактерный юноша сейчасъ же откинулъ это предположеніе и началъ придумывать другое.

Въ своихъ мучительныхъ поискахъ исхода Иванъ Глѣбычъ самъ не помнилъ, какъ добрался до задней половины дома.

Изумленно окинувъ взглядомъ горницу, въ которой онъ находился, онъ вспомнилъ, что здѣсь жили раньше бѣжавшія старицы.

Въ одной изъ бревенчатыхъ стѣнъ горницы внезапно появилось темное отверстіе.

Молодой бояринъ отшатнулся въ сторону. Въ отверстіе показалось знакомое ему лицо старицы Меланіи.

Она печально улыбнулась Ивану Глѣбычу.

— Кои бѣды постигли родительницу твою и сестру ея, тетку твою родную,—сказала Меланія.—А за что? За то, что право вѣрять, за старину стоять.

Пришедшій въ себя отъ изумленія Морозовъ проговорилъ:

— Видить Господь Небесный, честная старица, сколь тяжело мнѣ знать о страданіяхъ родительницы.

— Накинулись на нее еретики, аки псы. Охъ, горе, горе!—снова сказала старица.

— А какъ-бы ихъ спасти? — спросилъ Морозовъ.

Меланія растерянно развела руками.

— Немоги и думать, княже: стража у дверей стоитъ.

— А гдѣ-же онѣ?—спросилъ порывисто юноша.

— Въ подклѣти, бояринъ.

— Слушай, старица Божья,—схватилъ ее за руку Морозовъ, — пойдемъ со мною; я знаю, какъ добратъся до матушки!

И, спустившись въ отверстіе, они потайнымъ ходами добрались до внутренней стѣны подклѣти.

Узкое оконце, прорубленное въ стѣнѣ для воздуха, проходило въ помѣщеніе, гдѣ сидѣли узницы.

— Матушка, — внятно, но тихо сказалъ въ оконце Иванъ.

— Мы здѣсь, сынокъ, — слышался голосъ Федосіи Прокофьевны.

— Я по тебѣ, родительница, скорблю и плачу!

— Не тоскуй, сынокъ: мы страждемъ за православную вѣру.

— Терпите, миленькія, терпите, — отозвалась Меланія, — Царь небесный воздастъ вамъ за ваши страданія.

— Я выломаю для васъ выходъ, бѣгите, — порывисто говорилъ Иванъ, — васъ скроютъ...

— Мы останемся здѣсь, — печально отвѣтила Морозова: — что намъ суждено, того избѣгать мы не должны. Прощай, сынокъ, — прошептала боярыня...

XXV.

Прошло два дня. Морозова и Урусова по-прежнему сидѣли въ подклѣти.

Къ нимъ никого не пускали, пищу доставляли имъ стрѣльцы два раза въ день, и затѣмъ сестры все время оставались однѣ.

На неоднократное предложеніе бѣжать сестры отвѣчали полнымъ отказомъ, рѣшившись пострадать за свои убѣжденія.

Иванъ Глѣбычъ побоялся лично обратиться съ просьбою къ государю, но пошелъ къ своему дядѣ князю Петру Урусову и сталъ просить его помочь чѣмъ-нибудь заключеннымъ.

— Радъ-бы, племянникъ, — вздохнувъ, отвѣтилъ Урусовъ, — но ничего не могу сдѣлать.

— Какъ-нибудь ужъ помоги, дядя, вѣдь ты крайчій царя, — молилъ его Морозовъ, — вызволи мою матушку и свою жену изъ неволи.

— Не слушала меня твоя мать Федосья Прокопьевна, сколько разъ я ее упрежалъ, вотъ и попалась

въ бѣду; да не только сама — жену мою глупую съ собой втащила, — сурово замѣтилъ князь.

Въ эту минуту онъ думалъ, что подобный случай помогаетъ ему избавиться приличнымъ образомъ отъ нелюбимой жены.

Спасти жену ему, какъ собесѣднику царской думы, вовсе не стоило труда, даже при большихъ ея проступкахъ; но онъ явно этого не хотѣлъ.

Его нелюбовь къ Евдокии Прокопьевнѣ сказывалась его попустительствомъ; она никогда бы не рѣшилась безъ его воли на что-либо подобное.

Нѣкоторые современники думали, что онъ также самъ тайно придерживался раскола, и только не желая терять свое видное мѣсто при дворѣ, не обнаруживалъ явно своихъ убѣжденій.

Но противъ этого говорить вышеприведенное обстоятельство.

Урусова нѣсколько смутила участь его дѣтей, оставшихся безъ матери, но и эта мысль недолго беспокоила его, и онъ твердо рѣшилъ представить княгиню своей участи.

Молодой бояринъ снова повторилъ свою просьбу, но дядя нахмурилъ сурово брови и рѣшительно произнесъ:

— Не могу просить я царя за недостойныхъ.

Иванъ Глѣбычъ увидѣлъ, что Урусова ничѣмъ не уговорить, и хотѣлъ было уже отправиться домой, какъ вдругъ дядя остановилъ его.

— Послушай, племянникъ, хочу съ тобою о дѣлѣ говорить...

Морозовъ ожидалъ, что скажетъ ему князь.

— Ты, парень, теперь на возрастъ; чѣмъ у мамушекъ-то въ свѣтлицѣ сидѣть, женился-бы лучше, право...

Такое неожиданное предложеніе со стороны Урусова изумило юношу.

— Статочное-ли дѣло, дяденька, ты говоришь: ма-

тушкѣ бѣда предстоитъ неминуемая, а мнѣ жениться совѣтуешь.

Урусовъ видимо смягчился.

— Ну, чего, племянничекъ, ноешь. Царь милостивъ: поддержать, поучать твою мать и мою жену и отпустить. Что имъ съ бабами ватажиться!

Юноша оживился, услышавъ такія слова дяди.

— Такъ ты таки думаешь, что отпустить матушку?

— А то какъ-же? непременно отпустить, — старался успокоить племянника Урусовъ; — а женишься — царь еще скорѣе твою мать простить.

— Ой, такъ ли? — нерѣшительно спросилъ Морозовъ.

— Иначе быть не можетъ.

— Кого-же мнѣ, дядя, сватать надумалъ? — загорѣлось любопытство у Ивана Глѣбыча.

— Что, узнать захотѣлось? — лукаво подмигнувъ глазомъ, снова сказалъ князь, — изволь, скажу.

Морозовъ приготовился слушать.

— Пронскаго, князь Иванъ Петровича, дочку Аксинью, чай, видѣлъ когда?

Молодой человѣкъ покраснѣлъ.

— Видалъ разъ-другой въ церкви, — застѣнчиво проговорилъ онъ.

— Аль, по душѣ она тебѣ пришлась, что покраснѣлъ, какъ красная дѣвица? Ну, говори!

— Пришлася по душѣ, — еле слышно прошепталъ Морозовъ.

— Вотъ молодецъ, давно-бы такъ сказалъ, а то все ноешь о матери да о теткѣ... Такъ я потолкую съ княземъ Иваномъ.

Надежда избавить мать и тетку отъ предстоящихъ имъ испытаній заставила молодого боярина самого просить дядю ускорить сватовство.

— Ишь ты, какой пряткѣй, — шутилъ Урусовъ, — такъ у тебя все это дѣло сейчасъ и загорѣлось, успѣешь!

Указывая Ивану на княжну Пронскую, князь отчасти зналъ его склонность къ ней. Ему извѣстны были также встрѣчи племянника съ княжной въ церкви Успенія, и онъ хотѣлъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы отвлечь юношу отъ постоянной заботы объ арестованной матери.

Урусовъ сознавалъ хорошо, что въ настоящее время, когда Морозова находилась подъ явную опалю государя и даже была взята подъ стражу, едва-ли можно было надѣяться, чтобы такіе люди, какъ князья Пронскіе, согласились выдать свою дочь за сына опальной вдовы.

Уловка хитраго царедворца вполне удалась: Морозовъ повѣрилъ его словамъ и ушелъ домой успокоенный.

Урусовъ задумчиво поглядѣлъ ему въ слѣдъ...

Въ тотъ-же день къ заключеннымъ явился думный дьякъ Иларіонъ Ивановъ.

Заслыша его грубый голосъ, Морозова истово перекрестилась и спокойно замѣтила сестрѣ!

— Приближаются наши мучители.

— Ну, матушка-боярыня,—насмѣшливо спросилъ дьякъ Морозову,—прошелъ-ли твой недугъ? На ногахъ стоять поди теперь можешь?

Морозова молчала.

— Спокойно у васъ здѣсь: ни заботъ, ни шума, безо всякаго лекаря поправиться можно,—продолжалъ Ивановъ.

— Эй, вы,—крикнулъ онъ стрѣльцамъ,—распутайте ножки боярскія.

— Срѣльцы поспѣшили снять съ ногъ Морозовой цѣпи.

— Вставай, вдова честная! Отдохнула, пойдемъ съ нами!

Морозова безучастно взглянула на говорившаго и промолвила:

— Не могу идти, ноги болятъ.

— За старую пѣсню принялась, боярыня! Что-жъ потѣшимъ твою милость, снесемъ.

И дьякъ велѣлъ подать „сукна“, то есть носилки. Прислуга подала ихъ.

— Ну, сажайте честную боярыню и въ путь!

Морозова быстро была посажена, и ее понесли.

— Ну, а ты, княгиня,—обратился онъ къ Урусовой,—не передумала? Како вѣруешь?

Авдотья Прокопьевна отрицательно покачнула головой.

— Инъ, будетъ такъ, а то про тебя вышелъ приказъ: пустить тебя на волю, коли ты отъ ереси своей откажешься.

— Отъ своей вѣры никогда не откажусь,—рѣшительно проговорила Урусова.

— Какъ знаешь, пойдѣмъ тогда вмѣстѣ.

Княгиня готова была уклониться идти пѣшкомъ, говоря, что у ней также болятъ ноги, но Ивановъ не обратилъ на это никакого вниманія и, снявъ съ нея цѣпи, велѣлъ ей идти за Морозовой пѣшкомъ.

Путь бытъ недалекъ.

Сестеръ вели въ Чудовъ монастырь.

Сопровождаемая вооруженными стрѣльцами и толпою зѣвакъ, Урусова и Морозова добрались, наконецъ, до монастыря.

Узницъ ввели въ одну изъ „соборныхъ“ палатъ монастырскихъ.

Въ глубинѣ палаты, за длиннымъ столомъ сидѣлъ рядъ духовенства, думный дьякъ и кое-кто изъ чояръ.

Предсѣдателемъ былъ митрополитъ Крутицкій Павелъ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Чудовскій архимандритъ Иоакимъ. Внесенная въ палату, Морозова перекрестилась большимъ старовѣрскимъ крестомъ на образъ Спаса, помѣщавшійся въ одномъ изъ угловъ и,

затѣмъ, слегка наклонивъ голову, отдала почеть сидѣвшимъ.

Среди послѣднихъ слышались недовольныя восклицанія.

— Негоже боярыня, что сотворила ты властямъ малое поклоненіе,—замѣтилъ думный дьякъ вдовѣ.

Она ничего не отвѣтила и, сойдя съ трудомъ съ носилокъ, сѣла на приготовленное ей мѣсто.

Митрополитъ началъ ее допрашивать.

— Встань, боярыня,—сказалъ онъ ей.

— Не могу стоять, — сухо отвѣтила Морозова, — больна ногами.

Отвѣтъ этотъ не удовлетворилъ митрополита, и онъ что-то сказалъ своему сосѣду Іоакиму.

Послѣдній повторилъ приказаніе митрополита вдовѣ, но она вторично отвѣтила отказомъ.

Митрополитъ Павелъ пожалъ плечами, видя, что не можетъ побороть ея упрямства.

— Ну, коли такъ, буду вопрошать тебя сидящую.

Урусову не подвергли допросу, хотя она присутствовала тутъ-же въ палатѣ.

Вѣроятно судьи думали, что, допрашивая Морозову, они этимъ повліяютъ на ея сестру, и та откажется отъ своихъ убѣжденій.

— Скажи мнѣ, дочь моя,—обратился митрополитъ къ боярыньѣ,—почто ты отринулась отъ православной католической церкви?

Голосъ вопрошавшаго звучалъ тихо, кротко.

— Не удалилась я отъ православной церкви, а напротивъ того, пребываю въ ея истинномъ лоноѣ.

Павелъ пристально взглянулъ на вдову.

— Омрачилися очи твои, боярыня, что ты не можешь отличить истины. Все это натворили тебѣ старцы и старицы, тебя прельстившіе, съ которыми ты водилась.

— Неправда, отецъ святой,—горячо возразила Мо-

розова, — не прельщали меня ни старцы, ни старицы, я сама истину познала.

Задумчиво взглянулъ на нее митрополитъ и покачалъ головой.

— Плѣнена ты, боярыня, лестью Аввакума! Вспомни, какого ты рода! Вспомни про супруга твоего достойнаго, Глѣба Иваныча, про деверя Бориса Ивановича: они оба были вѣрными служителями царя и церкви Христовой, а ты дерзишь государю, противишься обычаямъ церковнымъ и другихъ совращаешь въ расколъ.

Морозова хотѣла что-то отвѣтить митрополиту, но, взглянувъ на сестру, промолчала.

Павелъ продолжалъ:

— Вспомни, боярыня, красоту сына твоего единаго. Зачѣмъ ты на его имя безчестіе накладываешь своими поступками! Пожалѣй его и своимъ прекословіемъ не причиняй разоренія его дому.

Недовольно посмотрѣла боярыня на митрополита и воскликнула:

— О сынѣ перестаньте мнѣ говорить. Обѣщались Христу моему—Свѣту и не хочу обѣщанія измѣнить до послѣдняго вздоха, ибо Христу живу, а не сыну.

— Немплосердна-же ты къ чаду своему, боярыня, — покачавъ головой, сказалъ митрополитъ и повторилъ: — охъ, эти старцы и старицы, много бѣды навлекли они на тебя!..

Морозова гордо посмотрѣла на Павла.

Судьи, видя бесполезность кроткихъ увѣщаній въ виду заносчивости боярыни, рѣшили ее постращать.

Архимандритъ Іоакимъ, подойдя къ ней ближе и глядя въ лицо, твердо промолвилъ.

— Коротко тебя спрашиваемъ: по тѣмъ служебникамъ, по которымъ государь-царь причащается и браговѣрная царица и царевичъ, ты причащаешься-ли?

Морозова откинула голову.

— Нѣтъ, не причащаюсь, потому что знаю, что царь по развращеннымъ Никонова изданія служебникамъ причащается!

— Дерзка-же ты, боярыня! — снова замѣтилъ митрополить.

Судьи начали между собою совѣщаться.

Спустя немного, архимандритъ Чудовской снова спросилъ ее:

— Какъ-же ты объ насъ обо всѣхъ думаешь: стало быть, мы всѣ еретики?

— Ясно, что вы всѣ подобны Никону, врагу Божьему!..

Дерзкія слова Морозовой возмутили всѣхъ присутствующихъ.

Діаконъ Іоасафъ не могъ вынести ея брани и, подойдя къ архимандриту, сказалъ:

— Благослови, владыко, наказанію ее сейчасъ подвергнуть, ибо поносить всѣхъ насъ православныхъ нестерпимо.

Іоакимъ уже было рѣшился на что-то и хотѣлъ отдать приказаніе принесшимъ боярыню сръльцамъ, но митрополить Крутицкій остановилъ его.

— Пожди мало, отецъ Іоакимъ, — замѣтилъ онъ архимандриту.

И съ этими словами онъ снова приступилъ къ допросу боярыни.

— На тебя свидѣтельствуютъ, — обратился къ Морозовой митрополить, — что ты смутила немало народа.

— Никого не смущала я, а кто къ истинной православной церкви присовокупиться хотѣлъ, — тѣ, правда, всѣ шли ко мнѣ въ домъ.

— Кая гордыня у тебя, боярыня! — печально замѣтилъ Павелъ.

Допрашивать начали обѣихъ служанокъ Морозовой — Ксенію Иванову и Анну Соболеву.

Обѣ женщины отвѣчали такъ же убѣжденно, какъ

и ихъ хозяйка. Невѣжественныя понятія Аввакума сильно вкоренились въ слабыя умы женщинъ и онѣ, увѣренныя въ правотѣ своего учителя, твердо стояли за все то, что было крайне невѣжественно и мало объяснимо.

Допросъ Ксеніи Ивановой и Анны Соболевои также окончился неуспѣхомъ.

Княгиню Урусову допрашивали меньше, чѣмъ ея сестру: допросъ ея рѣшили совершить послѣ.

Поздно ночью обвиняемыхъ отправили обратно въ домъ Морозовой.

Морозову несли опять на носилкахъ стрѣльцы. Княгиня Урусова шла пѣшкомъ въ сопровожденіи стражи.

Когда носилки поровнялись съ идущею княгинею, Федосья Прокопьевна громко сказала ей:

— Если насъ разлучать и заточать, молю тебя: поминай меня убогую въ своихъ молитвахъ.

Въ домѣ ихъ снова заперли въ ту же самую подкѣтъ. Молодой Морозовъ, хотя и зналъ, что его мать и тетку отправили на допросъ, тѣмъ не менѣе надѣялся, что князь Петръ, его дядя, все-таки поможетъ имъ: онъ думалъ, что послѣ допроса, если и не совсѣмъ освободятъ узницъ, то все-таки значительно облегчатъ ихъ участь, помѣстятъ, хотя подъ стражей, но въ горницахъ.

Увѣренный въ помощи дяди, юноша отправился къ нему въ домъ и сталъ дожидать возвращенія его изъ дворца.

Князь Петръ вернулся нескоро.

— А, ты здѣсь, Иванъ?—замѣтилъ онъ племяннику.

— Я пришелъ, дядя, узнать отъ васъ, скоро-ли царь смилуется и отпуститъ матушку и тетку?

Усмѣшка пробѣжала по губамъ Урусова.

— Скоро ты, племянникъ, захотѣлъ! Пожди, царь строго наказуетъ, но и милуетъ. Сегодня о нихъ у

царя въ „верху“ разсужденіе будетъ. Коль удастся, замолвлю слово. Садись, племянникъ, чтожь стоишь?

И сѣвъ самъ на мягкую лавку у стѣны, князь устало потянувшись, замѣтилъ:

— Замучили насъ совсѣмъ; каждый вечеръ собирается дума, не мало понакопилось дѣлъ-то!

Иванъ Глѣбычъ рѣшился напомнить дядѣ о сватовствѣ его, Морозова, у княжны Аксиньи Пронской.

— Говорилъ-ли ты, дядюшка, съ княземъ Пронскимъ, Иванъ Петровичемъ?

— О чемъ?—изумленно спросилъ начавшій дремать Урусовъ.

Онъ уже успѣлъ забыть о фантастическомъ проектѣ сватовства, которое самъ-же предложилъ племяннику.

— А помнишь, ты меня женить на княжнѣ надумалъ?—робко проговорилъ юноша.

— Совсѣмъ изъ памяти вонъ, племянникъ! Заботъ не мало было за это время. Но поговорю, сегодня-же скажу ему.

— Ужь удосужься князь, — просилъ его молодой Морозовъ.

— Разъ сказалъ—исполню! Не проси!

Въ его головѣ снова, дѣйствительно, мелькнула теперь мысль, нельзя-ли, въ самомъ дѣлѣ, привести этотъ планъ въ исполненіе.

— Что это тебѣ вдругъ вспомнилось, племянникъ,—шутливо проговорилъ Урусовъ,—али княжна тебѣ въ самомъ дѣлѣ зазнобила сердце?

Иванъ Глѣбычъ нерѣшительно замѣтилъ:

— Княжна княжной, дядя, о матушкѣ скучаю; ес мнѣ вызволить хотѣлось-бы скорѣй.

— Ты добрый сынъ, Иванъ! Коль мнѣ удастся тебя на Пронской сосватать, надѣюсь, что царь помилуется обѣихъ сумасбродокъ.

Племянникъ низко поклонился дядѣ и, еще разъ напомнивъ ему о своей просьбѣ, отправился домой.

Послѣ его ухода князь оставался нѣкоторое время въ раздумьѣ и затѣмъ отправился изъ дому.

Хотя онъ и глубоко сомнѣвался въ успѣшности предположеннаго имъ сватовства, но онъ все-таки хотѣлъ исполнить данное имъ племяннику обѣщаніе.

Домъ князя Пронскаго находился не близко и, усѣвшись въ росписныя сани, Урусовъ отправился на лошадахъ къ нему.

Неожиданный пріѣздъ князя Петра встревожилъ весь домъ Пронскаго.

— Ужъ не посломъ-ли ѣдетъ онъ отъ государя?— строилъ предположенія хозяинъ.

Заскрипѣли ступени крыльца подъ тяжелыми шагами прибывшаго.

Князь Ивапъ Петровичъ поднялся къ нему навстрѣчу.

Оба князя троекратно обнялись.

Обычай того времени не позволялъ сейчасъ-же приступить къ разговору, ради котораго Урусовъ сюда пріѣхалъ.

Поговорили о дѣлахъ московскихъ, о томъ, о семъ. Хозяинъ велѣлъ подать меду и выпилъ вмѣстѣ съ гостемъ по стопѣ.

— Послушай, князь Ивапъ Петровичъ, — рѣшился наконецъ выяснить цѣль своего пріѣзда Урусовъ, — имѣю къ тебѣ великое дѣло.

Хозяинъ насторожился.

— Радъ тебя слушать князь, сказывай про дѣло твое важное.

Гость въ короткихъ словахъ, но толково, пояснилъ хозяину о сватовствѣ племянника.

Сосредоточенно выслушалъ послѣдній его и отвѣтилъ:

— Ты правъ, это дѣло важное, подумать надо!

XXVI.

Рано утромъ на другой день послѣ допроса Морозовой въ Чудовомъ монастырѣ, въ подклѣтъ, въ которой были посажены обѣ узницы, явился снова думный дворянинъ Иларіонъ Ивановъ.

— Какъ почивать изволили? — насмѣшливо спросилъ онъ женщинъ: — поди райскіе сны вамъ обѣимъ снились? Аввакумку пса во снѣ видѣли?

Морозова съ негодованіемъ взглянула на Иванова. У ней готово было вырваться въ отвѣтъ рѣзкое слово, но, соблюдая данный обѣтъ иночества, она удержалась и промолчала.

— Отвѣчать мнѣ не хочешь, кичливая? Инъ будетъ по твоему, помолчимъ!

И думный дворянинъ вышелъ изъ подклѣтки. Немного спустя онъ вернулся туда вмѣстѣ со стрѣльцами.

Послѣдніе принесли два „стула“ съ цѣпями, т. е. невысокіе дубовыя сѣдалища.

— Вотъ вчера, боярыня, не хотѣла ты на ногахъ стоять, больныя онѣ у тебя, — снова обратился Иларіонъ къ Морозовой, — онѣ мы твое желаніе уважили: стульцы для васъ обѣихъ приготовили, да еще какіе! Смотри-ка, чтобы не свалились вы съ нихъ, цѣпочкою шею поприхватимъ, — не опасно будетъ!

Онъ сдѣлалъ знакъ стрѣльцамъ. Тѣ подошли къ обѣимъ женщинамъ.

— А ну-ка, помогите боярынѣ да княгинюшкѣ ворота-то понадѣть...

На этотъ разъ Федосья Прокопьевна не вздрогнувъ посмотрѣла на принесенныя цѣпи и, истово перекрестясь двухперстнымъ крестомъ, поцѣловала желѣзо, промолвивъ:

— Слава Тебѣ, Господи, яко сподобилъ мя еси Павловы узы возложить на себя!

— Сестрица Евдокѣюшка, — продолжала она, обращаясь къ Урусовой, — приложись и ты къ Павловымъ-то узамъ.

Евдокія Прокопьевна послѣдовала примѣру сестры. Стрѣльцы, снявъ оковы съ ногъ обѣихъ узницъ, стали заковывать желѣзо вокругъ ихъ шеи.

Сестры безпрекословно повиновались и сами обвили желѣзные тяжелыя узы вокругъ своихъ нѣжныхъ шей.

— Скорѣе, чего копаетесь! — крикнулъ на стрѣльцовъ думный дворянинъ.

Стрѣльцовъ поражала покорность молодыхъ женщинъ. Многіе изъ стрѣльцовъ были послѣдователями Аввакума и неохотно исполняли приказъ относительно Морозовой и Урусовой.

— Готово, — глухо отозвался одинъ изъ нихъ.

— Накройте охабнемъ и несите, — послѣдовалъ опять приказъ Иванова.

Обѣихъ женщинъ вынесли прикованныхъ къ стульямъ на стоявшіе у входа въ подклѣтъ дровни и положили на солому.

Прежде, чѣмъ выѣхать со двора, дровни пропустили мимо себя парадную колымагу Морозовой, запряженную по обыкновенію двѣнадцатью конями. Спустившись съ краснаго крыльца, поддерживаемый подъ руку старымъ Морозовскимъ служителемъ, въ колымагу помѣстился сынъ Федосьи Прокопьевны, Иванъ Глѣбовичъ. Онъ ѣхалъ въ „верхъ“ по желанію государя, противиться которому онъ не желалъ: напротивъ, онъ даже стремился скорѣе свидѣться съ царемъ-батюшкою, чтобы попросить его за свою мать. О томъ, что послѣдняя лежитъ здѣсь-же, рядомъ съ нимъ, скованная на дровняхъ, юноша совершенно не зналъ.

Молодому Морозову напротивъ того думалось, что поѣздка его во дворецъ непремѣнно связана съ освобожденіемъ матери и тетки, а равно также и съ его сватовствомъ на княжнѣ Пронской.

— Спасибо дядѣ, князю Петру, — говорилъ онъ самъ себѣ, — не забылъ своего обѣщанія...

Старый служитель, усадивъ молодого боярина въ колымагу, вскочилъ на одну изъ узкихъ досокъ, обитыхъ сукномъ и тянувшихся по обѣимъ сторонамъ колымаги, вдоль по подрѣзу полозьевъ, и крикнулъ возницѣ:

— Подъ царскіе переходы...

Сытые кони дружно подхватили тяжелый экипажъ и вынесли его изъ воротъ Морозовскаго дома.

Около колымаги побѣжала толпа челядинцевъ, неизбежная принадлежность выѣздовъ богатыхъ вельможъ того времени.

Стоявшіе у воротъ любопытные поглазѣли на роскошный выѣздъ, погуторили на счетъ его и уже хотѣли было расходиться по домамъ, какъ вдругъ замѣтили дровни, выѣхавшія слѣдомъ за экипажемъ.

— Э, да никакъ Морозовскихъ старицъ къ допросу везуть! — крикнулъ кто-то изъ толпы.

Дровни, скрипя на поворотѣ полозьями, выкатились на узкую улицу.

Обѣ сестры не скрывали своихъ лицъ и смѣло глядѣли на народъ. Морозова, высоко подымая персты правой руки, сложенные по-старовѣрски, и звоня цѣпями, громко говорила:

— Тако надлежитъ креститься!

— Ой, да никакъ это самое боярыню повезли! — раздались голоса среди толпы, — бѣдная! Какъ страждетъ ради вѣры истинной, православной!

XXVII.

Государь ожидалъ къ себѣ въ „верхъ“ молодого Морозова, но не по просьбѣ князя Урусова, который и не заикнулся царю о племянникѣ.

— Жалко мнѣ сына моего вѣрнаго слуги Глѣба

Морозова, — сказалъ Алексѣй Михайловичъ боярину Матвѣеву, — почто погибать ему ради безумствъ его матери? Приближу къ себѣ, человѣкомъ сдѣлаю, а тамъ за годами може и на воеводство куда-нибудь ушло, ежели разумъ выкажетъ!

Царь задумался.

— Кто знаетъ, можетъ быть, на меня глядя, и эта гордыня кичливая образумится, — шепталъ онъ себѣ, разумѣя при этомъ Федосью Прокопьевну. И онъ сталъ ожидать появленія у дворца молодого Морозова и униженной его матери.

Въ тѣ времена, благодаря своеобразному дворцовому этикету, требовался особенный почетъ царю.

Съ этою цѣлью прїѣзжавшіе къ царю подходили къ дворцу пѣшкомъ, оставляя лошадей и экипажи довольно далеко отъ входа во дворецъ. Многіе изъ простыхъ малочиновныхъ людей, еще издали завидя царское обиталище, снимали шапки и, такимъ способомъ „воздаючи честь государю“, проходили мимо.

Особенно строго воспрещалось проѣзжать подь каменной преградой, гдѣ находились царскіе переходы.

„Съ площади никого не пущать, о томъ караульщикамъ приказать накрѣпко“, — гласили тогдашніе приказы. — „Переходы съ дворца на Троицкое подворье залереть и никого въ тѣ двери и на переходы безъ государскаго шествія и безъ именнаго указу не пропускать, но тотъ приказъ съ великимъ подкрѣпленіемъ дѣтямъ боярскимъ, истопникамъ и сторожамъ, которые стоятъ въ томъ мѣстѣ и у свѣтлицы лѣстницы. Дворовыхъ людей, какъ ихъ позовутъ въ „верхъ“, за столовымъ и вечернимъ кушаньемъ къ царицѣ и царевнамъ пропускать на свѣтлицы и на каменную лѣстницы за всѣ преграды“...

И, несмотря на всю строгость подобныхъ указовъ, государь ясно высказалъ свое желаніе, чтобы парадный поѣздъ съ молодымъ Морозовымъ остановился у этихъ

переходовъ, а дровни съ самой боярыней и ея сестрою были провезены подъ ними.

Алексѣй Михайловичъ желалъ самъ лично посмотреть на униженную Морозову.

— Авось жестокойная ослушница восчувствуетъ стыдъ и раскаяніе,—думалъ государь,—когда ее съ великимъ безчестіемъ провезутъ по тѣмъ улицамъ, гдѣ еще недавно она ѣздила съ превеликою честью!

Не скоро оба поѣзда, парадный съ Иваномъ Глѣбовичемъ да позорный дровни съ униженною его матерью, добрались до дворца.

Какъ только разошелся слухъ по Москвѣ, что „добрую боярыню для ради ея твердаго стоянія за древнее благочестіе“ съ позоромъ повезутъ по улицамъ, громадная толпа народа тѣснилась вокругъ ея дровней, выражая ей свое соболѣзнованіе и участіе. Безчестіе боярыни Морозовой и ея сестры доставили укрѣплявшемуся расколу еще болѣе приверженцевъ.—Никогда фанатическая брань Аввакума или его сотрудниковъ не привлекала столько поборниковъ и радѣтелей къ двухперстому перстосложенію, къ сугубой аллилуѣ и прочимъ разностямъ необразованныхъ послѣдователей раскола. Преслѣдованіе Морозовой являлось большою ошибкою со стороны царя.

Наконецъ, морозовская колымага приблизилась къ Кремлю; невдалекѣ за нею тащились дровни съ узниками.

— Скажи позадержать маленько дровни-то!—приказалъ Алексѣй Михайловичъ.

Изъ подѣхавшей къ переходамъ дворца колымаги вышелъ, ведомый подъ руку слугою, молодой Морозовъ.

Онъ робко оглядѣлся вокругъ и, предшествуемый внутренней дворцовой стражею, состоявшею изъ стольниковъ, стряпчихъ и низшихъ служителей, вступилъ въ царскіе покои.

— Великому Государю доложено будетъ о тебѣ, Иванъ Глѣбовичъ, — сказалъ стольникъ Хитрово, — обожди!

Юноша послушно послѣдовалъ за своимъ вожатыми въ сѣни.

Государь не желалъ, чтобы молодой Морозовъ увидѣлъ, какъ повезутъ его мать подъ Кремлевскими переходами.

Самъ Алексѣй Михайловичъ вошелъ на одинъ изъ переходовъ и сдѣлалъ жестъ рукою, чтобы дровни съ узницами везли дальше.

Съ сожалѣніемъ взглянулъ онъ на прикованныхъ къ стульямъ сестеръ. Онъ вспомнилъ въ эту минуту о томъ высокомъ положеніи, какое еще недавно занимали обѣ сестры при дворѣ, и на глазахъ царя показались слезы.

— Сумасбродки!—прошепталъ онъ.

Морозова, замѣтивъ знакомый ей обликъ царя, стоящаго на переходахъ, снова высоко подняла правую руку съ двухперстнымъ крестосложеніемъ и, потрясая звенящими цѣпями, кричала:

— Тако крещуся, не посрамлюсь моего поруганія, но услаждаюся любовію Христовой, яко сподобилась великой славы!

Возница хлестнулъ лошаденку, и дровни оставили за собою царскій дворецъ.

Обѣихъ сестеръ разлучили.

Федосью Прокопьевну свезли на подворье Печерскаго монастыря и посадили подъ крѣпкой караулъ стрѣльцовъ. Желѣзные оковы не сняли съ нея, но только отковали отъ стула.

Сестра ея, Евдокія Прокопьевна, была водворена въ Алексѣевскій монастырь.

Иларіонъ Ивановъ, сдавшій Урусову монахинямъ, сказалъ послѣднимъ:

— Возьмите ее.. подъ крѣпкое начало. Государь

великій помышляетъ, что она еще образумится, ибо заразилась отъ той, крѣпкой сестры своей!

Думный бояринъ зналъ, что князь Петръ, мужъ узницы, продолжаетъ находиться въ милости у царя. Это обстоятельство заставляло его относиться къ княгинѣ снисходительнѣе, чѣмъ къ Морозовой.

— Кто знаетъ, — строилъ онъ свои предположенія, — а вдругъ князь Петру удастся упросить государя помиловать жену, тогда онъ все мнѣ припомнить!

Но Урусовъ, какъ это было раньше сказано, совсѣмъ отступился отъ жены. Хитрый потомокъ татаръ отлично понималъ, что, заступаясь за нее, онъ только повредить себѣ во мнѣніи царя, и молчалъ.

— Водите ее кажинный день въ храмъ Божій, — продолжалъ свой приказъ монахинямъ думный дворянинъ, — блюдите за ней неукоснительно, чтобы она своихъ выдумокъ не показывала!

— Все исполнимъ по твоиму приказу, господинъ честной, — съ поклономъ отвѣтили инокини и приняли Евдокію Прокопьевну подъ свое начало. Помѣщенная въ темную келью, Урусова еще больше въ одиночествѣ утвердилась въ своихъ вѣрованіяхъ.

На другое-же утро къ ней явилось нѣсколько монахинь, чтобы вести ее въ церковь.

— Ни за что не пойду я туда, — отказалась Урусова.

— Отчего же ты не хочешь, аль неможется тебѣ? — спросили ее инокини, пробуя ласковымъ обращеніемъ уговорить строптивую женщину.

— Какъ я пойду въ вашъ соборъ, когда тамъ у васъ поють не хвалу Бога, но хулу, и законы его попирають!

Отъ этихъ дерзкихъ словъ ужасъ объялъ монахинь.

— Перекрестись, княгиня, что ты такое глаголешь непотребное? — говорили онѣ узницѣ.

Усмѣхнулась на ихъ слова Урусова.

— Не пойду я туда! — рѣшительно отвѣтила она имъ.

Сколько ни упрашивали, сколько ни умоляли инокини, княгиня не пошла въ храмъ.

— Что-же тутъ намъ дѣлать?—съ отчаяніемъ говорили монахини,--волю государя великаго исполнить не можемъ!

— Нужно спосылку думному дворянину сдѣлать, пусть самъ укажетъ, что намъ надлежитъ предпринять.

Иларіонъ Ивановъ не заставилъ себя долго ждать.

— Не слушаетъ васъ, матери честныя,—силою заставьте ее въ храмъ Божій идти!—рѣшилъ онъ и самъ вошелъ къ Урусовой.

— Чтой-ты, княгинюшка, волѣ государя великаго противишься, въ церковь Божию ходитъ отказываешься?

Урусова молчала.

— Говорить со мною не желаешь? Анъ ладно, не говори, княгинюшка, а во храмъ Божию все-же бывать будешь.

И съ этими словами Ивановъ ушелъ.

Княгиня поняла, что сопротивленію ея будетъ положенъ конецъ. Вслѣдствіе этого она притворилась больною и просила монастырскія власти разрѣшить, чтобы ея посѣтили домашніе.

Подъ видомъ послѣднихъ къ Урусовой явились старицы, жившія у ея сестры Морозовой, между прочимъ и Меланія.

— Стой твердо, княгиня, за старую вѣру, не соблазняйся новшествами, не приеми лесть никоніанъ! — убѣждала ее суровая раскольница, — во храмъ, пока тамъ не хвалу, а хулу на Господа поютъ, не моги ходить!

Духовное подкрѣпленіе со стороны своихъ единомышленницъ оживило Евдокію Прокопьевну: она возвеселилась духомъ.

Монахини поняли, что узница ихъ притворяется, а вовсе не больна, и снова настоятельно требовали, чтобы она шла къ „четью-пѣтью“ въ церковь.

— Не хочешь идти, княгинюшка? — насмѣшливо сказалъ Иларіонъ Ивановъ, — больна? ладно! Волоките ее, честныя сестры, на носилкахъ!

Урусова поблѣднѣла, но, продолжая притворяться разслабленною, не могущею двинуть ни рукою, ни ногою, не ложилась сама на носилки.

Силою удалось уложить ее и снести въ церковь, но и здѣсь она не хотѣла обращать ни на что вниманія и не только не соглашалась молиться, но продолжала лежать, какъ мертвая.

На слѣдующій день произошло то же самое, но тѣмъ не менѣе монахини продолжали ежедневно „волочить“ упрямую женщину въ церковь.

Заставить ее идти самое туда или молиться во храмъ не было никакой возможности.

Выводимыя изъ терпѣнія ея притворствами, старицы Алексѣевского монастыря даже „дерзостно заушали“ Урусову, повторяя:

— Горе намъ! Что намъ дѣлать съ тобою; сами мы видимъ, что ты здорова и весело бесѣдуешь со своими, а какъ мы придемъ звать тебя на молитву, ты внезапно какъ мертвая станешь; и должны мы трудиться, переворачивать тебя, какъ мертвое тѣло!

— О, старицы бѣдныя, — отвѣтила имъ Евдокія Прокопьевна, — зачѣмъ напрасно трудитесь; развѣ я васъ заставляю? Вы сами безумствуете, вотце шатаетесь! Я и сама плачу о васъ, погибающихъ!

Долго продолжалось подобное „волоченіе“ княгини къ „четью-пѣтью“ во храмъ Божій. Наконецъ, сами инокини утомились этимъ пздѣвательствомъ надъ ними упрямой фанатички и стали молить игуменью:

— Освободи ты насъ, госпоже, отъ этого послушанія: втунѣ мы трудимся, нѣсть возможно образумить сію изувѣрку!

Игуменья выслушала ихъ жалобу и отправилась въ тотъ-же день къ патріарху.

— Уволь насъ, святѣйшій патріархъ, отъ сраму! Кажинный день, какъ „волочатъ“ Урусову въ церковь Божию для смиренія, вопить она на весь міръ отповѣдь! Соблазнъ велій по всей Москвѣ расходится! Все объ ея вельможии на Москвѣ наслышаны! Въмѣсто полезности, одинъ вредъ выходитъ, въ мученицы ее возводитъ стали!

Задумался патріархъ надъ словами игумены. Онъ ясно видѣлъ, что дѣло продолжаться такъ дольше не можетъ.

— Повѣдаю я сегодня-же государю великому, что ты мнѣ, честная мати, сказала,—проговорилъ святитель,—и что мнѣ на мысль запало, то же передамъ.

И, благословивъ инокиню, патріархъ отпустилъ ее. Къ вечеру-же того дня онъ посѣтилъ государя. За мѣтя святителя, шествовавшего по переходамъ, стража почтительно сняла передъ нимъ шапки, подошла къ нему подъ благословеніе, но не допустила войти въ „верхъ“.

— Сейчасъ, святѣйшій патріархъ, „обсылку“ къ царю сдѣлаемъ,—почтительно замѣтилъ старшій изъ дежурныхъ стольниковъ и пошелъ съ докладомъ.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ онъ уже вернулся и почтительно доложилъ святителю:

— Великій государь проситъ тебя, святѣйшій патріархъ, войти къ нему въ „верхъ“!

И, предшествуемый тѣмъ-же стольникомъ, патріархъ дошелъ до опочивальни царя.

Послѣ взаимнаго привѣтствія, государь обратился къ пришедшему съ вопросомъ:

— Кое дѣло имѣешь до меня, святѣйшій отецъ?

— Пришелъ повѣдать тебѣ, великій государь, о соблазнѣ веліемъ, что молва по Москвѣ разносится...

Алексѣй Михайловичъ изумленно посмотрѣлъ на поздняго гостя, плотнѣе запахнулъ свой кѣричевый кафтанъ изъ объяри, сдвинулъ іерихонку себѣ на лобъ и приготовился внимательно слушать.

— Говори, святѣйшій отецъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ патріарху.

Послѣдній, рассказавъ царю все, что продѣлываетъ въ монастырѣ Евдокія Прокопьевна, продолжалъ:

— Прости, государь великій, за совѣтъ мой! Повели возвратить княгиню ея мужу, князю Петру, а также и сестру ея, боярыню Морозову, верни въ домъ ея, да на потребу сотниці крестьянъ дай ей! Бабье ихъ дѣло, смысла мало, а соблазну творится много! О нихъ многія знатныя особы соболѣзнуютъ...

Государь пытливо взглянулъ на говорившаго.

— Незнаешь ты, святѣйшій отецъ, жестоковѣрности Морозовой! Призови ее самъ къ себѣ, спроси — и самъ познаешь ея твердость и упорство!

— По твоему слову я все сдѣлаю! — Спасибо, государь милостивый, я озавтра день призову ее и спрошу, — обрадованно сказалъ святитель.

Алексѣй Михайловичъ задумался. Ему вспомнился сынъ Морозовой, Иванъ Глѣбовичъ.

Онъ рѣшилъ уже приблизить къ себѣ этого юношу...

На другой день государь велѣлъ снова привести къ нему молодого Морозова.

Иванъ Глѣбовичъ не возвращался въ родной домъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ привезенъ во дворецъ. Для него было здѣсь отведено отдѣльное помѣщеніе.

Приказъ царя былъ исполненъ.

— Ну, Иванъ, — ласково встрѣтилъ царь молодого Морозова, — доволенъ-ли ты житьемъ своимъ у меня, не обидѣлъ-ли кто тебя?

— Нѣтъ, государь батюшка, никто не обижалъ, спасибо на твоёмъ хлѣбѣ-соли.

— Ну, то-то, то-то, — благодушно замѣтилъ Алексѣй Михайловичъ, — коли какіе обидчики будутъ, жалуйся прямо мнѣ на нихъ!

Воцарилось молчаніе.

— Слушай, Ванюшка, — снова проговорилъ царь, —

великую ты мнѣ службу сослужилъ-бы, коли могъ-бы свой мать упрямую уговорить свое безумство бросить.

Морозовъ стоялъ потупившись.

— Слышь, парень, сходи-ка къ матери да перетолкуй-отъ съ ней!

— Исполню твою волю, государь милостивый, но только боюсь, что проку изъ этого никакого не выйдет!—отвѣтилъ юноша.

— Анъ, нѣтъ, ты испытай! — съ легкой досадою проговорилъ государь.

Морозовъ молча поклонился въ отвѣтъ.

— Сегодня не моги ходить. Святѣйшій патриархъ ей сегодня допросъ чинить будетъ,— снова замѣтилъ Алексѣй Михайловичъ,— ступай завтра, я тебѣ и пропускъ на завтра выправить велю!

— Исполню по твоему приказу, батюшка государь!..

Царь жестомъ руки отпустилъ его.

XXVIII.

О свиданіи молодого Морозова съ царемъ заговорили по всему дворцу.

Въ виду этого князь Урусовъ рѣшилъ привлечь племянника къ себѣ.

Немного времени спустя, онъ нашель помѣщеніе Морозова и ласково спросилъ его:

— Ну что Иванъ, про сватовство не забылъ еще? Юноша покраснѣлъ.

— По лицу вижу, что не забылъ,—шутливо продолжалъ князь,—что-жъ, чего медлить, ѣзжаемъ сегодня къ князю Пронскому?

— Твоя воля, дяденька,—потупя глаза, отвѣтилъ Морозовъ.

— А коли моя воля, тѣмъ лучше. Поѣдемъ!

Широкія боярскія сани, обитыя темно-малиновымъ

бархатомъ, запряженные тройкою коней, были поданы къ дворцовой боковушѣ.

Дядя съ племянникомъ отправились къ князю Пронскому.

— А я къ тебѣ, князь, птенца малаго, неоперившагося, привезъ!—весело проговорилъ Урусовъ, входя вмѣстѣ съ племянникомъ въ горницу и здороваясь съ хозяиномъ.—Прошу любить да жаловать.

Гости и хозяинъ поклонились другъ другу въ поясъ.

Изъ-за неплотно притворенной двери, ведущей во внутренніе покои, послышался чей-то шопотъ.

— Посмотри-ка, боярышня, какой красавецъ писанный!

До чуткаго уха Морозова донеслось это восклицаніе, и онъ обернулся къ дверямъ.

— Ахъ!..—раздалось снова за дверью, и защелка захлопнулась.

— Дѣвчонки шалить,—благосклонно замѣтилъ хозяинъ и пригласилъ гостей сѣсть.

— Аль не пьешь?—спросилъ Пронскій Морозова, замѣтивъ, что юноша чуть-чуть притронулся губами къ поданному меду.

— О, онъ у насъ совсѣмъ дѣвица красная: до меду, до вина касаться не умѣетъ.

— Хвалю,—замѣтилъ хозяинъ,—кто съ молоду не пьетъ, тотъ и въ старости свой умъ не растеряетъ.

Между обоими князьями завязался разговоръ.

Морозовъ молча ихъ слушалъ.

— Прости, князь,—замѣтилъ Урусовъ,—что не по обряду старинному ведемъ мы дѣло, да медлить съ нимъ нельзя, ужъ больно спѣшно.

Хозяинъ пытливо взглянулъ на гостя:

— А что?—спросилъ онъ.

— Самъ знаешь: боярыня въ опалѣ, домъ сиротой стоитъ, а Ваня у царя на иждивеніи.

Пронскій изумленно взглянулъ на юношу.

— У государя великаго?

— Да, государь беречь племянника повелѣлъ: вѣдь онъ теперь единственный Морозовъ на всю Россію; поди, чай, помнишь, какъ любилъ царь-батюшка его отца и дядю. Въ родствѣ съ Борисомъ былъ.

— Какъ не помнить! знаю,—отвѣтилъ Пронскій.

И въ душѣ у хитраго князя сразу созрѣла рѣшимость выдать дочь за новаго царскаго любимца.

— Что до меня, противиться не буду, благословлю!..

— А мать-то, княгиня?..

Пронскій махнулъ рукою.

— Тоже не пойдетъ напротивъ...

— Такъ что-же медлить, сейчасъ-же образуйте!

Хозяинъ ушелъ во внутреннія горницы, чтобы распорядиться, а гости остались въ приемной.

— Вотъ, видишь, племянникъ, какъ это просто все устроилось,—замѣтилъ Урусовъ.

Въ тотъ-же вечеръ молодой Морозовъ былъ помолвленъ княжнѣ Аксиинѣ Пронской и уѣхалъ женихомъ въ свое помѣщеніе во дворцѣ.

XXIX.

На небѣ еще мерцали утреннія звѣзды, когда изъ воротъ Печерскаго подворья выѣхали дровни, на которыхъ сидѣла, подъ конвоемъ двухъ стрѣльцовъ, Морозова.

Ее везли снова въ Чудовъ монастырь, по приказу самого патріарха.

Во вселенской палатѣ, куда внесли Морозову, кромѣ митрополита Крутицкаго Павла, архимандрита Чудовскаго Іоакима и думнаго дворянина Иларіона Уварова, находился самъ патріархъ Питиримъ, замѣнившій Никона, и нѣсколько бояръ.

Питиримъ, исполняя свое обѣщаніе царю, обратился къ сидящей передъ нимъ женщинѣ:

— Почто, боярыня, ты прельстилась Аввакумкиной лестью? Брось свои странныя мечтанія, возсоединись къ соборной Россійской католической церкви.

— Была она раньше истинной, но нынѣ развращена Никономъ.

Патріархъ вздрогнулъ:

— Какую мерзость ты глаголешь, исповѣдуйся...

— Кому-же мнѣ исповѣдаться!—спокойно спросила Морозова.

— Да развѣ мало пастырей на Москвѣ?

— Охъ, много ихъ, но истинныхъ нѣтъ, истинныхъ-то всѣхъ поразогнали!

— Сколь заблуждена, вдова, ты еси, — печально прошепталъ Питиримъ, — самъ надъ тобою совершу таинство святой исповѣди.

Морозова отпрянула назадъ всѣмъ тѣломъ.

— Не признаю я тебя такъ же, какъ и ихъ. Раньше, когда ты Крутицкимъ митрополитомъ былъ да древняго обычая держался, такъ мы тебя признавали...

— Отъ гордости помутился разумъ ея, — прошепталъ Питиримъ, — подайте сюда священное масло да сучецъ, — помажу ее, можетъ, смирится.

Морозова старалась выбиться изъ рукъ державшихъ ее стрѣльцовъ. Хотѣвшій приподнять немного конецъ ея треуха митрополитъ Павелъ былъ оттолкнуть ея рукой.

— Чернецъ, помни: я—боярыня Морозова!—гордо проговорила она.

Питиримъ далъ знакъ стрѣльцамъ, тѣ удержали ее за руки.

Патріархъ хотѣлъ уже помазать сучцомъ ея лобъ, какъ Морозова отчаянно воскликнула:

— Не мажь меня отступнымъ масломъ, не губи!

— Какъ ты смѣешь называть такъ святое муро?—проговорилъ патріархъ съ негодованіемъ.—Какое изувѣрство!

— Слава тебѣ, Боже, что спаслась отступнаго помазанія,—восторженно прошептала Морозова,—за твои молитвы, старецъ Аввакумъ!

Услыша имя Аввакума, Иоакимъ улыбнулся и сказалъ:

— Не вернется этотъ льстецъ смущать васъ снова: крѣпко держать его тамъ, въ Пустоозерскѣ.

Боярыня вздрогнула, узнавъ объ участи Аввакума.

Въ палату ввели для допроса Урусову и Марью Данилову.

Послѣдняя была женою стрѣлцакаго полковника Акинея Ивановича Данилова.

Она успѣла бѣжать въ Подонскую страну, т. е. на Донъ, но была тамъ поймана, привезена въ Москву и посажена съ Урусовой.

Морозову понесли обратно на Печерское подворье, а Урусову патриархъ велѣлъ держать за руки и, обмакнувъ въ муро сучецъ, хотѣлъ намазать ея лобъ.

Точно ужаленная, отпрыгнула княгиня отъ него въ сторону.

Стрѣльцы снова схватили ее за руки и хотѣли подвести ее къ Питириму, но ей опять удалось вырваться изъ ихъ рукъ.

Нечаяннымъ движеніемъ грубаго стрѣльца женская повязка спала съ ея волосъ, и они густою волною рассыпались по ея плечамъ.

Тѣ съ испугомъ отошли отъ Урусовой.

Обнаженіе женской головы въ древней Руси считалось большимъ позоромъ. Больше всего безпокоился патриархъ: ему въ первый разъ приходилось быть въ подобномъ положеніи, и онъ не зналъ, что ему предпринять.

— Уведите ихъ вонъ,—еле слышно проговорилъ Питиримъ.

Узницъ тотчасъ-же повели изъ палаты, а собрав-

шіеся іерархи начали обсуждать, что имъ предпринять въ отношеніи всѣхъ троихъ.

— Попробуемъ послѣднее средство,—предложили митрополитъ Павелъ,—пошлемъ къ Морозовой для увѣщанія митрополита Иларіона Рязанскаго.

— Инъ говоришь правду,—согласился съ Павломъ патріархъ,—Иларіонъ на словопреніи охъ сколь силентъ! Такъ и рѣшили поступить.

Вернувшись въ свое помѣщеніе во дворцѣ, Иванъ Глѣбовичъ не зналъ, куда ему дѣться отъ радости.

— Завтра поѣду къ матушкѣ, передамъ ей о своемъ счастіи, попытаюсь ее склонить не противиться великому государю, авось и согласится,—мечталъ юноша.

Онъ понималъ, что бракъ его на княжнѣ Пронской дастъ ему возможность снова возвысить имя Морозовыхъ, за послѣднее время значительно упавшее, благодаря царской опалѣ на его мать.

— Не преминуть надо и царю батюшкѣ повѣдать о моемъ образованіи, въ отцы посаженные просить его!

Въ небольшомъ помѣщеніи Морозову было жарко. У юноши заболѣла голова.

— Сколь думъ сразу налетѣло, что мнѣ и душно сдѣлалось, и знобитъ всего.

Иванъ Глѣбычъ нѣсколько разъ прошелся по горницѣ. Онъ чувствовалъ, что шатается.

— Неможется чтой-то, иззябъ, должно быть.

Онъ пробовалъ молиться, но мысли его какъ-то путались.

Юноша порывисто сталъ раздѣваться, не зова никого на помощь. Заперши на щеколду дверь и взобравшись на высокій пуховикъ, онъ протянулся во весь ростъ.

Въ головѣ его замелькала пестрая нить прожитыхъ имъ годовъ. Онъ вспомнилъ себя ребенкомъ, какъ ласкалъ его старикъ-отецъ, отрокомъ при вдовѣ ма-

тери. Теперь онъ взрослый юноша, разлученный злою судьбою съ родною.

На глазахъ его показались слезы, и, тихо всхлиывая, онъ сталъ засыпать какимъ-то страннымъ тяжелымъ сномъ. Все въ головѣ у него кружилось: онъ чувствовалъ, что падаетъ въ какую-то пропасть... И юноша потерялъ сознание.

На другой день утромъ князь Урусовъ послалъ справиться о помолвленномъ женихѣ.

— Спать еще, княже, — отвѣчалъ ему посланный, — дверь въ горницу къ нему заперта!

— Пусть его понѣжится, кудрявыхъ сновидѣній навидится, — шутливо замѣтилъ князь Петръ.

Прошло больше двухъ часовъ послѣ перваго посыла.

— Инъ поди, и будить пора женишка-то нашего! — нетерпѣливо сказалъ Урусовъ, — нужно будетъ и государю объ его сватовствѣ доложить.

И князь отправился къ царю съ докладомъ.

— Что-жь, дѣло доброе, — довольно произнесъ послѣдній, выслушавъ докладъ Урусова, — може, глядя на сына, и та жестоковѣйная утѣшится!

Царь внимательно взглянулъ на князя, точно ожидая, что скажетъ ему о Морозовой и о своей женѣ.

Урусовъ молчалъ.

— Святѣйшій патріархъ сегодня въ ночь ей и твоей женѣ да женѣ полковника Данилова допросъ чинилъ, — продолжалъ царь, — сказывалъ, люте лютаго звѣря всѣ три бабы были!

Князь ничего не произнесъ въ отвѣтъ.

— Твоя-то ужъ не въ примѣръ другимъ отличилась, князь Петръ, — опростоволосилась. Кой позоръ для бабы-то!

Урусова всего передернуло, отъ инстинктивно понявъ, насколько дерзокъ былъ поступокъ его жены.

— Государь милостивый, — во-время догадался князь, — кая она мнѣ теперь жена, коли твою царскую

милость прогнѣвила, святѣйшему патриарху надержала...

— Добре, княже, — довольно произнесъ Алексѣй Михайловичъ, — коли она не покорится, свою гордость сатанинскую не сбросить съ себя, святой отецъ разведетъ тебя съ нею, поженимъ тебя на другой.

Хитрый царедворецъ ясно понималъ выгоду новаго брака и не жалѣлъ своей красавицы-жены.

— Охъ, ужъ мнѣ эти Аввакумкины памятки! — тяжело вздохнувъ, продолжалъ государь, — немало горя принесли онѣ мнѣ!

— Не забудь, князь Петръ, — продолжалъ царь, — пришли женишка-то свою ко мнѣ.

Урусовъ прямо отъ царя снова отправился къ племяннику.

Дверь попрежнему была заперта; извнутри никто не откликался на вопросы.

— Экъ, парень-то заспался, — недовольно прошепталъ Урусовъ и сталъ громче стучаться въ двери.

Попрежнему отвѣта не было.

— Неладно тамъ что-то, — тревожно проговорилъ князь и, позвавъ двухъ стрѣльцовъ, велѣлъ имъ высадить дверь.

Изъ разбитой двери хлынулъ удушливый запахъ угара. Урусовъ бросился прямо къ неподвижно лежавшему юношѣ.

— Угорѣлъ! — съ ужасомъ подумалъ князь и, схвативъ племянника на руки, вынесъ изъ горницы.

Немедленно былъ позванъ государевъ лекаръ Каролусъ. О несчастіи съ молодымъ Морозовымъ было немедленно доложено государю.

Все было употреблено, чтобы вернуть къ жизни угорѣвшаго юношу, но старанія были тщетны.

Молодой Морозовъ безъ страданій отошелъ въ вѣчность.

XXX.

Наудачный допросъ патриарха еще больше утвердилъ Морозову въ ея вѣрованіяхъ.

Скрывшіяся изъ ея дому старицы нашли возможность свидѣться съ своею бывшею благодѣтельницею.

Федосья Пропокъевна вышла на заднее крыльцо подворья со стражемъ.

— Сестра Феодора!—услышала боярыня чей-то робкій шопотъ.

Она обернулась.

У крыльца стояла одна изъ ея старицъ Елена.

— Возлюбленная! это ты?—воскликнула Морозова.

— Я, сестрица. Мы всё здѣсь, пришли тебя провѣдать,—отвѣтила Елена.

— Ничто меня не опечалило такъ въ это время, какъ разлука съ вами: ни отгнаніе изъ дому, ни царскій гнѣвъ, ни властелинское истязаніе, ни стража,—все это мнѣ любезно о Христѣ.

— О, боголюбивая наша сестра Феодора!—восторженно проговорила старица,—сколь много у тебя еще твердости, что вспомнила о насъ недостойныхъ среди своихъ страданій!

— Очень мнѣ прискорбно, что не знаю, не вѣдаю, гдѣ вы. Ради Бога не покиньте меня, не уѣзжайте изъ Москвы, останьтесь здѣсь!

— Боязно намъ, сестрица...

— Не бойтесь! Уповаю на Христа, покроетъ васъ! О родныхъ такъ не болѣзную, какъ о васъ! Все могу перетерпѣть, только одной разлуки съ вами не могу перенести!

— Спасибо, родная, спасибо за ласку, дорогая!

— А мать Меланія гдѣ?

— На свободѣ, жива...

— Спаси ее Господь! Много она добра для древняго благочестія сдѣлала.

Морозова сознавала, что для подкрѣпленія ея необходима увѣренность, что дѣло ея не гибнетъ и что самоотверженіе ея принесетъ плоды.

Ничего не зная до сихъ поръ о судьбѣ своихъ старицъ, боярыня начала ослабѣвать духомъ, въ душѣ ея возникли колебанія. Теперь-же, когда Морозова убѣдилась, что вся „пятерица“ не пострадала ничѣмъ отъ гнѣва царскаго, она воспряла и, опираясь на старицъ, спокойно готовилась къ своему подвигу...

Черезъ ту же Елену Морозова получила посланіе отъ Аввакума, въ которомъ послѣдній строго наказывалъ ей твердо держаться своего ученія и лучше пострадать, принять мученическій вѣнецъ, чѣмъ отречься отъ „правой вѣры“.

Морозова скорбѣла лишь объ одномъ, о чемъ и писала своей наставницѣ старицѣ Меланіи:

„Увы мнѣ, мати моя! Не исполняю я дѣла иноческаго! Какъ я могу теперь поклоны земные класть! Охъ люто мнѣ, грѣшницѣ! День смертный приближается, а я, унылая, въ лѣнности пребываю! И ты, радость моя, вмѣсто поклоновъ земныхъ, благослови мнѣ Павловы узы Христа ради поносить; да еще, если пзволишь, благослови мнѣ масла коровьяго и молока, и сыра, и яицъ воздержаться, да не праздно мое иночество будетъ, и день смертный да не похититъ меня неготову. Одно только постное масло повели мнѣ ѣсти“.

Недолго ждала отвѣта узница.

На другой - же день прислала его Меланія съ Еленой.

Она благословляла Морозову на мученія ради истинной вѣры и между прочимъ писала:

„Стани доблестно! Господь да благословитъ тебя узы Его ради носить и пойти, какъ свѣча, отъ насъ къ Богу на жертву! О брашнахъ-же яждь что прилучится!“

Еще сильнѣе ожила сердцемъ боярыня. Главная

виновница ея несчастія—Меланія—не была своевременно схвачена и привела къ гибели Морозову.

На другой день ей сообщили о смерти сына.

Поблѣднѣла, пошатнулась твердая женщина, но удержалась отъ открытаго выраженія своего отчаянія.

— Господь далъ, Господь и взялъ! Да будетъ воли Божія!—шептали беззвучно ея губы.

Ударъ для Федосьи Прокопьевны былъ тяжелъ, но она сумѣла перенести его со смиреніемъ.

Впереди предвидѣлись испытанія еще тяжелѣе, еще сильнѣе...

Сильно разгнѣвался государь, когда узналъ о смерти молодого Морозова.

— Уберечь юношу не могли!—печально говорилъ онъ своей молодой женѣ Натальѣ Кирилловнѣ.

— Не скорби, мати, о сынѣ,—говорилъ Морозовой присланный къ ней патріархомъ священникъ,—но прими его кончину, какъ Божье наказаніе за твое отвращеніе отъ истиннаго пути.

— Не вѣрю этому,—гордо отвѣтила Федосья Прокопьевна,—не я, а вы уклонились отъ пути истиннаго!

Волненіе, до сихъ поръ скрываемое боярынею, вырвалось наружу. Она упала передъ образомъ на землю и громко зарыдала:

— Увы мнѣ, чадо мое! Погубили тебя отступники!

— Како возможно столь предерзко говорить, боярыня?—замѣтилъ посланный.

Долго голосила вдова и билась объ полъ головою.

Смущенный такимъ выраженіемъ горя, священникъ ушелъ отъ Морозовой.

Услышалъ и въ далекомъ Пустозерскѣ о смерти молодого Морозова сидѣвшій тамъ въ ямѣ Аввакумъ и написалъ своей духовной дочери посланіе:

„Памнишь-ли, какъ бывало: уже некого четками стегать и не на кого поглядѣть, какъ на лошадекъ по-

ѣдетъ, и по головкѣ некого погладить! Миленкѣй мой государь! Въ послѣднее я увидѣлся съ нимъ, егда при-
частили его...“

Не мало пролила слезъ и молодая невѣста Ивана Глѣбовича, княжна Аксинья Пронская.

Вишеть въ смерти молодого Морозова, кромѣ небрежнаго истопника, было некого.

Тѣмъ не менѣе среди послѣдователей древняго благочестія возникли толки, что Морозовъ умерщвленъ преднамѣренно.

Совсѣмъ запустѣлъ со смертыю Ивана Глѣбовича Морозовскій домъ. Печально глядѣлъ онъ своими забитыми окнами.

На дворѣ его выросла трава, крылечки покосились, не поддерживаемыя хозяевами. Дворня частью разбѣжалась, частью поступила къ новымъ господамъ...

Имѣніе, вотчины, стада коней—все было роздано царемъ другимъ боярамъ. Вещи золотыя, серебряныя, драгоценныя камни—распроданы.

Посланные царемъ пристава не довольствовались забраннымъ; они начали искать по стѣнамъ и въ тайникахъ, нѣтъ-ли гдѣ еще замуравленныхъ сокровищъ.

Не жалѣя чужой собственности, разламывали они стѣны, стучали ломами и молотками по каменнымъ боровамъ печей.

— Ничего!—недовольно замѣтилъ одинъ изъ приставовъ, Голтыга, особенно хлопотавшій найти что-нибудь.

— Все, братъ, обобрали, ничего не оставили, — усмѣхнулся его товарищъ Курицынъ, — не одни мы съ тобою сюда пришли: ранѣ насъ сколь народу пере-
бывало!

Но упрямаго Голтыгу разубѣдить было трудно.

Онъ еще съ большимъ ожесточеніемъ осматривалъ каждый подозрительный уголокъ въ Морозовскихъ хоромахъ.

— Брось, говорю, все равно ничего не найдешь!— увѣренно сказалъ Курицынъ.

Ломъ, вколачиваемый приставомъ въ каменную кладку, наткнулся на что-то металлическое.

— Ага, что-то есть!— сверкнувъ глазами, промолвилъ Голтыга и началъ поспѣшно раскидывать кирпичи.

— Чуръ вмѣстѣ!— въ свою очередь вступился его товарищъ.

Взаимными усиліями изъ толстой печной стѣны имъ удалось выломать тяжелый ларецъ, прочно тамъ замуравленный.

Оба пристава уже предвкушали богатую наживу и хотѣли взломать тяжелый ларецъ, какъ услышали сзади себя чей-то голосъ:

— Инъ молодцы! Для царской-то казны сколь старались, каковъ ларецъ выкорчевали!

И думный дворянинъ Иларіонъ Ивановъ, насмѣшливо поглядывая на обонхъ приставовъ, подошелъ къ нимъ.

Пристава были поражены его нежелательнымъ появленіемъ, оторопѣли и не могли промолвить ни слова.

— Ну, несите за мною его въ приказъ!— сказалъ Ивановъ.

И пристава послушно потащили за нимъ находку, въ душѣ проклиная свою неловкость.

— Сердце радуется, сколь царской казны прибавилось!— говорилъ тотъ-же думный дворянинъ.

Когда ларецъ былъ открытъ, въ немъ оказалось немало золотыхъ монетъ, еще во время „Великой разрухи“ замурованныхъ стариками Морозовыми въ стѣну для безопасности.

— Пошарить и въ другорядъ не мѣшаетъ,— замѣтилъ Ивановъ,— и этого вполне было достаточно, чтобы въ Морозовскомъ домѣ набралось много жаднаго люда.

Вѣрный рабъ Морозовыхъ Иванъ продолжалъ навѣщать опустѣлый домъ своихъ господъ, провѣдывать его.

Еще до вѣзятія боярыни, по ея приказу, онъ закопалъ много цѣнныхъ вещей гдѣ-то въ саду, чтобы ихъ не забрали царскіе люди.

Разсчетъ оказался вѣрнымъ: этимъ Иванъ спасъ много морозовскаго добра. Помогалъ закапывать ему кладъ одинъ вѣрный человекъ.

Хотя царскіе пристава и не знали о спрятанномъ, но дивились, что такъ мало добра у Морозовыхъ, когда завѣдомо было извѣстно о богатствѣ этого рода.

— Раздала неимущимъ, — отзывалась на подобные вопросы спрашивающихъ Морозова.

Такъ-бы о спрятанныхъ сокровищахъ и перестали говорить, если-бы не жена Ивана.

Явившіеся въ домъ Морозовыхъ, уже соблазненные первою своею находкою, пристава не ограничились на этотъ разъ собственноручными поисками: замѣтивъ бывшаго на дворѣ Ивана, они начали спрашивать его, не знаетъ-ли онъ, куда дѣвались остальныя Морозовскія сокровища.

— Гдѣ мнѣ знать, господа честные, про боярскія дѣла, — спокойно отвѣтилъ вѣрный слуга, — намъ объ этомъ не говорятъ!

— Анъ врешь, смердь: ты при молодомъ бояринѣ состоялъ, ты его и во дворецъ царскій отвозилъ! — строго замѣтилъ Курицынь.

— Ничего мнѣ не извѣстно, — попрежнему отозвался Иванъ.

— Чего его-то спрашивать, понудь къ отвѣту жену его, скорѣе языка раздобудешь! — въ свою очередь сказалъ Голтыга.

Иванъ поблѣднѣлъ.

Онъ сознавалъ, что хотя жена его и не знаетъ, гдѣ спрятаны боярскія сокровища, но что ей извѣстно объ ихъ существованіи.

— Ну, сказывай, баба, куда спряталъ твой мужъ золото? — допытывались пристава у жены Ивана.

Баба сперва закирчалась, отказывалась незнаемъ, но когда ей пригрозили, что будутъ пытать, завывала отъ страха.

— Все скажу, милостивцы, ничего не утаю отъ васъ! Иванъ укоризненно посмотрѣлъ на жену, но ничего ей не сказалъ.

— Ишь, какъ скоро бабу говорить заставил! — обрадовались пристава.

Но женщина ничего не знала, кромѣ того, что ея мужъ принималъ участіе въ сокрытіи сокровищъ.

— Ну, лгунъ, пойдемъ съ нами, мы тебѣ мѣстечко хорошее найдемъ, гдѣ ты у насъ скоро заговоришь! — злорадно сказалъ Курицынъ.

Иванъ не сопротивлялся. Его свели въ застѣнокъ и доложили Иларіону Иванову, вѣдавшему все дѣло Морозовыхъ, объ утайкѣ слугою сокровищъ опальной боярыни.

— Пospoшaемъ тебя, молодець, — потирая руки, говорилъ думный дворянинъ, — легонечко тебя вздернемъ. Коли языкъ у тебя прилипъ, сейчасъ заговоришь!

Но Иванъ противъ ожиданія молчалъ, несмотря на различныя пытки. Его неоднократно жгли каленымъ желѣзомъ и вздергивали на дыбу.

— Упрямя, старый песь! — недовольно шепталъ Ивановъ, — отложимъ до другого раза, може податливѣе будешь!

Старая слугу Морозовыхъ заключили въ яму и, чуть его язвы подживали, снова вели пытать, хотя точно такъ-же бесплодно, какъ и въ первый разъ: Иванъ не выдавалъ своей тайны.

— Куда скрыль, сказывай, песь! — раздраженно спрашивалъ его Ивановъ.

— Не скажу, отсѣките языкъ мнѣ! — твердо отвѣчалъ слуга Морозовыхъ.

— Кому отдалъ сокровища?

— Христу Самому въ руки!

— Ну, ладно, коли такъ,—развирѣпѣлъ думный бояринъ:—отправить его въ Боровскъ да посадить въ яму поглубже.

Ивана свезли въ этотъ городъ.

— Вѣрный слуга,—восторженно сказала Морозова, когда ей сообщили о подвигѣ Ивана:—войдетъ въ радость дома господина своего!

XXXI.

Подъ впечатлѣніемъ смерти молодого Морозова государь вспомнилъ о матери и рѣшилъ нѣсколько облегчить ея положеніе. Онъ повелѣлъ отдать узницѣ двухъ рабынь, чтобы онѣ служили ей въ заключеніи. Это были Анна Амосова, съ которой когда-то боярыня ходила ночью по Москвѣ, одѣлая неимущихъ одеждою и деньгами.

Другая была Стефанида, по прованію Гнѣва, тоже изъ тайныхъ послѣдовательницъ древняго благочестія.

Онѣ обѣ съ радостью согласились послужить опять своей боярынь. Съ водвореніемъ обѣихъ женщинъ Морозовой еще удобнѣе стало сноситься съ другими старицами и съ адамантомъ раскола Меланіей. Всѣ обстоятельства послѣдняго времени еще сильнѣе подняли рвеніе Федосьи Прокопьевны къ древней вѣрѣ, и упавшій ея духъ опять оживился. Она жаждала пострадать за вѣру, стремилась всѣми своими помыслами принять мученическій вѣнецъ и въ своемъ страстномъ желаніи находила себѣ враговъ среди своихъ-же близкихъ.

Княгиня Урусова не получила отъ царя такого снисхожденія, какъ ея сестра, но ей Богъ послалъ честнѣйшую изъ рабынь, боярскую дочь Акулину.

Случилось это такъ:

Когда Евдокію Прокопьевну волокли монастырскія

инокини въ церковь, дѣвушка все это видѣла и въ душѣ пожалѣла узницу.

Она предложила монахинямъ помочь имъ и немного спустя вошла къ нимъ въ такое довѣріе, что онѣ поручили ей одной блюсти княгиню.

Акулина близко сошлась съ Урусовой. Еще до поступленія къ княгинѣ, Акулина сочувствовала старому ученію, была знакома лично съ Аввакумомъ и отчасти также съ матерью Меланіей. Она была даже пострижена и въ иночествѣ носила имя Анисіи.

Благодаря такой помощницѣ, Урусова могла сноситься съ своею сестрою, а точно также и съ главарями раскола.

Тоскуя по Морозой, Евдокія Прокопьевна задумала однажды повидаться съ ней.

Переговоривъ черезъ Акулину предварительно съ сестрою и уладивъ все дѣло, Урусова сказала одной изъ старшихъ инокинь, у которой была подѣ началомъ:

— Госпожа! ты знаешь, какъ болитъ сердце матери о дѣтяхъ, знаешь и то, что я оставила ихъ Христа ради.

Монахиня сочувственно выслушала говорившую.

— Знаю, княгинюшка, знаю, болѣзная; но чѣмъ-же я могу тебѣ помочь?

— Пусти меня въ домъ мой. Поцѣлую я ихъ и утѣшу и сама утѣшусь и еще до вечера возвращусь сюда. Никто не будетъ знать объ этомъ: только ты да я.

Задумалась наставница. Она не рѣшалась этого сдѣлать.

Княгиня продолжала ее упрашивать.

— Теперь полдень, игуменя въ гостяхъ, и старицы разошлись, людей на монастырѣ мало; я, фатой покрывшись, пройду, и никто не узнаетъ меня!

Сверхъ ожиданія наставница ее отпустила, замѣтивъ:

— Знаю, какъ ты любишь образъ Владычицы на-

шей, оставь мнѣ его здѣсь и иди съ миромъ: Она, Помощница, возвратитъ тебя сюда.

Обрадованная княгиня вышла изъ монастыря.

Недалеко отъ Печерскаго подворья, гдѣ все еще находилась Морозова, встрѣтила Урусову старица Елена, и онѣ вмѣстѣ вошли въ подворье.

Дворница дала знать объ ихъ приходѣ Морозовой.

Послѣдняя навстрѣчу имъ выслала свою рабу Анну, и та обмѣнялась головнымъ уборомъ съ Урусовой.

Вмѣсто Анны къ Морозовой вернулась ея сестра, Авдотья Прокопьевна.

О такой перемѣнѣ никто и не догадался.

Радостно обнялись сестры. Послѣ свиданія на допросѣ въ Чудовомъ монастырѣ онѣ не видѣлись.

„И бесѣдоваша любезно мученица съ исповѣдницею“,—говоритъ лѣтописецъ.

— Я отъ отца нашего духовнаго, батюшки Аввакума, посланнице получила,—сказала сестрѣ Морозова.

И она начала читать его.

Письмо протопопа было полно похвалы сестрамъ. Онъ восторгался ихъ подвигами, называлъ ихъ супругами нерасторжимыми, ластовицами сладко-глаголовыми, маслинами, женскую немощь отложившими и мужескую мудрость воспріавшими и тому подобными вычурными и выпренными именами.

„Не вѣдаю, какъ назвать,—оканчивалъ онъ письмо,—умъ мой не обметъ подвига вашего и страданія. Подумаю да лише руками возмахну. Какъ такъ, госуда-рыни, изволили съ такія высокія степени ступить и въ безчестіе вринутися! Мучьтесь за Христа хорошенько, не оглядывайтесь назадъ, не тужите о бездѣлицахъ вѣка сего“...

За дверями кельи раздались звуки тревоги.

Стража изъ стрѣльцовъ всполошилась. Почему-то догадались, что дѣло неладно.

Стрѣлецкій голова вошелъ въ келью и обратился къ Морозовой:

— Сумнительно намъ, боярыня, — сказалъ онъ узницѣ, — что ты больно долго со своей рабой разговариваешь.

И онъ внимательно взглянулъ на стоявшую у стѣны Урусову.

Подмѣнъ былъ явный.

Морозова стала упрашивать стрѣльца, чтобы онъ не выдавалъ ихъ, и рассказала всю правду.

— Хорошо, что ты повинилась мнѣ, боярыня, — пусть княгиня у тебя заночуетъ, а ночью я ее выпущу тихонько.

Обрадованныя сестры поблагодарили неожиданнаго заступника и всю ночь пробесѣдовали.

Къ свѣту Урусова ушла. Старица Елена проводила ее опять до монастыря.

Испуганная ея долгимъ отсутствіемъ наставница успокоилась, когда узница возвратилась.

Тотъ-же самый стрѣлецкій голова, очень милостивый къ Морозовой, сдѣлалъ ей большое одолженіе. Черезъ нѣсколько дней послѣ посѣщенія сестры боярыни сообщили, что въ Москвѣ находится странствующій старовѣрческій попъ-инокъ Іовъ Льговскій.

Іовъ происходилъ изъ Литвы и былъ шляхтичъ родомъ. Еще во время нахождения въ плѣну патриарха Филарета, отца царя Михаила Федоровича, Іовъ былъ его келейникомъ и былъ имъ посвященъ въ іереи. Затѣмъ Іовъ сдѣлался скитальцемъ, основывалъ монастыри, между прочимъ Льговскій.

— Пусти ты ко мнѣ, пожалуйста, старца, — умоляла Морозова стрѣлецкаго голову. — Былъ въ дому моемъ въ одномъ изъ нашихъ селъ нѣкій священникъ, была милость наша къ нему. Теперь, я слышала, онъ здѣсь. Жаль мнѣ его, старика, позволь повидаться съ нимъ, если будетъ твоя милость къ нашему убожеству.

Стрѣльцы того времени были уже значительно заражены расколомъ, и многіе изъ нихъ вполне принадлежали къ старовѣрію и сами не разъ выражали свое неудовольствіе противъ церковныхъ новшествъ.

Точно также и стрѣлецкій голова былъ приверженецъ стараго согласія и не могъ отказать Морозовой.

— Что-жъ, я противиться не буду, пусть придетъ.

И старецъ Іовъ, увѣдомленный черезъ Стефаниду, былъ проведенъ къ Морозовой „бѣлецкимъ образомъ“, т. е. переодѣвшись.

Цѣль его посѣщенія была подать ей „безцѣнный бисеръ“—причастить ее.

Старецъ былъ умиленъ видомъ ея страданій и, причащая узницу, все время плакалъ.

— Дни наши не радости, но плача зуть, государыня...—говорилъ Іовъ.

Внимательно слушала его поученіе боярыня.

Она ободрялась ими.

Уничжить себя Христа ради, страдать, терпѣти представлялось для Морозовой чѣмъ-то необходимымъ для достиженія райскаго блаженства.

Временно, послѣ смерти Ивана Глѣбыча, какъ будто о сестрахъ забыли.

Совершенно случайно вспомнилъ о нихъ государь.

Въ Москву вернулся братъ ихъ, Ѳедоръ Прокопьевичъ Соковнинъ, посланный гонцомъ въ Чугуевъ къ малороссамъ.

— Ты знаешь, Ѳедоръ,—сказала однажды царь Соковнину, — что вся причина бѣдствія твоихъ сестеръ — изувѣры Аввакумъ и Меланія. Перваго мы изловили, а вторую никакъ не можемъ разыскать.

Государь пристально взглянулъ на Соковнина.

— Ты всѣ тайны своей сестры знаешь,—продолжалъ Алексѣй Михайловичъ, не спуская пытливаго взора съ собесѣдника,—скажи мнѣ, гдѣ Меланія?

Соковнинъ молчалъ.

Не зналъ-ли онъ или просто не хотѣлъ выдать старицу, ученія которой не были ему чужды?

Государь гнѣвно посмотрѣлъ на стольника и отошелъ отъ него.

Меланію попрержнему не могли поймать, хотя она проникала повсюду, отмыкала замки, проходила сквозь самую бдительную стражу и снова исчезала безъ слѣда.

Явилась она и къ Морозовой, принеся ей снова посланія отъ изувѣра.

— Готовься, Федосьюшка, готовься, — прошептала Меланія, — а завтра въ ночь тяжелый тебѣ искусь будетъ!

Морозова вздрогнула.

— Неужто настало время потерпѣть за Христа, вѣнецъ мученическій пріять?—съ легкимъ дрожаніемъ въ голосѣ спросила она старицу.

— Не бойся, дочь моя, а радуйся! Вѣнецъ уготованъ!—пробормотала изувѣрка, — помолимся-ка вмѣстѣ. И обѣ женщины стали совершать установленное мѣтаніе. Положивъ по нѣскольку сотъ поклоновъ, онѣ обнялись.

— Благослови меня на подвигъ, мать честная!

Меланія осѣнила Морозову широкимъ старовѣрскимъ крестомъ.

Стало свѣтать.

— Уходить мнѣ надо, Федосьюшка, чтобы ненарокомъ не захватили, — шопотомъ говорила Меланія, услышавъ шумъ за дверью.

Опасенія ея не оправдались.

Тотъ-же самый стрѣлецкій голова выпустилъ фанатичку-старицу изъ кельи и почтительно проводилъ до безопаснаго мѣста.

Морозова осталась одна.

Образы и картины прошлаго встали предъ ея глазами. Вспомнила она и своего умершаго мужа Глѣба Ивановича, и брата его Бориса; промелькнула въ мысляхъ

у нея жена послѣдняго Анна Ильинишна, вспомнилась и умершая царьца Марія, при жизни которой она чувствовала себя въ безопасности. Послѣднимъ пришелъ ей на умъ сынъ ея Вапошка, такъ рано погибшій. И Федосья Прокопьевна, опустивъ голову на грудь, горько зарыдала.

Меланія была справедлива.

Въ слѣдующую ночь Морозова, Урусова и Марья Данилова, каждая отдѣльно, были привезены на ямской дворъ.

Въ избѣ, въ которой ихъ посадили, было много народа, но благодаря темнотѣ ни одна изъ узницъ не знала о присутствіи другой.

Всѣ онѣ тяготились какимъ-то предчувствіемъ, но не знали, хотять ли послать ихъ еще въ заточеніе или же будутъ пытаться.

Когда глаза Морозовой попривыкли къ темнотѣ, она увидѣла свою сестру и Данцлову и сказала имъ:

— Вотъ и я съ вами, терпите, свѣты мои, мужески и обо мнѣ молитесь.

Княгиня помѣщалась отъ нея недалеко, и Федосья Прокопьевна, звеня оковами, протянула ей руку и повторила:

— Терпи, сестра, терпи...

Наконецъ приказано было ввести ихъ въ сосѣднюю палату, гдѣ собрались бояре: князь Иванъ Воротынский, князь Яковъ Одоевскій и Василій Волынскій.

Морозова взглянула на бояръ и ей вспомнилось, что оба князя были постоянными гостями ея мужа, рѣдкій день не заѣзживали къ нимъ въ домъ.

Она сурово взглянула на нихъ и не поклонилась.

— Призваны мы на тяжелое государское дѣло: пытаться васъ за ваше воровство, — угрюмо кинулъ пмъ Воротынский, — коли вы въ немъ не повинитесь.

Узницы молчали.

— Ведите ихъ въ застѣнокъ, — сказалъ Воротынский.

Иларіонъ Ивановъ вмѣстѣ со стрѣльцами потащили женщинѣ въ сосѣднее помѣщеніе.

Мрачный застѣнокъ, слабо освѣщенный тройникомъ восковыхъ свѣчей, стоявшихъ на допросномъ столѣ, производилъ страшное впечатлѣніе.

Всѣ орудія пытки были на лицо.

Съ проходившей черезъ весь сводъ балки свѣшивались веревки для дыбы, внизу лежала тяжелая дубовая доска.

Бояре сѣли за столъ.

— А, ну-ка, начни съ этой, — и Воротынскій указалъ на Данилову.

Палачи завязали ей руки назадъ, точно также и ноги и, соединивъ съ дыбой, по приказу Воротынскаго, сразу вздернули женщину къ верху.

— Еще! — сказалъ Воротынскій.

И узницу второй разъ встряхнули.

Суставы соскочили съ своихъ мѣстъ.

Марія не издала ни одного звука.

— Кинь о земь! — слышался снова приказъ.

Данилова была брошена на землю.

— Не проняло, — замѣтилъ Одоевскій, — оставь на время.

— Твоя очередь, княгинюшка, — насмѣшливо сказалъ Воротынскій.

Палачи схватили Урусову.

— Да какъ-же ты смѣешь, — крикнулъ на нее снова Воротынскій, — носить цвѣтное, коль ты въ опалѣ царской?

— Я передъ царемъ не согрѣшила, — спокойно отвѣтила Урусова.

— Сдери съ нея треухъ-то!

И палачъ исполнилъ приказъ. Ее, какъ и Данилову, привязали къ дыбѣ и вздернули. Она начала стонать. Ее сбросили рядомъ съ Даниловой. Руки ея были вывернуты.

— Твой чередъ, боярыня!

Морозова молча подошла.

— Что это ты дѣлаешь? Отъ славы въ безславіе перешла?—сказалъ ей Воротынскій,—подумай, кто ты и какого рода! Все это приключилось тебѣ оттого, что принимала ты въ домъ Кипріяна и Ѳедора юродивыхъ и прочихъ таковыхъ. Ихъ ученія держалась, а потому царя прогнѣвала.

— Не велико наше благородіе тѣлесное, и слава человѣческая суетна на землѣ! — убѣжденно отвѣчала молодая боярыня.—Все, о чемъ ты говоришь, все это тлѣнно и мимоходяще. Послушай, что я скажу тебѣ: помысли о Христѣ, Кто Онъ и Чей Сынъ. Если не знаешь, я расскажу тебѣ. Онъ Господь нашъ, Сынъ Божій, оставившій небеса для нашего спасенія и жившій во плоти на землѣ всегда въ убожествѣ; послѣ распятъ былъ отъ жидовъ, такъ и мы всѣ отъ васъ мучимы. Тому ты не удивляешься, а наше мученіе есть уже ничто.

— Какъ ты смѣешь равнять себя съ Христомъ! — закричалъ Воротынскій.

— Я и не равняю.

— Ну, что еще съ нею толковать, тряхните-ка ко-мудомъ!

Подобно двумъ первымъ женщинамъ, Морозовой завязали назадъ руки и привѣсили ее къ дыбѣ.

Вися на дыбѣ, боярыня не умолкала ни на одну минуту и укоряла бояръ за „лукавое ихъ отступленіе“.

Обозленные ея „жестоковыносливостію“, болре держали ее на „страсткѣ“ долго: она висѣла на дыбѣ съ полчаса и протерла веревкою руки до жиль.

Затѣмъ положили всѣхъ трехъ женщинъ на землю, съ выломанными назадъ руками, накрыли ихъ перси тяжелою дубовою плахою и устрашали, что будутъ ихъ жечь.

Урусова не могла перекреститься и плакала объ этомъ.

Палачи изъ состраданія дернули вторично ее за руки, и суставы стали на мѣсто.

А Данилову распростерли на широкой плахѣ, привязали къ кольцамъ ея руки и ноги и двое палачей начали ременными нитями стегать ее по спинѣ.

Спина быстро покрылась алою кровью. Даже испытанная во всемъ Морозова не могла вынести этого зрѣлища; она отвернула лицо и начала плакать.

Урусова была въ глубокомъ обморокѣ.

Думный баяринъ, обратившись къ Морозовой и Урусовой, замѣтилъ:

— Если вы не покаетесь, то-же и вамъ будетъ.

— Это ли христіанство, чтобы такъ человекъ мучить?—проговорила съ негодованіемъ боярыня.

Наконецъ сѣченіе Даниловой было окончено.

Марія спросила себѣ полотенце и, вода его по своей спинѣ, все смочила кровью. Затѣмъ, передавъ его палачу, сказала:

— Снеси-ка ты его къ мужу моему, Іакинеу Ивасовичу, и скажи, что жена-де ему всею кровью кланяется, онъ тебя наградитъ за это...

XXXII.

Пытки были окончены. Узницъ развезли въ десять часовъ утра по мѣстамъ ихъ заключенія.

На утро „сотворилъ царь сидѣніе думати о нихъ“.

Съ ужасомъ слушалъ онъ докладъ о пыткѣ. Ему не хотѣлось вѣрить, что даже такія жестокія испытанія не заставили трехъ женщинъ измѣнить своихъ убѣжденій.

— Что-же надумаете, бояре: какъ мнѣ поступить съ ними? Все, кажется, было испытано: и увѣщанія, и строгость...

Бояре молчали.

Кто-то изъ духовныхъ лицъ посовѣтовалъ съечь всѣхъ трехъ женщинъ вмѣстѣ.

— Затеpli свѣчу передъ Господомъ, государь...

Алексѣй Михайловичъ вздрогнулъ, услышавъ это предложеніе.

— Сколь безразсудное дѣло будетъ, государь,— вмѣшался князь Долгорукій,—спасти огнемъ не можно душу, коли не спасъ его словомъ; Сынъ Божій молился за невѣрныхъ, а не жегъ ихъ!

— Истинно такъ,—поддакнулъ царь, но митрополитъ Павелъ. (это онъ предложилъ сожженіе) не унимался.

— Коли жечь въ самомъ дѣлѣ не будешь, то пугай ихъ, вели срубить срубъ на Болотѣ, набей соломой. Авось, увидя его, покаются!

— Пожалуй и такъ,—согласился Алексѣй Михайловичъ, думая хотя страхомъ смерти подѣйствовать на изувѣрокъ.

Сидѣніе окончилось.

На другой день на Болотѣ стали рубить сосновый срубъ и набили его внутри до самаго верха соломой.

Узницамъ было дано знать, что ихъ ожидаетъ огненная смерть. Боярыня Морозова готовилась къ смерти, три дня не ѣла хлѣба и воды не пила.

Меланія снова пришла къ Федосьѣ Прокопьевнѣ, побывавъ передъ этимъ на Болотѣ у сруба.

— Уже и домъ тебѣ готовъ, вельми добре и чинно устроенъ, и соломой цѣлыми снопами уставленъ,—говорила она Морозовой, цѣлуя язвы ея рукъ,—уже отходишь ты къ желаемому Христу, а насъ сиротами оставляешь.

Боярыня заkostenѣла въ своемъ страданіи, но все-таки вторично попросила благословенія у Меланіи. Старица благословила ее и сказала:

— Гори, гори, наша свѣчка, за вѣру старую, православную!

И, обнявъ Морозову въ послѣдній разъ, старица ушла съ рыданіями.

Поеѣтила Меланія и Урусову.

Стоя у окна, обливаясь слезами, глядя на измученную Евдокію Прокопьевну, Меланія голосила.

— Гости у насъ любезныя, нынче или завтра пойдете вы ко Владычицѣ, но обаче идите симъ путемъ, не сомнѣваясь. Когда предстанете престолу Вседержителя, не забудьте и о насъ въ скорбяхъ нашихъ!

Въ предвкушеніи мученическаго вѣнца, провели сестры все это время, но когда имъ сообщили, что сожигать ихъ не будутъ, такъ какъ бояре „не потянули“, ихъ не обрадовало это извѣстіе. Настолько фанатично были настроены обѣ сестры, что сами жаждали подобной мученической смерти.

Неудача въ этомъ случаѣ была неприятна и Меланіи. Она думала казню сестеръ еще болѣе привлечь приверженцевъ раскола.

Ни Морозова, ни ея единомышленницы, сестра ея Урусова и Марія Данилова, не соглашались измѣнить своимъ вѣрованіямъ.

Въ народѣ, благодаря этому, „соблазнъ бысть великъ“. „Тишайшій царь“ прямо терялъ голову, не зная, что ему предпринять.

— Попробуй, государь, объявить княгинѣ Урусовой, что мужа ея, князя Петра, ты съ ней разводишь и женишь на другой,—посоветовалъ царю бояринъ Хитрово,—авось, дѣтей жалѣя, образумится и отъ пагубной ереси откажется.

— Инъ, пусть будетъ по твоему, совѣтъ твой очень хорошъ,—обрадованнымъ голосомъ сказалъ царь.

За княземъ Урусовымъ было немедленно послано.

— Коли повелишь, государь великій, сейчасъ-же поженюсь по твоему приказу,—рѣшительно отвѣтилъ князь Петръ.

Извѣстіе о предполагаемой женитьбѣ мужа на другой было принято Евдокіей Прокопьевной равнодушно.

— Обѣщалася я другому жениху, Христу!—спо-

койно проговорила княгиня, когда ей сказали объ этомъ.—Скоро буду тамъ, гдѣ „ни женятся, ни посягають, но аки ангелы небесны“...

Царя раздражилъ отвѣтъ упрямой княгини.

— Волю такъ, князь Петръ: святѣйшій патріархъ разрѣшитъ твои брачныя узы, и ты женишься на другой.

Урусовъ не сталъ противиться волѣ государя и вскорѣ при живой женѣ былъ вторично повѣнчанъ на княгинѣ Пронской, которую самъ-же высваталъ своему покойному племяннику Морозову. Свадьба была пышно отпразднована. Урусовой все было передано объ этомъ.

— Нисколько не печалюсь я объ этомъ,—мирно промолвила Евдокія Прокопьевна.

Относительно Морозовой Алексѣй Михайловичъ тоже не зналъ, что предпринять.

По нѣкоторымъ, но далеко не безусловно вѣрнымъ свѣдѣніямъ, онъ будто бы черезъ три дня послѣ пытокъ послалъ за стрѣлецкимъ головой, бывшимъ при Морозовой, и сказалъ ему:

— Ступай ты къ своей узницѣ Морозовой и отъ моего царскаго имени передай слѣдующее:

„Мати праведная, Ѳедосья Прокопьевна, вторая ты Екатерина мученица! Прошу тебя я самъ, послушай совѣта моего. Хочу я тебя въ прежнюю твою честь возвести; такъ дай мнѣ такое приличіе ради людей, чтобы видѣли, что не даромъ тебя взялъ. Не крестися ты тремя персты, но только, руку показавъ, поднеси, на три тѣ перста.—Послушай, мати праведная, Ѳедосья Прокопьевна! Я пришлю за тобою калтану свою царскую съ аргамаками своими, и придутъ многіе бояре и понесутъ тебя на головахъ своихъ. Послушай, мати праведная! Я, самъ царь, кланяюсь главою моею, сдѣлай это!“

Стрѣлецкій голова, обрадованный такою милостью

царя къ узницѣ, немедленно отправился передавать царское слово.

Гордо выслушавъ предложеніе государя, боярыня отвергла его и не отказалась отъ своихъ вѣрованій.

— По истинѣ честь эта мнѣ не велика,—сказала она царскому посланцу.— Было все и мимо прошло по Божіей-же волѣ. Вотъ что для меня велико и поистинѣ дивно будетъ, если сподоблюсь въ приготовленномъ вами срубѣ на болотѣ огнемъ сожженія смерть пріять. Это мнѣ преславно, ибо такой чести не испытывала еще никогда.

Подобный отвѣтъ вдовы раздражилъ еще сильнѣе Алексѣя Михайловича, чѣмъ отвѣтъ ея сестры Урусовой.

— Сумасбродка кичливая, жестоковѣрная!—горячо крикнулъ онъ посланцу.

Но удалить ее изъ города и сношенія съ раскольниками сдѣлать для ея невозможными все-таки было необходимо.

Государь рѣшилъ отправить ее въ Новодѣвичій монастырь, держать тамъ подъ строгимъ карауломъ и и ежедневно влачить къ „четью-пѣтью“ во храмъ Божій, такъ какъ Морозова, подобно своей сестрѣ Евдокии Прокопьевнѣ, не соглашалась ходить туда добровольно.

Много народу изъ Москвы стало наѣзжать въ монастырь, чтобы подивиться крѣпкому мужеству опальной боярыни.

Какъ въ Алексѣевскомъ монастырѣ, такъ и здѣсь, въ Новодѣвичьемъ, ежедневно запружался весь монастырскій дворъ рыдванами и другими экипажами.

Наѣзжало сюда не мало боярскихъ женъ—однѣ любопытствовать, а другія поучиться у нея, како страдать; сношеніе со своими и здѣсь не только не сократилось, но еще больше усилилось.

Кто былъ надобенъ Морозовой и здѣсь находилъ къ ней прямую дорогу.

Никогда, послѣ ареста, она не пользовалась такою свободою, какъ здѣсь.

Соблазнъ не уменьшался. По всей Москвѣ только и говорили о страждущихъ вѣры старой ради сестрахъ.

Это заставило Алексѣя Михайловича приказать снова перевезти Морозову въ Москву: онъ надѣялся, что всѣ вельможные къ ней прїѣзды здѣсь окончательно прекратятся.

По приказу царя Федосью Прокопьевну поселили въ слободѣ „Хамовники“, гдѣ выработывалось все плотно, нужное для царскаго обихода.

Здѣсь боярыню помѣстили на дворѣ къ старостѣ. Послѣдній былъ строгій ревнитель древняго благочестія и потому очень обрадовался новой своей жилищѣ.

Среди рабочихъ хамовницкаго двора не мало было послѣдователей протопопа Аввакума. Кромѣ того, Меланія и прочія морозовскія старицы не разъ находили здѣсь для себя прїютъ во время „дворцовыхъ присыловъ“ въ Морозовскій домъ.

Доступъ къ опальной боярынѣ, пострадавшей за вѣру, былъ свободенъ, не говоря уже о томъ, что Меланія и Елена постоянно находились при ней.

Аввакумъ изъ далекаго Пустозерска попрежнему посылалъ свои посланія Федосьѣ Прокопьевнѣ.

Единомышленники Морозовой не переставали дѣйствовать въ пользу ея и въ верху.

Положеніе Морозовой такимъ образомъ мало-по-малу облегчилось и можно было надѣяться, что оно сдѣлается еще лучшимъ.

XXXIII.

Сторонники боярыни Морозовой понимали, что необходимо дѣйствовать черезъ ближнихъ родственниковъ царя. Первой выступившей на защиту опальной боярыни была старшая изъ сестеръ государя, царевна

Ирина Михайловна. Но она неудачно начала „дьянчить“ царю о Морозовой.

— Зачѣмъ, братецъ, не въ лѣпоту творишь,—говорила она,— и вдову эту бѣдную помыкаешь съ мѣста на мѣсто!

Государь былъ не въ духѣ и не обратилъ-бы на ея слова особаго вниманія, если-бы царевна не продолжала своей просьбы.

— Нехорошо, братецъ. Достойно было попомнить службу Бориса и брата его Глѣба...

Царь, наконецъ, понялъ, о чемъ напоминаетъ ему сестра.

И онъ отвѣтилъ ей:

— Добро, сестрица, добро, коли ты дьянчишь о ней, тотчасъ готово у меня ей мѣсто!

Просьба царицы разсердила царя и, вмѣсто облегченія участи Морозовой, принесла ей тягчайшее испытаніе.

Испуганная гнѣвомъ брата, Ирина Михайловна убѣждала въ свои покои, а государь немедленно велѣлъ послать за Хитрово.

Хорошо соображая, съ какой стороны идутъ всѣ эти просьбы, онъ рѣшилъ разъ навсегда положить имъ конецъ, выславъ Морозову изъ Москвы. Мѣстомъ ссылки назначенъ былъ городъ Боровскъ, куда вскорѣ дѣйствительно и отправили ее снова, сковавъ ноги и въ простой телѣгѣ, подъ карауломъ нѣсколькихъ стрѣльцовъ.

Послѣдніе были тоже изъ раскольниковъ и нѣ сколько разъ предлагали боярынь бѣжать, но она ни за что на это не соглашалась.

— Пострадать хочу, мученическій вѣнецъ воспріять!—повторяла Морозова.

Сюда же, въ Боровскъ, вслѣдъ за Морозовой привезли княгиню Урусову, Данилову и инокиню Устину.

Тутъ же находился и рапѣ сосланный сюда Иванъ, вѣрный Морозовскій слуга.

Всѣ они сидѣли по угламъ, окруженнымъ деревянными срубами.

Кто-то донесъ въ Москву о Меланіи, и въ Боровскѣ явились царскіе пристава и дѣяки съ цѣлью изловить таинственную старицу.

Только съ помощью караульныхъ стрѣльцовъ, возвращенныхъ въ расколъ, удалось Меланіи укрыться отъ своихъ преслѣдователей.

Они спрятали ее подъ поломъ своей-же караулки, въ одной изъ пустыхъ тюремныхъ ямъ и выпустили только тогда, когда приказные всѣ удалились.

Нѣкоторымъ изъ караульныхъ пришлось заплатить жестоко, но они все-же не выдали „мать Меланію“.

Въ той-же самой ямѣ, гдѣ сидѣли Морозова съ Урусовой, находились также Марія Данилова и Устина.

Всѣ четыре женщины терпѣливо сносили свою участь. Онѣ молились вмѣстѣ, читали поученія и пѣли священныя пѣснопѣнія.

Больше всѣхъ поддерживала духъ твердости Марія Данилова. Она много странствовала и любила рассказывать о своихъ путешествіяхъ.

Какъ-то однажды, когда узницы слушали со вниманіемъ ея рассказъ, въ темницу ихъ вошла странница Меланія, прѣпущенная сострадательнымъ караулсмъ возвращенныхъ въ расколъ стрѣльцовъ.

По прежнему она принесла письмо адаманта раскола, Аввакума. Морозова начала его читать.

Сидѣвшій въ Пустозерской тюрьмѣ фанатикъ въ своемъ письмѣ восхвалялъ дѣянія узницъ и умолялъ ихъ до самой кончины не отступать отъ древней православной вѣры.

„Кто не удивится, — писалъ онъ, — и кто не прославить терпѣніе и мужество ваше противу козней враговъ и разорителей церковныхъ. Молю вы, о Господѣ, дѣтки мои духовныя, святыя и истинныя рабы Господни, Богъ есть съ нами! И никто же на ны!“

Узницы отъ умиленія вздыхали и плакали.

„Кто можетъ насъ отлучити отъ любви Христовой, — читала дальше Морозова, — и самъ дьяволъ не учинитъ ничего стоящимъ и держащимся за Христа крѣпце! Что воздамъ вамъ, земные ангелы, небесные челоуѣцы!“

Узницы продолжали слушать со вниманіемъ.

Свѣтъ еле проникалъ въ полутемную яму черезъ небольшое отверстіе на верху.

Вдругъ въ узкой лазей, которая представляла изъ себя входъ въ яму, послышался шумъ.

Читающія успѣли спрятать письмо.

Въ ямѣ появился Родіонъ, племянникъ мужа Даниловой, часто прїѣзжавшій по приказанію дяди изъ Москвы навѣстить узницъ.

Мужъ Даниловой, Акинѣй, помогалъ имъ тѣмъ въ Москвѣ, что всѣхъ стрѣлецкихъ сотниковъ, посылаемыхъ изъ Москвы въ Боровскъ для караула, онъ зывалъ передъ этимъ въ свой домъ и „ухлѣбливалъ“, т. е. угощалъ и дарилъ, чтобы они не обращались жестоко съ узницами.

Все обходилось благополучно. Правда, кто-то донесъ въ Москву о такомъ послабленіи, и изъ Москвы прислали указъ разыскать, кто ходитъ къ узникамъ и какъ къ нимъ добираются. Но ни къ какимъ особеннымъ результатамъ это не привело.

Начался розыскъ.

Схватили нѣсколько жителей Боровска, стали ихъ допрашивать. Всѣ отперлись, что ничего не знаютъ.

Одного изъ нихъ, нѣкоего Панфила, приказано было пытать.

Его отпустили домой, не переставая за нимъ наблюдать...

Какъ-то однажды Панфиль сказалъ своей женѣ:

— Агриппина, отнеси-ка свѣтамъ тѣмъ поскорѣ печенаго луку рѣшето!

Это его приказаніе женѣ было подслушано и вмѣ-

нено въ виду. Въ наказаніе Панфила съ женою сослали въ Смоленскъ. Но тѣмъ не менѣ сношеніе узницъ со своими не прекращалось. Родіонъ попрежнему вмѣстѣ со стрѣлецкими сотниками не переставалъ помогать узницамъ.

Часто на Морозову находило странное желаніе поучать. Она громко говорила восторженныя рѣчи; ими увлекались караульные стрѣльцы, и почти вся сотня стрѣлцкой стражи перешла въ расколъ.

По ночамъ, чтобы не беспокоили крысы, узницы устраивали своеобразное дежурство.

Трое изъ нихъ спали, а четвертая отгоняла крысъ.

Строгости послѣдняго времени все-таки заставили старицу Меланію опасаться посѣщать узницъ.

Морозова и Урусова скучали по ней. Наконецъ, Федосья Прокопьевна не могла больше выдержать и написала къ ней письмо. Во время писанія письма она плакала.

„Умилосердися, посѣти въ „остановное“ время,— писала Морозова наставницѣ,—упроси и брата твоего большаго придти съ тобою вмѣстѣ, пусть онъ посмотритъ на наши страданія“...

Этотъ большій братъ, имя котораго неизвѣстно, и составилъ потомъ сказаніе объ ея жизни.

„Хочу и Елену видѣти“, дѣлала Морозова въ письмѣ прибавку.

Родіону предстояла немалая забота отыскать обѣихъ старицъ.

Это было на святкахъ. Меланія отлучалась по дѣламъ въ Москву, откуда сразу не могла приѣхать, зная, что ее отыскиваютъ и рискуя быть схваченной. Только спустя двѣ недѣли состоялось ихъ свиданіе.

Это было одиннадцатаго января.

Въ три часа ночи пришли въ яму къ узницамъ званые гости.

Съ несказанной радостью встрѣтила ихъ Морозова.

— Стала наша темница пресвѣтлою, только въ нее вступила ты, наша мать и равноапостальная!—привѣтствовала старицу боярыня.

Со смиреніемъ узницы цѣловали руки Меланіи и кланялись ей „до земли“.

Фанатичка-раскольница любовно глядѣла на своихъ ученицъ, сознавая, какую заслугу всему расколу принесли онѣ своими муками и страданіями.

— Зачѣмъ, свѣтъ насъ, птенцовъ твоихъ, надолго не посѣщаешь? Невозможно намъ безъ твоего наказанія жизнь свою долго править!

— Слѣдуй указаніямъ батюшки Аввакума, и все будетъ добре,—отвѣчала Меланія.

Онѣ пробесѣдовали всю ночь.

Только на разсвѣтѣ ушли братъ „большій“ и Родіонъ; Меланія же и Елена остались на весь день.

Снова услаждались узницы „отъ словецъ старицъ“.

Карауль, состоявшій изъ „своихъ“, не препятствовалъ пребыванію въ тюрьмѣ постороннихъ.

Въ вечеру должны были явиться въ яму опять оба мужчины. Ихъ обѣщаль провести стрѣлецкій сотникъ.

Но вечеръ наступилъ, и никто изъ нихъ не являлся. Это встревожило фанатическую наставницу. Она поглядывала на дверь, видимо опасаясь, какъ-бы не попасть въ западню. Испуганно смотрѣли и сами заключенныя. Захватъ Меланіи явился-бы большою потерей для раскола.

Наконецъ въ полночь мужчины явились.

— Что же вы раньше не приходили? — сурово встрѣтила ихъ наставница.

— Опасно было, мать пресвѣтлая!—отвѣтилъ Родіонъ.—Стрѣлецкій голова говорилъ, что изъ Москвы нѣкіе неизвѣстные люди подосланы для надсмотра.

— Какъ-же я выйду отсюда?—тревожно спросила Меланія.

— Объ этомъ, матушка, не скорби; къ разсвѣту вызволимъ.

Старлица немного успокоилась.

— Не опусти „остановное“ время!—молила ее Морозова. — Научи насъ, вдунь въ наши ослабѣвшія сердца твой твердый духъ!

— Грѣхъ великій творите, что ослабѣли, — недовольно проговорила наставница: — если ослабѣете, захватитъ васъ діаволь и будете узами брани бѣсовскія связаны.

Съ ужасомъ слушали ее узницы.

Долговременное заключеніе ихъ, дѣйствительно, ослабило твердость ихъ убѣжденій.

Морозова не разъ уже помышляла о возвращеніи къ своему прежнему положенію. Повтори въ настоящее время царь предложеніе, какое онъ дѣлалъ ей въ Москвѣ, Морозова, навѣрное согласилась-бы на него...

— Коли не освободитесь отъ этихъ узъ, не помогутъ вамъ и ваши желѣзныя узы, — увѣренно говорила Меланія.

Морозова все время держала ея лѣвую руку, а Урусова правую и обѣ лобызали ихъ, не переставая плакать.

— Сколь разумны мученицы, — шепталъ Родіонъ большему брату, — отколь столь терпѣнія имъ посылается?

— А смиренны какъ! Неповинны ни въ чемъ, а какъ виновныя слушаютъ поученіе, — подтвердилъ стрѣлецкій сотникъ.

До разсвѣта было еще далеко, когда въ дверцы ямы вдругъ постучали.

Всѣ тревожно посмотрѣли другъ на друга и замолчали.

Первымъ пришелъ въ себя стрѣлецкій сотникъ.

— Притаятесь здѣсь по угламъ и молчите, — сказалъ онъ еле слышнымъ голосомъ, — а я пойду, посмотрю

Съ этими словами онъ подошелъ къ дверцѣ и отворилъ ее.

У порога стоялъ стрѣлецъ.

— Всполохъ (тревога)!— шепнулъ онъ своему начальнику.

И пріотворивъ дверь, они вышли вонъ изъ тюрьмы. Оставшіяся въ испугѣ сидѣли, не смѣя произнести ни слова.

Дѣйствительно, московскіе соглядатаи, какъ узнали, что у заключенныхъ неладно, сдѣлали тревогу.

Только благодаря ловкости стрѣлецкаго сотника Омельки, удалось отвлечь московскихъ приказныхъ на ложный слѣдъ.

Чтобы устроить это правдоподобіе, Омелька далъ имъ въ помощь весь карауль.

— Уходите скорѣй!— приказалъ сотникъ обѣимъ старицамъ и мужчинамъ.—Торопитесь: не ровенъ часъ, вернутся,—тогда не сдобровать!

Удачно спасшіеся раскольники были далеко, когда въ яму вошелъ присланный изъ Москвы подъячій Павелъ. Худощавый, небольшого роста, съ рыжей бородой клиномъ, подъячій зорко поглядѣлъ своими рысьими глазами на стоящихъ передъ нимъ узницъ и громко закричалъ:

— Что вы тутъ дѣлаете?

Морозова, стараясь сдержаться, кротко ему отвѣтила:

— Что могутъ дѣлать узницы? Молимся Господу Богу.

— Знаемъ мы, какъ вы молитесь Богу!—еще громче закричалъ подъячій.—Изъ-за васъ на Москвѣ воскури дьяволь бурю великую. Давайте сюда свѣту!—крикнулъ онъ стрѣльцамъ.

Омелька сотникъ преднамѣренно мѣшкалъ освѣщать яму, давая возможность узницамъ спрятать, что имъ было необходимо.

— Аль совсѣмъ въ Боровскѣ огня нѣтъ?—бѣшено

закричалъ Павелъ. — Вотъ, подождите, я вамъ зажгу огонекъ!

На этотъ разъ его приказаніе было исполнено. Два стрѣльца внесли по пуку горящихъ лучинъ.

Темница освѣтилась.

Подъячій сталъ внимательно осматривать каждую вещь заключенныхъ, безъ толку хватая все, что попадалось ему подъ руку.

Онъ забралъ все у узницъ, „всякія потребности и брашно-снѣдно самое скудное, лишнія одежды, малыя книжицы, самыя иконы, писанныя на малыхъ доскахъ“,—все отнялъ.

— Ну, теперъ чисто! — злорадно проговорилъ сыщикъ. — А, ну-ка, скажите мнѣ, гдѣ Родіонъ?

— Не знаемъ мы такого, — отозвалась Дарья Данилова.

— Не знаешь, красавица, а, поди, твоему мужу племянникомъ доводится?

— Не слыхивала что-то...

— Коли не знаете, мы сами поищемъ, — свирѣпо сказалъ подъячій.

И онъ ушелъ со стрѣльцами изъ ямы, собственно-ручно захлопнувъ за ними дверь и задвинувъ засовъ.

— Ну, теперъ, молодцы, я съ вами потолкую, — обратился онъ къ стрѣльцамъ, а допрежъ всего съ тобой, Омелька!

Стрѣлецкій голова пошелъ за подъячимъ.

Начался большой розыскъ.

— А, ну-ка, сказывайте, кто носилъ въ тюрьму потребное?—спрашивалъ стрѣльцовъ подъячій.

Стрѣльцы молчали.

— Кто допускалъ входящихъ?—пытливо глядя имъ въ глаза, продолжалъ допросъ Павелъ.

Стрѣльцы безмолствовали.

— Молчите, инъ поспрошаемъ по иному, пытаться буду!

Но до серьезныхъ пытокъ дѣло не дошло. Нѣкоторые изъ караульщиковъ-стрѣльцовъ повинились, что и сами потребное въ тюрьму носили, и приходящихъ пускали.

Стрѣльцы были смѣнены.

На мѣсто ихъ прислали изъ Москвы новый карауль, подкупить который Акинеу Данилову не удалось.

Прежніе стрѣлецкіе сотники, въ томъ числѣ и Омелька, жестоко поплатились за свое послабленіе узникамъ. Ихъ разослали по полкамъ, стоявшимъ на окраинахъ государства.

Еще съ полгода оставались заключенныя въ той-же самой ямѣ, но впереди ихъ ожидали грозныя бѣды, спастись отъ которыхъ не было никакой возможности.

Розыскъ подъячача Павла не остался безслѣднымъ.

Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ положить конецъ соблазну. О Петровъ день былъ присланъ въ Боровскъ дьякъ Кузмищевъ. Онъ былъ извѣстенъ всей Москвѣ, какъ знатокъ по розыскамъ, и кличка была ему дана „людоѣдъ“.

Явившись въ Боровскъ, онъ отправился къ сидящему отдѣльно въ ямѣ Ивану, старому Морозовскому слугѣ.

— Давно тебя, дядя, здѣсь не тревожили!.. Ты уже всѣмъ домкомъ обзавелся? — со злою усмѣшкой обратился къ нему дьякъ.

Иванъ молчалъ.

— Всѣ забыли, а я тебя, старичка, вспомнилъ: вишь, спровѣдать зашелъ. можетъ, невзначай у тебя и память вернулась. Сказывай, гдѣ Морозовское добро спряталъ?

— Сказывалъ ужъ я неоднократно, — былъ угрюмый отвѣтъ Ивана, — у самого Христа да у Богородицы.

— Упрямъ-же ты, старый! Видно, по другому говорить съ тобой надо?

— Какъ твоя милость пожелаетъ.

Обозленный неудачей, Кузмищевъ рѣшился его пытаться, но прежде чѣмъ приступить къ пыткамъ, онъ надумалъ поговорить съ самой Морозовой, не пожалѣеть-ли та своего стараго слугу и не выдастъ-ли тайну, гдѣ спрятаны сокровища.

Въ головѣ дьяка составилъ цѣлый планъ дѣйствій въ отношеніи заключенныхъ.

Ему не разрѣшено было придавать смерти обѣихъ сестеръ, но въ жизни другихъ узниковъ онъ былъ вполнѣ воленъ...

Морозову же и Урусову ему хотѣлось застращать.

— Поклонъ вамъ низкій, княгинюшка да боярыня, — преувеличено низко кланяясь узницамъ, — проговорилъ Кузмищевъ, входя въ темницу.

— Обжились миленькія, спокойно тутотъ-ко, — продолжалъ дьякъ, — давно ужъ милость вашу не тревожили, да и теперь у меня разговоръ не съ вами, а вотъ съ матерью Устиной будетъ.

И Кузмищевъ подошелъ къ старухѣ.

— Сказываютъ, мать, что ты здѣсь воровство еще больше усилила: письма Аввакумкины получаешь, а вѣдьму Малашку, этого „бѣса полуденнаго“, сюда въ узилище кличешь?

— Воровствомъ не занимаюсь, — сурово замѣтила старуха, — а честную нашу мать Меланію не моги бѣсомъ и вѣдьмой называть! Свѣточъ она вѣры истинной старинной!

— Зубаста-же ты, старуха, — отозвался дьякъ, — подожди немного: коли мы на сихъ дняхъ твой свѣточъ не найдемъ, то возжгу изъ тебя свѣчу воску яраго.

— Съ радостью сподоблюсь вѣнецъ мученическій воспріяти! — восторженно сказала старица.

— Тамъ уже про себя размышляй: мученическій, аль такъ просто!

Морозова и Урусова съ восторгомъ глядѣли на Устину.

— Радуйся, старица,—шептала Морозова, — врата райскія открываются тебѣ!

— Молись за насъ грѣшныхъ, да восхитимся и мы въ горняя,—съ умиленіемъ говорила Урусова.

— А, скажи-ка ты мнѣ, боярыня,—обратился дьякъ въ Морозовой,—куда ты сокрыла свое сокровище? Ѳедосья Прокопьевна еле замѣтно улыбнулась.

Далеко, дьякъ, далеко отсюда!

Кузмищевъ насторожился.

— Сказывай, боярыня, мало-ли что далеко...

— Богу отдала, на небо,—закончила Морозова.

Ишь, заладила, ровно и правду толкуешь,—недовольно прошепталъ дьякъ.

Сокровище у меня — вѣра моя, вѣра истинная, нелицемѣрная, ее я отдала Богу, — восторженно связала боярыня.

Кузмищевъ понялъ, что ему ничего не добиться.

— О завтра день поговоримъ съ вами опять, миленькія: увидимъ тогда, что отвѣтите!

Съ этими словами онъ ушелъ.

Рѣшеніе его было твердо. Съ вечера приказалъ онъ плотникамъ строить два сруба изъ сухого сосноваго лѣса, набить ихъ до самыхъ вѣнцовъ соломою и поставить ихъ недалеко отъ ямы, въ которой сидѣли узницы.

Съ утра застучали топоры въ опытныхъ рукахъ плотниковъ. Невысокіе срубы изъ сухихъ комелей быстро выросли.

Стукъ былъ слышанъ въ ямѣ.

— Никакъ что-то строить,—замѣтила Урусова, посмотрѣвъ черезъ узкое оконце.

Вглянула и Устина.

— Горенки для насъ готовятъ, — обрадованнымъ голосомъ проговорила она.

— Приспѣлъ намъ часъ отойти ко Христу,—замѣтила Морозова,—не убоимся лютой смерти.

— По-двое, должно, сажать будутъ, два сруба всего построили, — спокойно произнесла Марія Данилова.

— Помолитесь Господу, сестры, отходную отпоемъ! И узницы начали молиться.

Къ полудню въ яму вошелъ дьякъ.

— За воровство твое, Устина, повелѣваетъ пресвѣтлый государь возжечь тебя огнемъ. А про васъ указа нѣту, — обратился онъ къ остальнымъ женщинамъ, вопросительно на него глядѣвшимъ.

Устина начала готовиться къ смерти: надѣла длинную бѣлую рубашку вмѣсто савана, покрыла голову покрываломъ и, поглотившись „земно“ остальнымъ узницамъ, попрощалась съ ними, прося не забывать ее въ своихъ молитвахъ.

Скоро явился и дьякъ съ катомъ.

Старица зажгла восковую свѣчу и вышла въ послѣдній разъ на свѣтъ Божій.

Кузмищевъ приказалъ и остальнымъ заключеннымъ идти вслѣдъ за нею.

Вокругъ срубовъ стояло уже много народа, оповѣщеннаго объ оказіи.

Почти одновременно съ появленіемъ узницъ изъ сосѣдней ямы былъ выведенъ и Иванъ, одѣтый точно также въ бѣлую рубашку и со свѣчою въ рукѣ.

Морозова вздрогнула, замѣтивъ на кострѣ своего вѣрнаго слугу. Онъ также увидѣлъ свою госпожу и поклонился ей.

Устина приближалась къ срубѣ.

— Благослови насъ, святая мученица, — просили оставшіяся узницы.

Старица широко осѣнила ихъ крестомъ.

Кузмищевъ приготовился читать царскій указъ, но это ему не удалось, такъ какъ, всходя по наложеннымъ снопамъ соломы, Устина подошла къ свѣчкѣ, бывшею у нея въ рукѣ.

Примѣру ея послѣдовалъ и Иванъ.

Оба костра загорѣлись въ одно время.

Обѣ сестры и Данилова завидовали огненной смерти Устины.

Кузмищевъ освирилѣлъ еще болѣе.

— Пойдите-же, миленькія, — приговаривалъ злобно онъ, — узнаете, каковъ я!

И онъ устроилъ для нихъ новую темницу, выкопавъ яму еще глубже, чѣмъ была первая. Въ ней не было совершенно свѣта, царила вѣчная ночь

Попастъ постороннему въ эту тюрьму не представлялось никакой возможности.

Ни звука, ни дневного свѣта: точно въ могилѣ!

Сюда привели Морозову и Урусову, Марію-же Данилову посадили отдѣльно въ тюрьму, между лютыхъ злодѣевъ, убійць.

Непроницаемая тьма царила въ ямѣ сестеръ.

Это невыносимо тяготило ихъ обѣихъ: онѣ страстно желали увидѣть другъ друга.

Сестры пробовали осязать лицо одна другой, чтобы не забыть дорогія черты.

Говорить громко онѣ совершенно разучились.

Атмосфера ямы какъ-бы подавляла всякій звукъ.

Одно облегченіе чувствовали для себя сестры — это то, что не было крысъ.

Яма была вновь вырыта, а потому этихъ нежелательныхъ обитателей еще тамъ не завелось.

Скоро отсутствіе и этихъ животныхъ стало чувствительно для узницъ.

— Прежде хотя крысы бѣгали, все чувствовалось, что около тебя живутъ другія существа, а теперь пусто, мертво, — замѣтила Морозова.

Урусова тяжело вздохнула.

— Тьма у насъ несвѣтимая, — снова отозвалась боярыня, — тяжело таково!

Пробовали онѣ молиться.

Первое время, правда, онѣ могли исполнять всѣ уставы, говорить „Отчу“, класть поклоны, но громкая ихъ молитва встревожила тюремщика.

— Шумливы больно вы здѣсь, — сказали имъ Кузмищевъ, спустившись къ нимъ въ яму, — нужно вамъ предѣлъ положить.

И онѣ отобралъ у нихъ четки и лѣствицы, по которымъ онѣ молились.

Узницы не смѣли ничего возражать противъ этого и покорились своей участи.

Отнятие четокъ и лѣствиць явилось для нихъ тяжелымъ лишеніемъ, безъ нихъ онѣ никакъ не могли класть положеннаго числа поклоновъ.

Два дня сидѣли узницы въ отчаяніи, не зная, что имъ предпринять.

— Пстой, сестра, я надумала, — нашла выходъ Морозова.

Урусова жадно прислушивалась къ словамъ сестры.

— Оборвемъ краймы нашихъ сорочекъ, завяжемъ на нихъ узлы и по нимъ считать будемъ „Отчу“ и „Богородицу“.

— Инъ, будетъ такъ, — обрадованнымъ голосомъ отозвалась Урусова.

И сестры навязали на тряпицахъ пятьдесятъ узловъ и по нимъ на перемѣнахъ совершали свои изустныя молитвы.

Душно было. Сестры страдали отъ „задухи земныя“.

Вновь вырытая яма дышала сыростью. Влага просачивалась со всѣхъ стѣнъ.

Притомъ обѣ сестры оставались прикованными къ стулу, который могли двигать съ большимъ трудомъ. Пищу сестрамъ давали самую плохую и то въ незначительномъ количествѣ.

Лѣтописецъ - біографъ Морозовой говоритъ о ея питаніи въ это время: „всего зѣло мало и скудно; когда сухариковъ дадутъ пять, шесть; а когда пить

дадутъ, тогда ѣсть не спрашивай... Иногда яблоко одно или два подадутъ, иногда-же огурчиковъ малую часть...“

— Сегодня второй Спасъ на верху, — думалось боярынѣ, когда узницамъ приносили яблоки.

— Хлѣбъ съ поля собрали, — соображала Морозова, когда замѣчала по вкусу свѣжій хлѣбъ.

— Эхъ, какъ-бы намъ мать Меланію повидать, у нея благословиться! — шептала про себя Федосья Прокосьевна.

Но старица никакъ не могла къ нимъ пробраться: несмотря на всѣ ея подкупы и упрашиванія, ей не удалось проникнуть въ темницу къ сестрамъ.

Главной причиной ея неуспѣха являлся дьякъ Кузмищевъ.

Стрѣльцы страшно боялись его и не рѣшались пропустить Меланію въ яму.

Но все-таки стража оказывала кой-какое послабленіе заключеннымъ: опускала имъ въ яму лишнюю пищу — огурчики, яблочки, и то потихоньку другъ отъ друга.

Обѣ сестры слабѣли съ каждымъ днемъ.

Онѣ чувствовали, что кончина ихъ не за горами.

XXXIV.

Лѣто проходило незамѣтно.

Промчался іюль, за нимъ августъ, надвигался сентябрь съ осенними дождями.

Наступившіе осенніе холода не позволяли снимать верхней одежды, которая стала очень ветхою.

Силы узницъ быстро падали.

Онѣ уже не могли дѣлать такое множество, какъ прежде, поклоновъ. Въ особенности Евдокія Прокосьевна настолько потеряла силы, что не могла ни цѣпей носить, ни стула цѣпного сдвинуть; стоя не въ

силахъ была молиться и творила молитву лежа или сидя.

Съ нѣкоторыхъ поръ темница ей стала казаться чѣмъ-то особенно тѣснымъ и узкимъ.

Съ трудомъ передвигая ногами, еле таща за собою тяжелый стулъ, она ходила въ темнотѣ, ощупывала руками стѣны ямы, отыскивая выходъ.

— Душно, душно, сестрица, я дышать хочу, — глухо говорила княгиня.

Но Морозова только плакала, не зная, что отвѣчать сестрѣ.

Разумъ несчастной Урусовой мало-по-малу сталъ тускнѣть. Она перестала понимать настоящее свое положеніе. Ей казалось, что она бродитъ по привольнымъ лѣсамъ; въ ея воображеніи разстилалось широко надъ ней голубое небо, вмѣсто сырого, мрачнаго наката надъ ямою.

Она видѣла мужа, дѣтей... Все прежнее возставало передъ нею, точно живое.

Княгиня заболѣла горячкой, и смерть была уже близко.

Морозова понимала это хорошо и приготовилась къ тому, чтобы остаться одной страдать въ этой ямѣ.

Разсудокъ вернулся къ Урусовой незадолго до ея кончины. Передъ самой смертью княгиня просила сестру отпустить ее по закону христіанскому:

— Отпой мнѣ отходную; что ты знаешь, то и говори; а что я сама припомню, то сама проговорю.

Морозова послушно исполнила волю сестры и начала читать по ней отходную, тогда какъ сама умирающая вторила ей, поправляя иногда путавшуюся отъ слезъ и горя сестру.

И такъ онѣ обѣ служили отходную одна надъ другой.

Еще Морозова продолжала читать, когда сестра ея уже затихла.

Не слыша ея голоса, боярыня испуганно бросилась и наклонилась къ ней, прислушалась къ ея дыханію, но послѣдняго не было слышно.

Передъ Морозовой лежалъ холодѣющій трупъ. Евдокія Прокопьевна скончалась.

Морозова не знала, что ей дѣлать.

Еще наканунѣ ей была принесена пища; а за послѣднее время сторожа дня по четыре не являлись въ темницу.

— Что-же я буду дѣлать?—говорила она сама себѣ, сколь времени будетъ сестра не похоронена?

И она въ отчаяніи припала къ трупу сестры. Часы смѣнялись за часами, но никто не приходилъ.

Прошло по счету Морозовой болѣе двухъ сутокъ, когда заскрипѣлъ тяжелый засовъ верхняго входа въ яму. Въ темницу кто-то входилъ.

Морозова, насколько была въ силахъ, бросилась къ вошедшему, волоча за собою тяжелый стулъ.

Это былъ сторожъ, принесшій узникамъ пищу.

Испуганно отпрянулъ онъ назадъ, замѣтивъ бросившуюся къ нему женщину.

— Чего тебѣ?—глухо спросилъ сторожъ.

— Повѣдай тамъ на верху, что сестра моя волею Божіею помре.

Недовѣрчиво стоялъ сторожъ на мѣстѣ, и только когда боярыня повторила ему, онъ съ крикомъ бросился бѣжать изъ темницы, захлопнувъ за собою дверь.

— Умерла Урусова, — испуганно доложилъ онъ Кузмищеву.

Послѣдній недовѣрчиво взглянулъ на сторожа и пошелъ въ яму.

Въ первый разъ освѣтилось мрачное подземелье, когда дьякъ вошелъ туда со свѣчкой.

Вздрогнула Морозова: два съ половиною мѣсяца сидѣла она въ темнотѣ, не видя совершенно свѣта.

Первое, что она сдѣлала—она бросилась къ лежащей передъ ней мертвой сестрѣ, трупъ которой началъ уже издавать зловоніе.

Передъ Морозовой лежало неузнаваемое лицо, на которомъ видны были слѣды страданія.

Два мѣсяца съ половиной безпросвѣтной жизни измѣнили Урусову до неузнаваемости.

— Отпѣть нужно, — не глядя на боярыню, проговорилъ дьякъ.

Прежняя нетерпимость къ никоніанамъ сразу вспыхнула въ женщинѣ.

— Нѣтъ, не нужно, — коротко произнесла она, — ангелы Божіи сами отпоютъ ее.

— Какъ знаешь, — пробурчалъ Кузмищевъ.

И онъ приказалъ сопровождавшимъ его стрѣльцамъ выкопать тутъ-же въ темницѣ яму.

Морозова, съ трудомъ сдерживая слезы, истово крестясь, читала погребальный канонъ.

Наконецъ могила была готова.

Стрѣльцы по приказанію Кузмищева завернули въ рогожу трупъ той, которая еще недавно была принята при царскомъ дворѣ и, опустивъ его въ яму, начали засыпать.

Только теперь не могла сдержаться боярыня. Она бросилась къ заваливаемой могилѣ, пала на землю и стала биться объ нее головой.

Похоронивъ Урусову, Кузмищевъ отправился въ Москву съ докладомъ.

Вѣсть о смерти княгини Урусовой смутила Алексѣя Михайловича.

Онъ не ожидалъ такой скорой ея кончины, все еще надѣясь, что сестры послѣдуютъ „новшествамъ“, введеннымъ Никономъ.

Послѣ смерти Урусовой онъ думалъ уже отпустить на волю Морозову, „яко пострада достаточно“, но затѣмъ, посовѣтовавшись съ духовнымъ синклитомъ, который былъ противъ подобной милости, рѣшилъ послать къ строптивой боярынѣ снова для увѣщанія кого-нибудь изъ иноковъ.

— Гордость ея теперь поражена, тѣло и духъ ослаблены; она восприметь несомнѣнно наставленія и увѣщеванія и возвратится въ лоно истинной церкви,—сказалъ государю митрополитъ Крутицкій Павелъ.

Не долго думалъ „Тишайшій“.

— Совѣтъ твой хорошъ, святой отче,—отвѣтилъ онъ митрополиту,—я его принимаю и сейчасъ-же пошлю въ Боровскъ для увѣщанія Морозовой.

— Кого ты, думаешь, нужно опредѣлить на это дѣло?

— Пошли Іоакима, ему знакомо, — отвѣтилъ Павелъ...

Архимандритъ Чудовскій Іоакимъ уѣхалъ на другой день въ Боровскъ.

Послѣ смерти Урусовой, къ Морозовой, не желая ее оставлять одну, перевели Марію Данилову. Присутствіе послѣдней немного утѣшило боярыню, хотя она цѣлыми днями лежала на могилѣ сестры.

Іоакимъ, пріѣхавъ по приказанію царя въ Боровскъ, спустился вмѣстѣ съ Кузмищевымъ въ темницу къ Морозовой.

Снова освѣтилось подземелье, Морозова поняла, что къ ней посланъ архимандритъ для увѣщанія.

Пытаясь быть ласковымъ съ заключенною, архимандритъ сказалъ боярынѣ, что государь великій предлагаетъ ей, помня заслугу обоихъ Морозовыхъ, покориться ему, за что онъ снова возведетъ ее еще выше, чѣмъ она прежде стояла.

Отрицательно качнула головой Морозова и сурово отвѣтила:

— Не пойду я на эту мѣну и не промѣняю свой райскій вѣнецъ на временныя сокровища!

Тщетно пытался Іоакимъ вразумлять ее.

Безъ результата вернулся онъ въ Москву и доложилъ объ этомъ государю

Царь вторично послалъ увѣщать Морозову одного изъ почтенныхъ иноковъ.

Но боярыня на всѣ увѣщанія послѣдняго горячо воскликнула:

— О, глубокое неразуміе, о, великое помраченіе! Какъ вы не поймете того, что я, въ дому своемъ живши во всякомъ покоѣ, и тогда не хотѣла пристать къ вашей лжи и нечестію, держалась крѣпко православія,— не только не пожалѣла имѣнія, но и не устрашилась пойти и на страданія о имени Господнемъ. Нынѣ-ли, когда я вкусила столько сладкихъ подвиговъ, хотите меня отлучить отъ добраго и прекраснаго моего Владыки? Уже четыре года ношу эти желѣза и радуюсь, и не перестаю лобызать эту цѣпь, поминая Павловы узы. Вслѣдъ за моею возлюбленною сестрою я и сама готовлюсь скоро отойти туда. Отложите-же надежду отлучить меня отъ Христа и не говорите мнѣ объ этомъ,—я готова умереть о имени Господнемъ!

Старець умилился, прослезился и сказалъ:

— Почтися началу конецъ совершить.

Старець уѣхалъ обратно въ Москву, точно также не сумѣвъ убѣдить узницу.

Разсердился Кузмищевъ на Морозову.

— Ну буде, коли не хочешь добраго слушати, сиди себѣ здѣсь въ ямѣ, присыла новаго не будетъ!

Боярыня радостно перекрестилась.

— Слава тебѣ, Господи, освободили меня грѣшницу,—облегченно вздохнула она.

Съ этого дня потянулись для нея однообразные дни заключенія.

XXXV.

Наступила осень, сырая, глубокая. Цѣлыми днями моросилъ дождь.

Не видѣла его Морозова, но ощущала его, такъ

какъ по глинистымъ стѣнамъ ямы катились широкіе потоки воды.

Въ самой ямѣ тоже было сыро.

Глинистый полъ пропитался водою и обратился въ жидкую массу, такъ что ноги узницъ постоянно были сыры.

Солома, служившая имъ для спанья, представляла изъ себя перегнившую кучу.

Все складывалось къ тому, чтобы Морозова вскорѣ послѣдовала за сестрой.

Федосья Прокопьевна за послѣднее время сильно ослабѣла; она не могла даже молиться и все время лежала на грязной соломѣ, погруженная въ свои думы.

Въ той непроглядной тьмѣ, которая стояла въ ямѣ, не трудно было и совсѣмъ лишиться разума, если-бы у Федосіи Прокопьевны не было ея единоплеменницы Маріи Даниловой.

Послѣдняя все время безъ отдыха молилась, не уставая класть сотни поклоновъ и совершая „метанія“. Морозова внимательно слѣдила за молящеюся Даниловой; иногда ея пылающія отъ лихорадки губы повторяли слова молитвы.

Замѣтно было, какъ она таяла.

— Скоро, скоро, Марьюшка, мы съ тобой разстанемся!—говорила съ трудомъ больная.

— Неужели надолго?—испуганно спросила Данилова.

— Не пугайся, милая, скоро, скоро съ тобою свидимся тамъ высоко...

И узница, желая указать невидимое сквозь мрачный покровъ небо, силилась приподнять руку.

Цѣпи зазвенѣли.

Марія испуганно къ ней придвинулась.

— Что съ тобою, сестрица,—заботливо спросила она боярню,—цѣпи-то вонъ звенять.

— Скоро, скоро распадутся, полетитъ моя душенька! прямо въ рай.

И больная впала въ забытѣе.

За нѣсколько дней до смерти она сказала вошедшему къ ней въ темницу стрѣльцу:

— Есть ли у тебя отецъ и мать?

И, не давая ему времени отвѣтить, продолжала:

— Живы-ли они или умерли? Если живы, то помолимся о нихъ, если умерли, помянемъ ихъ.

Изумленный подобными вопросами, стрѣлецъ молчалъ.

— Умилосердися, рабъ Христовъ...

— О чемъ, госпожа?

— Очень изнемогла отъ голода и хочу ѣсть, помилуй меня и дай мнѣ калачика.

— Боюсь, госпожа, — отвѣтилъ стрѣлецъ

— Ну, хлѣбца...

— Не смѣю, — повторилъ свой отвѣтъ стрѣлецъ.

— Ну, мало сухариковъ...

— Запрещено, госпожа. Дьякъ не велѣлъ давать пищу въ тѣ дни, когда ставлю я воду.

Морсова замолчала, но немного погодя, какъ ребенокъ, повторила:

— Ну, принеси мнѣ яблоко или огурчикъ.

— Не въ силахъ я исполнить этого, госпожа, — печально отозвался стрѣлецъ.

— Добро чадо! Благословенъ Богъ нашъ изволивый тако!

Снова водворилось молчаніе.

— Если невозможно тебѣ это, то прошу тебя, сотвори послѣднюю любовь. Когда умру, покрой мое убогое тѣло рогожкой и закопай меня подлѣ сестры, чтобы были мы съ ней неразлучны.

Пораженный ея просьбою, стрѣлецъ растроганно прошепталъ

— Все исполню, госпожа, какъ ты мнѣ говоришь!

Данилова молча плакала. Она чувствовала, что ей скоро придется разстаться съ Морозовой.

— Коли тебя дѣйствительно такъ томить голодъ,— замѣтилъ послѣ раздумья стрѣлецъ,— такъ ужъ я, не спросясь дьяка, принесу тебѣ чего-нибудь поѣсть.

— Спасибо, рабъ Христовъ,— смиренно проговорила узница,— а еще я тебя попрошу вотъ о чемъ...

Боярыня соображала, видимо забывая, что хотѣла сказать.

— Вотъ, хочеть Господь взять меня отъ этой жизни,— прошептала она еле слышнымъ голосомъ;— не подбауетъ мнѣ, чтобы это тѣло въ нечистой одеждѣ легло въ нѣдрахъ своей матери-земли. Вымой мнѣ на рѣкѣ сорочку, Господь тебѣ за это заплатитъ.

И, снявъ съ помощью Даниловой съ себя сорочку, она передала ее стрѣльцу.

Послѣдній немного колебался,— исполнять-ли эту просьбу умирающей, такъ какъ свирѣбный Кузмищевъ строго воспретилъ дѣлать какія-либо послабленія заключеннымъ. Но въ концѣ концовъ онъ все-таки скрылъ сорочку подъ полою и снесъ ее на рѣку, гдѣ собственноручно вымылъ.

Вспомнилось въ эту минуту ему о томъ величїи, въ которомъ находилась нѣсколько лѣтъ тому назадъ Морозова. Онъ невольно сравнилъ ея прошлую роскошь съ теперешней нуждой и невольно горько заплакалъ.

Когда онъ вернулся въ яму и передалъ чистую сорочку заключенной, она радостнымъ голосомъ сказала ему.

— Спасибо, рабъ Господень! Теперь чистою отойду отъ земной юдоли.

Въ ту же ночь она стала слабѣть и заплетающимся языкомъ позвала чутко дремавшую Данилову.

— Проснись, милая, приспѣлъ мой часъ, отхожу ко Христу!..

Данилова приблизилась къ боярынь и обняла ее согрѣвая холодѣющее тѣло.

— Читай отходный канонъ, сестрица, — прошептала Морозова, — а я буду за тобой повторять!

Прерывающимся отъ рыданія голосомъ, читала отходныя молитвы Марія, но умирающая не могла за нею слѣдить.

Изрѣдка только произносила она слова, но вскорѣ совсѣмъ замолкла.

Закончивъ отходную, Данилова нагнулась къ Ѳедосіи Прокопьевнѣ, но передъ нею лежалъ холодѣющій трупъ

Боярыни Морозовой не стало въ ночь на второе ноября.

Утромъ явился съ обѣщанною узницамъ пищею стрѣлецъ, и ему повѣдала Данилова о кончинѣ боярыни.

Ѳедосью Прокопьевну схоронили тутъ-же, въ ямѣ, возлѣ сестры.

Не надолго пережила ее и Данглова: она скончалась черезъ мѣсяць.

Земляная тюрьма была разрушена. Мѣсто сравняли и въ началѣ прошлаго столѣтія въ Боровскѣ на городищѣ у острога положили камень, на которомъ была слѣдующая надпись:

„Лѣта 7180 погребены на семь мѣстѣ сентября въ 11 день боярина Петра Семеновича Урусова жена его, княгиня Евдокія Прокопьевна, да ноября во 2 день боярина Глѣба Ивановича Морозова боярыня Ѳедосья Прокопьевна, а въ инокахъ инокиня-схимница Ѳеодора, а дщерь окольнічаго, Прокопія Ѳеодоровича Соковнина. А сію дску положили на сестрахъ своихъ родныхъ бояринъ Ѳеодоръ Прокопьевичъ да окольнічій Алексѣй Прокопьевичъ Соковнины“.

Такъ кончилась жизнь одной изъ главныхъ поборницъ старовѣрія на Руси, сослужившей своимъ сильнымъ характеромъ и непреклоннымъ убѣжденіемъ не малую службу русскому расколу.

К о н е ц ъ .